

***Участие жителей Коми
в войнах и вооруженных
конфликтах XX века***

*Труды Коми отделения
Академии военно-исторических наук*

Выпуск 2

2004

УДК 947 (470.13)

Участие жителей Коми в войнах и вооруженных конфликтах XX века.

Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 2. – 216 с.

В сборник включены материалы, посвященные участию жителей Коми в различных вооруженных конфликтах и войнах XX в., а также доклады, сделанные на секции военной истории республиканской краеведческой конференции «Краеведение в Республике Коми: история современность, перспективы» (Сыктывкар, май 2004 г.), и выступления на совместном заседании Ученого совета Национального музея Республики Коми и Коми отделения Академии военно-исторических наук, посвященном 90-летию начала Первой мировой войны, подготовленные известными в республике учеными-историками и краеведами.

Редакционная коллегия

к.и.н., академик АВИН **А.Ф.Сметанин** (главный редактор), д.и.н., академик АВИН **И.Л.Жеребцов** (зам. главного редактора), д.и.н., академик АВИН **А.А.Попов** (зам. главного редактора), к.и.н., член-корр. АВИН **И.О.Васкул** (отв. секретарь), д.и.н., академик АВИН **В.И.Чупров**, к.и.н., член-корр. АВИН **А.Д.Напалков**, к.и.н., член-корр. АВИН **М.В.Таскаев**, к.и.н., член-корр. АВИН **Д.В.Милохин**

Ответственный редактор и составитель выпуска д.и.н. **И.Л.Жеребцов**

Рецензент д.и.н., проф. **А.Н.Турубанов**

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству ученых и краеведов, занимающихся изучением истории Коми в периоды Великой Отечественной, гражданской, Первой мировой и иных войн, участия жителей Коми в войнах и военных конфликтах, в организации военного дела и т.д. Статьи, заметки, публикации документов и другие материалы для очередных выпусков «Трудов Коми отделения Академии военно-исторических наук» принимаются преимущественно в электронном варианте и оформленные таким же образом, как статьи, публикуемые в данном сборнике.

Почтовый адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, ответственному секретарю «Трудов Коми отделения Академии военно-исторических наук» Васкулу И.О. Тел.: (8212) 244924 (зам. гл. редактора И.Л.Жеребцов), (8212) 241702 (отв. секретарь И.О.Васкул).

E-mail: zherebtsov.hist@mail.komisc.ru; secr.hist@mail.komisc.ru

© Коми отделение АВИН, 2004

© И.Л.Жеребцов, состав., 2004

ВВЕДЕНИЕ

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предоставляется второй выпуск «Трудов Коми отделения Академии военно-исторических наук», посвященный участию жителей Коми края в войнах и вооруженных конфликтах XX столетия. Поскольку этот том выходит в преддверии 60-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, то наибольшее количество материалов посвящено именно событиям 1941–1945 годов. В подготовленных известными в республике учеными-историками и краеведами статьях и сообщениях рассказывается о различных аспектах истории нашей республики, Севера России того периода: о проблеме восприятия начала войны людьми, трудовых ресурсах коми колхозов, вкладе в Победу спецпереселенцев – «бывших кулаков», ситуации в располагавшихся в Коми АССР лагерях и, в частности, о мобилизации заключенных в армию, состоянии кооперативного образования, социальной работе с детьми военнослужащих, развитии научных исследований, музыкального и изобразительного искусства, о паспортной службе республики, о судьбах конкретных людей. Об участии жителей Коми края в событиях Первой мировой войны на Западном фронте говорится в статье Н.А.Митюшевой. В данное издание вошли также публикации документов и материалов – воспоминания, дневники, данные периодической печати, хроника.

В сборник также включены доклады, сделанные на секции военной истории республиканской краеведческой конференции «Краеведение в Республике Коми: история современность, перспективы» (Сыктывкар, май 2004 г.), и выступления на совместном заседании Ученого совета Национального музея Республики Коми и Коми отделения Академии военно-исторических наук, посвященном 90-летию начала Первой мировой войны.

В настоящее время ведется работа над третьим выпуском «Трудов Коми отделения АВИН», который планируется выпустить в начале 2005 г. В него войдут разнообразные материалы, охватывающие различные хронологические периоды. Специальное внимание при этом предполагается уделить событиям Великой Отечественной войны. Приглашаем всех желающих принять участие в подготовке сборника. Ждем ваших статей, сообщений, воспоминаний, документальных подборок.

*Главный редактор «Трудов Коми отделения АВИН»
кандидат исторических наук, доцент, академик АВИН
А.Ф.Сметанин*

СТАТЬИ

Н.А.Митюшева
СТРОПТИВЫЙ ЛЕГИОН

О событиях 1812 г. сыктывкарцам напоминает местечко Париж. Между тем, и французы могли бы иметь свой Усть-Сысьольск – в память о тех коми, которые воевали во Франции сто лет спустя.

16 апреля 1916 г. в марсельском порту при огромном стечении народа высадились 1-я Особая пехотная бригада русского экспедиционного корпуса. В числе других солдат, унтер-офицеров на французскую землю ступили в тот день уроженцы Коми края. Благодаря свидетельствам и воспоминаниям ветеранов Первой мировой войны Д.А.Попова, Д.У.Лисовенко, маршала СССР Р.Я.Малиновского, коми писателей С.А.Попова, И.В.Изъюрова и краеведа В.А.Надуткина, фамилии некоторых из них нам теперь известны: С.М.Рочев, А.Г.Надуткин, Е.И.Турбылев, Савин, Чукичев, Фомин, Третьяков. Прибывая во Францию «воевать до победного конца», они не знали еще, что станут участниками событий славных и трагических.

Засылку Русского экспедиционного корпуса во Францию принято считать результатом сделки французского президента и русского царя, которую сегодня, возможно, назвали бы взаимозачетом. Долг России в 16 млрд. рублей золотом, поставки новых партий оружия решено было покрыть за счет «услуг» трехсоттысячного контингента военнослужащих русской армии, которых требовалось направлять, начиная с 1816 г., на французский участок фронта Первой мировой войны. Внешне это было оформлено как выполнение союзнических обязательств и оказание добровольной помощи французской армии.

Отбор в 1-ю Особую пехотную бригаду, получившую такое название незадолго до отправки русских войск во Францию, был строжайший. Им занимались высшие военные чины, командующие Московским и Казанским военными округами. В.Ф.Карев в книге воспоминаний «Экспедиционный корпус» пишет: «Из гарнизона, насчитывавшего приблизительно 30 тысяч человек отобрали и отправили в Самару 260 рядовых и унтер-офицеров. Все эти люди были рослые, крепкие, красивые, грамотные. Православные. В Самаре 204 человека были забракованы и возвращены в свою часть».

О строгости отбора можно судить по одному из его критериев: военнослужащие ростом ниже 170 см в экспедиционный корпус не попадали. Когда через 56 дней пути по Средиземному морю русские части выса-

дились в порту Марселя, а через пару недель заняли позиции на фронте, оказалось, что для богатырей из России траншеи маловаты – их пришлось углублять в первую же ночь. И вообще все здесь было не так, как в России, где на каждые 10 вражеских снарядов русская артиллерия отвечала одним. Солдат во французской армии был человеком, и с ним уважительно обращались офицеры. Случаи рукоприкладства в русских полках вызывали недоумение и возмущение французов. Ко времени февральской революции в Русском экспедиционном корпусе насчитывалось 44 тысячи человек, которые морскими транспортами с Дальнего Востока и из Архангельска были доставлены в порты Франции. Это были солдаты и командиры, в основном набранные в частях действующей армии. Таково было условие: новобранцев не брать, времени на изучение французской тактики боя и оружия не отводить, а сразу по прибытии ставить на боевые участки против немцев.

44 тысячи человек – это 1-я и 3-я Особые пехотные бригады и 2-я Особая артиллерийская бригада. Наиболее сознательной и организованной, как отмечают, была 1-я бригада. В сентябре 1916 г. она показала себя с лучшей стороны, сражаясь в районе Реймса за форт Бримон. 10 месяцев бригада была на линии огня, понесла большие потери, после чего солдаты потребовали отдыха и отвода в тыл.

Как известно, временное правительство и русское военное командование настаивали на продолжении войны до победного конца. У французских же властей была особая позиция: либо «разрешить» русским воевать «до победного конца» на французском фронте, но запретить создание солдатских комитетов, либо вернуть солдат на родину. Оба варианта преследовали одну цель – не допустить революционного брожения во французской армии. Но, несмотря на правильную оценку ситуации, французское правительство никак не содействовало возвращению русских на родину.

Между тем, вольнодумство уже распространялось в русских экспедиционных войсках. Солдаты 1-й бригады заявили однажды о своих законных правах и интересах: почему им задерживается выплата довольствия, не разрешается выход за пределы лагеря. Почему офицеры не сообщают солдатам о последних событиях в России? Знаменательно, что и по сию пору некоторые из перечисленных «прав интересов» столь же актуальны для современных военных...

Главными организаторами всех революционных выступлений солдат 1-й бригады после Февральской революции были Быстров и Савин – уроженец Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Вот что о них написано в книге «Их хотели лишь Родины»: «К сожалению, им не пришлось в дальнейшем руководить деятельностью российских

солдат. Быстров умер от тяжелых ран, полученных в кровавых боях у форта Бримон, Савин в тех же боях потерял ногу и долгие месяцы находился на излечении, в строй он не вступил».

Солдатские комитеты в Русском экспедиционном корпусе все же появились. Обращение «Ваше Благородие» было упразднено, «реакционное» офицерство старалось укрыться от солдатских масс в ресторанах и госпиталях. Постепенно власть в 1-й Особой пехотной бригаде перешла в руки ротных, полковых, батальонных командиров, которые подчинялись Совету солдатских депутатов.

Активные настроения солдат 1-й бригады очень скоро перестали быть просто настроениями – они потребовали от командования возвращения в Россию. Естественно, после этого героев кровопролитных сражений за Реймс и Мурмелон не могли не обвинить в измене.

Мятежной бригады боялись как во Франции, так и в России, и для ее усмирения предпринимались самые различные меры: уговоры, провокации, ультиматумы, обман, визиты высоких военных и государственных чинов, натравливание других соединений на мятежных солдат, урезание им продовольственного пайка, кампания в прессе. Однако 1-я Особая стояла на своем: «На фронт не пойдем, требуем возвращения в Россию!»

И тогда в сентябре 1917 г. против 13 тысяч мятежников, местом дислокации которых был военный лагерь Ля-Куртин, двинули войска, составленные из частей все того же экспедиционного корпуса (и, быть может, были среди карателей и уроженцы Коми края). В результате пятидневной осады, артобстрелов и рукопашных боев погибло около 3000 непокорных солдат.

Уцелевшие остатки бригады рассортировал по трем категориям. Но сначала изолировали куртинских руководителей. Их насчитали 92 человека и под усиленным конвоем отвели на железнодорожную станцию Ля-Куртин, а оттуда – в военную тюрьму г.Бордо. Вслед за ними еще две партии куртинцев, по 300 человек каждая, заточили в подвалы на острове Экс и тюремный лагерь Бурк-Ластик. Вскоре все 700 человек были отправлены в Африку. Потом взялись за основную массу солдат мятежной бригады, которые после разоружения были возвращены в лагерь Ля-Куртин. В конце 1917-го – начале 1918 года в порты Северной Африки – Оран, Бон и Алжир – прибыло на французских военных транспортах около 6 тысяч солдат. Это были те, кто не попали ни в первую, ни во вторую категории солдат, т.е. отказались «добровольно» вступить в иностранный легион французской армии и участвовать в наступлении либо «добровольно» же работать в тылу.

Во всех описанных событиях принял участие еще один наш земляк, уроженец села Глотова Удорского района Дмитрий Андреевич Попов, который умер в г.Кирове в конце 1970-х гг. Д.А.Попов оставил воспоминания:

«После начала Первой мировой войны я дважды был ранен, а, выйдя из госпиталя, в составе маршевой роты в августе 1916 г. попал во Францию. При наступлении у г. Реймса мы взяли у немцев три линии укреплений, но бригада потеряла много людей, в нашей роте осталось 11 человек. Мне, унтер-офицеру, пришлось взять командование на себя. И еще три дня мы отбивали атаки противника...Выступив с призывом прекратить войну, мы навлекли на себя гнев властей. Карательные части, сформированные из нашего же экспедиционного корпуса, выполнили указание Керенского и французской буржуазии расправляться с «пораженцами». Наша Куртянская республика, где к моменту начала осады лагеря Ля-Куртин (а это примерно за месяц до расстрела) не осталось представителей официальных военных властей, была разгромлена. Для этого понадобились 10 тысяч русских войск и поддержка, во втором эшелоне, французов. Меня и многих моих друзей посадили в тюрьму г.Бордо. Здесь я узнал об Октябрьской революции. Но вместо возвращения домой нас ждала африканская каторга. В лагере «Африель» мы таскали на плечах камни и бревна. Охранники всячески потешались над нами. Нас сослали в Африку и наградили каторжными работами и моральным террором не без умысла, а чтобы легче было вербовщикам сагитировать российских повстанцев в иностранный легион французской армии. Там им была уготована верная смерть на фронте. Такие планы спасения Франции от революционного духа строили власти и командование. Но среди нас идти туда желающих не нашлось.

22 июля 1919 г. стали бастовать наши солдаты. Местная социалистическая газета опубликовала наше воззвание. Французское командование и власти Алжира растерялись от неожиданности. Кормить стали получше, но репрессии продолжались. С целью найти инициаторов освободительного движения всех целый день продержали на солнце без пищи. Затем нас послали в глубь Сахары. Да, мы познали рабский труд на плантациях Африки наравне с батраками-алжирцами. Собрав деньги, мы поставили памятник в честь 50 наших друзей. Они ушли из жизни не сломленными, несмотря на болезни, истязания, голод. За организацию митингов и установление контактов с алжирскими социалистами я снова оказался в тюрьме, откуда вышел в сентябре 1920 г. Вскоре пароход «Баталия» доставил в Одессу остатки русского экспедиционного корпуса, а через 6 недель, еле волоча ноги, я прибыл в свое родное село на Мезени».

По возвращении на родину, немного окрепнув, Д.А.Попов поехал в Москву, где окончил 3-годичный рабфак и поступил на экономическое отделение института имени Карла Маркса. Через год по состоянию здоровья вернулся домой, стал работать учителем истории и географии в Глотовской школе-семилетке, однако в 1929 г. навсегда покинул Коми край. И кто знает, увидели бы мы воспоминания Д.А.Попова об алжирской каторге, если бы в конце 60-х гг. в Глотово не начали восстанавливать историю школы и села. Именно тогда Д.А.Попова отыскивали в Кирове. А в 1970 г., благодаря редактору журнала «Войвыв кодзув», коми поэту Серафиму Алексеевичу Попову, который в 1925–1928 гг. учился у Дмитрия Андреевича в Глотовской школе, о воспоминаниях бывшего legionера Русского экспедиционного корпуса смогли ознакомиться жители Коми республики.

Д.В. Милохин

**ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ СЕЛЬХОЗАРТЕЛЕЙ КОМИ АССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ***

1941 г. стал годом начала сурового испытания на прочность всего советского государства, народа, общества. Одним из ключевых условий успешной борьбы, а в конечном итоге и Победы, была быстрая перестройка всей экономики под нужды обороны страны. «Все для фронта, все для Победы!» – был не просто лозунг. Он объективно отражал суровые реалии военного времени. Колхозное крестьянство, несомненно, внесло весомый вклад в создание материальных основ борьбы с агрессором, понимая что только победа обеспечит выживание всего советского общества.

Цель данной работы – рассмотреть трудовую активность и динамику производственных ресурсов колхозов Коми АССР в качестве фактора, обуславливавшего стратегическую устойчивость аграрной подсистемы советского тыла в годы Великой Отечественной войны.

Проблема изучения динамики качества трудовых ресурсов сельхозартелей и трудовой активности колхозного крестьянства в годы войны поднималась в трудах А.Н.Александрова, Л.А.Габова, Т.Г.Каляновой, А.Ф.Сметанина, отдельные сюжеты были представлены в обобщающих изданиях по истории Республики Коми [1]. Выработанные в данных

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации молодым российским ученым-кандидатам наук (МК-1215.2004.6).

трудах подходы позволяют проводить дальнейшие углубленные исследования данной проблематики.

Источниками исследования послужили сводные годовые отчеты колхозов Коми АССР, динамические ряды Статистического Управления Коми АССР, содержащиеся в фондах Национального архива Республики Коми [2], опубликованные статистические сборники по развитию народного хозяйства Коми АССР [3], иные материалы.

В первый период войны (к концу 1942 г.) в колхозах республики оставалось две трети трудоспособных колхозников (66,8%), а в конце войны еще меньше – 59,1%. Если число трудоспособных колхозников тыловых районов в целом по стране в 1941–1943 гг. уменьшилось на 37%, то в Коми АССР число их уменьшилось на 40%. В 1944 г. в колхозах республики осталось трудоспособных мужчин и женщин 56% или на 44% меньше, чем в 1940 г. Это был самый низкий процент по стране. По удельному весу трудоспособных работников в колхозах Коми АССР занимала 27 место среди 30 восточных областей, опережая лишь Тюменскую, Пермскую области и Удмуртскую АССР [4]. Численность трудоспособных мужчин сократилась в еще большей степени.

Таблица 1

Трудоспособное население в колхозах Коми АССР в 1940–1945 гг.
(на конец года, в тысячах)

Население	1940 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Всего в колхозах трудоспособного населения	82,9	55,4	49,9	46,8	48,3
В % к 1940 г.	100	66,8	60,2	56,4	59,1

Источник: КРГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4107. Л. 156.

Если число трудоспособных женщин-колхозниц уменьшилось от 42,9 тыс. в 1940 г. до 34,9 тыс. в 1944 г. (на 19%), то численность трудоспособных мужчин за это же время уменьшилась с 26,5 до 5,8 тыс. человек или в четыре с половиной раза. В результате доля трудоспособных мужчин уменьшилась с 38,5% в 1940 г. до 14,2% в 1944 г.

Нельзя не учитывать и такую специфическую особенность колхозной системы Коми АССР, что ежегодное отвлечение из артелей оставшихся рабочих рук и гужевого транспорта на сезонные работы в лесную промышленность (на заготовку и сплав леса) сужало и без того ограниченные возможности использования на сельхозработах людей.

Год от года уменьшалось и число подростков 12-16 лет, что во многом было связано с мобилизацией молодежи в учебные заведения трудо-

вых резервов. Так, в колхозах Коми АССР на 1 января 1941 г. было подростков в возрасте 12-14 лет 23,8 тыс. человек, на ту же дату в 1943 г. – 19,0 тыс., в 1944 г. – 18,0 тыс., в 1945 г. 16,3 тыс. чел. По сравнению с 1941 г. подростков оставалось в 1943 г. 80%, в 1944 г. – 75,6%, в 1945 г. – 68,5%. В какой мере возмещалась убыль трудоспособных работников за счет внутренних ресурсов колхозов и какова равнозначность этой замены, свидетельствует таблица 2.

Таблица 2

Участие колхозников в общественном хозяйстве
(включая трактористов – членов колхоза) в 1940–1944 гг.

Трудоспособные работники	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1944 г. в % к 1940 г.
Все работавшие в колхозах	100450	81730	91730	86943	82435	82,5
А) трудоспособные мужчины	26500	Нет св.	7331	6170	5822	21,9
Б) трудоспособные женщины	42900	Нет св.	34364	38943	35915	81,4
В) все мужчины и женщины	69400	Нет св.	41695	46113	41737	58,4
Не обязанные работать минимум трудодней – подростки, престарелые и трудоспособные, ушедшие в армию, промышленность, учреждения и вернувшиеся в колхозы	31050	Нет св.	50080	40083	40698	134,4

Таблица показывает, что убыль трудоспособных работников из колхозов восполнялась за счет внутренних ресурсов далеко не полностью. Число всех работающих членов колхозов в 1940–1944 гг. уменьшилось с 100 тыс. 450 до 82 тыс. 439 чел. или на 17,5% и замена была неравнозначна. Например, в 1944 г. в числе работающих трудоспособные составляли 58,4%, нетрудоспособные (подростки, престарелые и больные) составляли 134,4% к 1940 г. В итоге главными источниками возмещения дефицита рабочих рук в колхозах вынужденно должны были стать максимальное увеличение производственной нагрузки на каждого работающего и увеличение производительности труда.

Направленным на решение этой задачи постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР в феврале 1942 г. был увеличен обязательный минимум трудодней для колхозников почти в полтора раза и впервые был установлен обязательный минимум трудодней для подростков – членов семей колхозников в возрасте от 12 до 16 лет (в размере не менее 50 трудодней

в год). Для учета трудодней подростков вводились специальные трудовые книжки колхозника. За невыполнение данного минимума трудодней по неуважительным причинам трудоспособные колхозники лишались своего приусадебного участка и в десятидневный срок привлекались к судебной ответственности [5].

В Коми АССР, как и в других районах европейского Севера, обязательный минимум трудодней увеличился с 60 до 100 трудодней. В действительности, в большинстве колхозов, по решению общего собрания колхозников он был повышен до 200 трудодней.

Эффективность данной меры была весьма высока. По данным сводных годовых отчетов колхозов Коми АССР за 1941–1945 гг. количество трудоспособных колхозников, не участвовавших в общественном производстве, уменьшилось с 358 чел. в 1940 г. до 137 чел. в 1942 г. В 1943 г. их осталось лишь пять человек (на 622 колхоза) или 0,01%, в 1944 г. – 11 чел. (0,4%).

Повсеместно сократилось и число трудоспособных колхозников, не выработавших обязательного минимума трудодней. Если в 1940 г., когда обязательный минимум составлял 60 дней в году, его не выработывало 5,1% колхозников, то в 1944 г. повышенный обязательный минимум не выработывало 1,7%. Число женщин, не выработавших минимума трудодней, соответственно уменьшилось с 4,7% до 1,6%, мужчин с 5,4% до 2,6%.

О больших усилиях колхозного крестьянства в труде свидетельствует рост средней выработки трудодней (табл. 3).

Таблица 3

Среднегодовая выработка трудодней трудоспособными
в колхозах Коми АССР (1940–1944 гг.)

Группы населения, участвовавшие в общественном производстве круглый год	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1944 г. в % к 1940 г.
Трудоспособные мужчины	259	Нет св.	316	349	342	132
Трудоспособные женщины	216	Нет св.	317	295	331	153,2

Источник: РГАЭ. Ф. 7486. ОП. 4. Д. 745. Л. 17.

Выработка заметно возросла у всех групп населения, особенно у женщин. Среднегодовая выработка трудоспособной женщины-колхозницы в 1944 г. в полтора раза превышала выработку 1940 г. и более чем в три раза была больше увеличенного обязательного минимума трудодней. Это имело решающее значение, поскольку в годы войны

женщины были главной силой колхозного производства. В общем числе полностью трудоспособных колхозников, принимавших участие в общественном хозяйстве, процент женщин увеличился с 61,8 до 86,7, а удельный вес выработанных ими трудодней соответственно повысился с 57,5 до 85% [6].

Преобладающая часть трудоспособных в республике в несколько раз перевыполняла обязательный минимум выработки трудодней. В 1944 г., например, 24,8% колхозников вырабатывали от 100 до 200, 25,1% – от 200 до 300, 18,6 – от 300 до 400 и 28,9% – свыше 400 трудодней. Подростки, обязанные выработать в год 50 трудодней, в среднем вырабатывали в 1943 г. – 73, в 1944 г. – 72 трудодня [7].

Однако потребность в дополнительных ресурсах ощущалась во всем цикле сельскохозяйственных работ и особенно остро на уборке урожая. В связи с угрозой гибели урожая в сентябре 1941 г. бюро обкома партии приняло чрезвычайное постановление «О привлечении учащихся 5-10-х классов к уборке урожая в колхозах с отрывом от учебы» [8].

17 апреля 1942 г. было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного сельского населения городов и сельских местностей». На основании этого постановления Совнарком и исполкомы Советов депутатов трудящихся Коми АССР ежегодно проводили трудовую мобилизацию на сельскохозяйственную работу той части населения, временное отвлечение которой не приносило большого ущерба другим отраслям экономики.

Мобилизовывались лица мужского пола от 14 до 50 лет из трудоспособных жителей г.Сыктывкара, рабочих поселков и сельской местности, не работавших на предприятиях промышленности и на транспорте, часть рабочих, служащих, учащиеся 6-10 классов сельских и городских школ, студенты. По постановлениям Совнаркома Коми АССР от 7 мая 1942 г. на весенне-полевых работах участвовало 12 тыс. 310 чел.: 1041 чел. трудоспособных членов семей, не занятых в общественном производстве, 3192 служащих и 8077 учащихся. 18 июня 1942 г. было принято новое постановление Совнаркома «О закреплении ранее мобилизованных и дополнительной мобилизации на работу в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения города Сыктывкара, рабочих поселков и сельских местностей Коми АССР на период прополочных и уборочных работ с 25 июня по 1 октября в размерах, обеспечивающих выполнение указанных работ в каждом колхозе и МТС». Согласно этому постановлению на прополочные работы было привлечено 2103 чел. и на уборку зерновых и технических культур, картофеля, овощей – 3300 чел. В общей сложности в порядке трудовой мобилизации на уборке

урожая 1942 г. в колхозах, МТС и совхозах республики работало 17 тыс. 713 чел. (1596 трудоспособных членов семей, 4626 служащих и 11 тыс. 491 чел. учащихся). Это примерно пятая часть по отношению к общему числу работающего колхозного населения. В 1943 г. мобилизованное население выработало в колхозах 1,1 млн. трудодней или свыше 5,6% к общему числу начисленных трудодней. Из них больше половины выработали школьники [9].

Таким образом, мобилизация основных и вспомогательных источников трудовых ресурсов смягчала остроту проблемы рабочей силы в сельском хозяйстве Коми АССР. Этот процесс был не равномерный. Например, в 1942 г. общее количество трудодней, выработанных в колхозах, увеличилось до 22201 тыс. против 19808,3 в 1940 г., т.е. на 12%. В 1943 г. общая выработка упала до 19131 тыс. трудодней, в 1944 г. – до 18046 тыс. трудодней или 91,1% к 1940 г. Лишь среднегодовое число трудодней, вырабатываемое в колхозах за указанные выше три года Отечественной войны, было почти равным (99,3%) уровню 1940 г. В качественном отношении это восполнение было далеко неравноценным.

На фронт ушли лучшие производственники, квалифицированные рабочие, специалисты, без которых не могло обойтись сельское хозяйство республики. Поэтому проблема подготовки колхозных кадров, тем более проблема выдвижения и обучения командных кадров колхозного производства в годы войны приобрела особо важное значение. За период с 1940 г. по 1944 г. удельный вес женщин в составе председателей колхозов увеличился с 1,2% до 18,6%, счетоводов и бухгалтеров – с 10,8% до 63,5%, бригадиров – с 8,7% до 77,0%, заведующих животноводческими фермами – с 40,1% до 87,7%. В 1943 г. из 153 председателей сельских советов было 60 женщин [10]. Характерной особенностью следует отметить быстрые темпы этого процесса в Коми АССР. В последние годы войны удельный вес женщин во всех звеньях колхозного производства республики был выше, чем по РСФСР и СССР.

Массовое выдвижение рядовых колхозников и колхозниц на руководящую работу в колхозах не могло полностью обеспечить потребность в этих кадрах. В 1941–1942 гг., например, процент сменяемости председателей колхозов повысился с 58,1% до 70,4%. Разумеется, этому способствовала массовая военная мобилизация, но она не всегда была тому причиной. Так, например, из 1127 председателей колхозов, сменившихся в военные месяцы 1941–1943 гг., выбыло в армию по мобилизации 607 чел. (около 54%), выдвинуты на более ответственную работу – 70 чел. (6,2%), остальные 380 чел. (33,5%) были освобождены по несоответствию должности [11]. Однако в 1943 г. сменяемость председателей колхозов уменьшилась до 39,7% и в последующие годы войны продолжала сни-

жаться. В 1944 г. сменилось 28,8%, в 1945 г. – 23,9% председателей, т.е. в 3 раза меньше в сравнении с 1941 г.

В военное время была необходимость обучать новое пополнение колхозных кадров (командных и массовых профессий) в большем количестве, чем в мирное время. Об этом свидетельствуют следующие данные в таблице 4.

Таблица 4

Подготовка управляющего персонала колхозного производства
и кадров массовых сельскохозяйственных профессий в Коми АССР
(1940–1944 гг.)

Колхозные кадры	1940- 1941 гг.	1941- 1942 гг.	1942- 1943 гг.	1943- 1944 гг.
Председателей колхозов	544	544	627	618
Счетоводов	153	494	754	684
Бригадиров полеводства	996	802	1117	964
Бригадиров овощеводства	225	256	419	391
Звеньевых полеводства	1596	865	1228	919
Колхозных кладовщиков	–	–	–	431
Агротехников	–	–	–	49
Яровизаторов	719	–	653	-
Машинистов косилок	472	–	1985	1216
Колхозных мелиораторов	–	–	–	129
Заведующих МТФ	624	375	682	574
Ветфельдшеров и санитаров	–	160	75	151
Заведующих КТФ	–	–	–	21
Старших пастухов	512	101	529	–
Пастухов оленеводов	–	–	123	136
Техников животноводства	–	–	–	32
Другие кадры	832	186	303	870
Всего	6673	3793	8599	7190

Источник: Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2615. Л. 62.

Таблица показывает, что в 1942–1943 гг. хозяйственном году было обучено колхозных кадров больше на 29%, в 1943–1944 ггг. – на 7,9%, по отношению к предвоенному году.

В районных колхозных школах (Объячевской и Ижемской) при районных земельных органах, МТС, Наркомземе Коми АССР, а также непосредственно в колхозах ежегодно готовились кадры председателей колхозов, счетоводов, бригадиров и звеньевых полеводов, бригадиров-овощеводов, машинистов конных носилок, заведующих МТФ, ветеринарных фельдшеров, пастухов. На втором году войны был подготовлен большой отряд яровизаторов, в 1943–1944 гг. была организована подготовка агротехников, колхозных мелиораторов, заведующих конефермами, пастухов-оленоводо, техников-животноводов, колхозных кладовщиков и работников других профессий.

Значительно более сложным делом являлось воспроизводство кадров механизаторов сельского хозяйства. Обучение новых трактористов, комбайнеров и других специалистов, проводившееся летом 1941 г. в срочном порядке в связи с массовой военной мобилизацией кадровых механизаторов МТС в моторизованные войска Красной Армии, было малоэффективным. К тому же после летне-осенних работ 1941 г. значительная часть молодых механизаторов была мобилизована в армию и ее снова требовалось заменить.

Осенью 1941 г. Наркомзем СССР дал директиву о дальнейшем обучении окончивших в первые военные месяцы краткосрочные курсы в школах механизации на отделениях трактористов, комбайнеров, машинистов. В то же время расширялось ускоренное индивидуальное ученичество в МТС, охватывая обучением не только ремонтных рабочих, как было в довоенные годы, но и механизаторов других основных специальностей: трактористов колесных тракторов и т.д. Программа и сроки в основном совпадали с обучением на курсах. Краткосрочное индивидуальное ученичество и курсовое обучение при МТС стали преобладающей формой подготовки механизаторских кадров сельского хозяйства. Это было продиктовано острой потребностью в кадрах и слабостью специальной учебной базы. Единственная в республике Сыктывкарская школа механизаторов сельского хозяйства с большим напряжением готовила механизаторов лишь по самым сложным специальностям: трактористов гусеничных тракторов, комбайнеров, бригадиров, механиков.

В связи с затруднениями в наборе учащихся СНК СССР и ЦК ВКП(б) предоставили местным Советам право комплектовать школы механизации, курсы при МТС путем призыва (мобилизации) сельской молодежи не ниже 16-летнего возраста.

Создавались специальные комиссии для персонального отбора молодежи на учебу во главе с секретарями райкомов партии. Все окончившие обучение при МТС подвергались экзамену квалификационной комиссией.

Таблица 4 показывает, что в период Отечественной войны подготовка механизаторов сельского хозяйства проводилась по всем основным специальностям. Было обучено 3772 человека. В 1942–1943 гг. больше, чем в предвоенном году, подготовлено механиков, бригадиров тракторных бригад, трактористов. Это было вызвано прежде всего необходимостью заменить мобилизованных в армию механизаторов, создать резерв для двухсменной работы. Отчасти такая необходимость возникла в связи с текучестью кадров. Меньше подготавливалось шоферов, так как количество автомашин в МТС сократилось в два раза. С 1943 г. возобновилась подготовка ремонтных кадров на курсах (с отрывом и без отрыва от производства), так как обучение их практическим путем не обеспечивало достаточной квалификации.

В последние годы войны, когда потребность МТС в кадрах начала снижаться, подготовка новых кадров механизаторов сократилась: в 1944 г. до 98,7%, в 1945 г. – 12,5% уровня 1941 г. В 1944 г. впервые за военные годы приступили к переподготовке имеющихся механизаторов ведущих профессий – трактористов, механиков.

В таблице 5 видно неуклонное повышение удельного веса женщин в пополнении кадров механизаторов сельского хозяйства. Среди 3772 человек, прошедших обучение в годы войны в школе механизации и при МТС, свыше 2622 механизаторов были женщины. Полностью из женщин готовились комбайнеры, почти полностью – бригадиры тракторных бригад, шоферы. Большая часть водителей гусеничных тракторов тоже готовилась из женщин.

Поэтому аналогичным образом изменился половой состав коллективов МТС – уже на второй год войны преобладали женщины. Например, на 1 октября 1942 г. из 750 трактористов в МТС Коми АССР было 547 женщин (это на 333 чел. больше, чем было 25 июня 1941 г.), из 75 комбайнеров – 70 женщин, из 110 бригадиров тракторных бригад – 40 женщин [12]. Смена состава сельских механизаторов была столь значительной, что в некоторых МТС почти не осталось кадровых механизаторов мужчин.

Однако уровень подготовки нового пополнения в военное время был низким. Об этом свидетельствует материал проверок МТС партийными и земельными органами. Так, проверка сельхозотдела Коми обкома ВКП(б) готовности Визингской МТС к весеннему севу 1942 г. (30 апреля) показала, что в МТС среди 126 трактористов 98 человек

Таблица 5
Подготовка механизаторов сельского хозяйства Коми АССР (1940/1941–1944/1945 гг.)

Подготовка кадров	1941 г.		1942 г.		1943 г.		1944 г.		1945 г.	
	всего	в т.ч. женщин	всего	в т.ч. женщин	всего	в т.ч. женщин	всего	в т.ч. женщин	всего	в т.ч. женщин
Механиков	19	3	47	28	22	18	22	13	—	—
Комбайнеров	60	42	37	37	33	33	14	14	11	—
Льнотеребильщиков	26	26	—	—	—	—	—	—	—	—
Бригадиров тракторных бригад	36	11	58	44	81	71	35	33	24	15
Трактористов НАТИ	467	164	218	160	285	260	195	168	25	18
Колесных трактористов	116	46	561	441	633	465	252	198	16	16
Шоферов	57	17	45	22	24	24	23	19	12	2
Слесарей и токарей	16	—	—	—	46	24	53	23	—	—
Переподготовка трактористов	—	—	—	—	—	—	185	164	11	—
Переподготовка механиков	—	—	—	—	—	—	8	6	—	—

Источник: Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4801. Л. 120.

окончили весной краткосрочные курсы без прохождения практики вождения трактора. Как отмечено в заключении, «в первое время самостоятельно управлять тракторами они не смогут, необходимо перевести в МТС человек 20 опытных трактористов со стороны» [13].

Однако и такое массовое обучение механизаторов сельского хозяйства не всегда покрывало потребность в них, особенно в период основных сельскохозяйственных работ, когда требовалось обеспечивать двухсменную работу машин.

Литература и источники

1. Александров А.Н. Труд во имя победы (вклад трудящихся Коми АССР в победу в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.). – Сыктывкар, 1968; Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г., Сметанин А.Ф. и др. Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму (1938 – 1975). – Сыктывкар, 1980; Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 253, 254, 255; Очерки по истории Коми АССР. Т. 2. – Сыктывкар, 1962; Очерки истории Коми партийной организации. – Сыктывкар, 1964; История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. – Сыктывкар, 1978.
2. Подробнее см.: Милохин Д.В. Источники по социально-экономической истории коми колхозной деревни в государственных архивах Республики Коми // Архивы в XXI веке: проблемы и перспективы. Научно-практическая конференция 23-24 октября 2002 г.: Тез. докл. – Сыктывкар, 2002. – С. 98-101.
3. Народное хозяйство Коми АССР. Статистический сборник. – Сыктывкар, 1957; 40 лет Коми АССР. – Сыктывкар, 1961; Коми АССР за 40 лет. Статистический сборник. – Сыктывкар, 1961; Коми АССР к 50-летию Советской власти. Статистический сборник. – Сыктывкар, 1967; Коми АССР за 50 лет. Статистический сборник. – Сыктывкар, 1971; Коми АССР 60 лет. Статистический сборник. Сыктывкар, 1981; Коми областная организация КПСС в цифрах 1921-1976. Статистический сборник. – Сыктывкар, 1977, и др.
4. Исторический архив. – 1962. – № 6. – С. 29.
5. История колхозного права. – М., 1958. – Т. 2. – С. 219-220.
6. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 745. Л. 93.
7. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 745. Л. 58,62.
8. Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 139. Л. 237; Д. 140. Л. 104.
9. НАРК. Ф. 408. Оп. 3. Д. 867. Л. 9-11; Ф. 605. Оп. 3. Д. 167. Л. 14; Д. 168. Л. 50; Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др. Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму (1938-1975 гг.). – Сыктывкар, 1980; Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 253. Л. 177.
10. Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2615. Л. 62,234.
11. Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2615. Л. 62, 114.
12. НАРК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 88. Л. 33; Д. 68. Л. 38.
13. НАРК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 832. Л. 106.

Н.М.Игнатова
ВКЛАД СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ – «БЫВШИХ КУЛАКОВ»
В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
(на материалах Коми и Архангельской областей)

В 1930–1950-е гг. в СССР в рамках репрессивной политики государства производились массовые насильственные перемещения различных групп населения с мест постоянного проживания в отдаленные районы страны, т.е. происходил процесс спецпереселения. Не затрагивая морально-этической стороны проблемы, следует сказать, что государственная политика в области спецпереселения исходила, прежде всего, из экономических потребностей. При заселении спецпереселенцев на огромные северные территории преследовалась, прежде всего, задача освоения богатых лесных запасов региона. Освоение малозаселенных и важных в плане промышленного развития страны регионов стало главной целью политики спецпереселения. В годы войны эта цель приобрела стратегическое значение.

Спецпереселенцы в местах ссылки не только своим трудом, ударничеством и стахановским движением делали вклад в дело достижения победы. Они также собирали денежные средства для фронта, отправляли посылки с вещами и продуктами на фронт. Во время Великой Отечественной войны в спецпоселках Республики Коми и Архангельской области проживали разные категории насильственно высланных с мест постоянного проживания. Следует отметить, что в документах военных и послевоенных лет отмечается особая роль спецпереселенцев категории «бывшие кулаки», высланных на спецпоселения в начале 1930-х гг. в ходе массовой коллективизации. В сравнении с теми, кто был выслан в конце 1930-х гг. – начале 1940-х гг., (поляки, евреи, высланные с западных территорий, немцы, высланные из прифронтовых зон, литовцы, молдаване, члены семей ОУНовцев и др.), «бывшие кулаки» были самыми лояльными к власти.

С одной стороны, к немцам, полякам и евреям органы НКВД относились с особым вниманием, так как в определенной степени эти категории спецпереселенцев олицетворяли в тылу образ врага, учитывая, например, то, что в основном они говорили на родном им языке. С другой стороны, в отличие от «бывших кулаков» немцам, полякам и евреям был присущ более высокий уровень недовольства советским режимом в годы войны. При рассмотрении мотивации поведения активной части спецпереселенцев необходимо учитывать множество аспектов: образование, этническую принадлежность, социальное положение и др. Высланные советские немцы, поляки и евреи имели более высокий уровень

образования, несли в себе наследие другой культуры, не общинной, более индивидуалистической, включавшей в себя урбанистические и различные этнические мотивы. Во многом поэтому проявления недовольства советским режимом среди этих категорий спецпереселенцев были более яркими, а число недовольных советским режимом гораздо больше.

«Бывшие кулаки», т.е. раскулаченные в ходе сплошной коллективизации и выселенные на спецпоселения в 1930–1931 гг. крестьяне несли в себе традиции общинного долготерпения и уступчивости, отличались достаточно высоким уровнем терпения и смирения с ситуацией. Они понимали, что власти по отношению к ним совершили акт несправедливости, однако очень немногие считали, что причины несправедливости лежат в особенностях советского строя. Многие полагали, что в отношении них допущена случайная ошибка. К началу Великой Отечественной войны «бывшие кулаки», сумевшие выжить, уже имели определенную устоявшуюся систему жизни, зарекомендовали себя перед властями. В частности, одним из факторов этого является то, что «бывшие кулаки» стремились сделать карьеру в спецпоселках. Спецпереселенцы в условиях несвободы и ограничения гражданских прав достаточно быстро после высылки стали занимать ответственные должности. Административно-хозяйственный аппарат спецпоселков (завхозы, председатели спецпоселковых колхозов, бухгалтера и др.) включал большое количество спецпереселенцев. Люди старались как можно быстрее восстановить утерянный в ходе репрессий свой социальный статус на месте высылки, не дожидаясь возможности получить освобождение.

Еще один фактор, способствовавший восприятию властями «бывших кулаков», как наиболее лояльных к режиму, состоял в следующем. В начале 1940-х гг., когда на спецпоселения в Республику Коми были высланы поляки, евреи, советские немцы и другие категории спецпереселенцев, иногда «бывшие кулаки» воспринимали новые партии спецпереселенцев настороженно и даже враждебно. Например, в 1940 г. в документах по тресту «Комилес» отмечалось: «имеются факты проявления антисемитизма со стороны старого кадра (*спецпереселенцы-«бывшие кулаки», высланные в начале 1930-х гг.* – Н.И.) и колхозников» [1]. Дело в том, что новые партии спецпереселенцев частично заселялись в спецпоселки, где на протяжении 1930–1940 гг. проживали только «бывшие кулаки», причем «старые» спецпереселенцы вынуждены были делиться жильем, продукты питания распределялись на большее количество людей. Это привело к новой волне голода в спецпоселках, поэтому вполне естественно, что вновь прибывающие партии спецпереселенцев воспринимались «бывшими кулаками», как угроза их непосредственному физическому существованию.

Самым главным аргументом, подтверждающим особое доверие властей к «бывшим кулакам» относительно других категорий спецпереселенцев, является тот факт, что «бывшие кулаки» были единственными из спецпереселенцев призваны в действующую армию в 1942 г., что, безусловно, повысило их социальный статус в рамках существующей системы.

В марте 1942 г. из общего количества спецпереселенцев в СССР мужчин насчитывалось 272 тыс. 473 чел., из них 174 тыс. 596 чел. в возрасте от 16 до 50 лет. К 1 ноября 1942 г. мобилизация трудпоселенцев в Красную Армию завершилась. Всего было призвано 60 тыс. 747 трудпоселенцев, в том числе из Коми АССР – 2589 чел., из Архангельской области – 4210 чел. В 1942 г. началось освобождение от «трудссылки» призванных в Красную Армию спецпереселенцев, а так же членов их семей. К 10 декабря 1942 г. было снято с учета по СССР 47 тыс. 116 трудпоселенцев, из них 17 тыс. 775 призванных в армию и 29 тыс. 341 член их семей [2]. В последующие годы войны было принято еще несколько законодательных актов, направленных на ослабление режима спецпоселения именно для спецпереселенцев-«бывших кулаков», что на фоне ужесточения режима спецпоселений, особенно для депортированных, можно считать «мягкой линией» государства в отношении спецпереселенцев-«бывших кулаков» в аспекте государственной мобилизационной политики в ходе войны.

В начале войны зимой 1941 г. в Коми АССР на проведенных в спецпоселках митингах и собраниях спецпереселенцы вынесли решения об отчислении в фонд обороны однодневный и двухдневный заработок [3]. За второе полугодие 1942 г. в поселке Ниашир Коми АССР было собрано денежных средств на строительство танковой колонны «Коми колхозник» 32142 рубля и послано в РККА 50 посылок. Эта работа проводилось и в других трудпоселковых районах [4].

Большую активность проявили спецпереселенцы-«бывшие кулаки» в этот же период в Архангельской области. Например, по поселкам Тарногского района подписка на военный заем составляла 28 тыс. 340 руб., в среднем на работника по 400 руб., в фонд обороны страны было сдано наличными 17 тыс. 365 руб., продовольствием – муки 490 кг, картофеля 8500 кг, молока 2400 л, мяса 630 кг, шерсти 36 кг. По поселкам Тотемского района колхозом и колхозниками было куплено займа на 258 тыс. 765 руб., денежно-вещевой лотереи на 86 тыс. 610 руб., собрано средств на танковую колонну 522 тыс. 315 руб., в среднем от 250 до 900 руб. на одного переселенца. Также были сданы теплые вещи и продукты [5].

Об активном участии трудпереселенцев в помощи фронту во втором полугодии 1942 г. говорят следующие факты. В трудпоселке «Перинг-

озеро» Онежского района 38 человек внесли на постройку танковой колонны «Архангельский колхозник» 5000 руб., на постройку эскадрильи самолетов «Архангельский комсомолец» 1500 руб. Инициаторами этого являлись переселенцы Ведуга Мария, которая внесла 300 руб., Зелик Анастасия – 400 руб., Романова Татьяна – 200 руб. Кроме того, сельхозартель поселка из общественных доходов внесла наличными 600 руб. [6].

Сельхозартель трудпоселка Хабарово отправила бойцам Красной Армии посылку теплых вещей и 70 кг свежей рыбы. Колхозники переселенческого колхоза «Белое Озеро» Плесецкого района на танковую колонну внесли наличными деньгами 58 тыс. руб. и заняли по району первое место. В Черевковском районе «бывшие кулаки» сдали на эскадрилью «Архангельский комсомолец» 2291 руб. и на танковую колонну «Архангельский колхозник» 6522 руб. Ими же было сдано облигаций на 11 тыс. 625 руб., и 9500 кг картофеля. В фонд победы сдавали так же молоко. Например, в Плесецком районе в некоторых спецпоселках за полгода сдавали фронту от коровы 100-150 литров, от козы – 15-20 литров [7].

Сбор средств в фонд обороны спецпереселенцами осуществлялся и в дальнейшем. В 1943 г. Коми АССР по всем поселкам была проведена реализация второго военного займа. Например, по трудпоселку Усть-Коин спецпереселенцы подписались на 27 тыс. руб. (предполагалось, что общая сумма составит 19 тыс. руб.) В спецпоселке Ворью Сыктывдинского района трудперселевец Звягинцев подписался на сумму 2 тыс. руб. и сразу внес деньги наличными [8].

В июле 1943 г. по Архангельской области отмечалось, что трудпереселенцы принимали активное участие в проводимых мероприятиях: подписка на вторую денежно-вещевую лотерею, сбор подарков к 25-й годовщине Октябрьской Социалистической революции, новогодних подарков бойцам, сбор средств на строительство танковой колонны «Архангельский колхозник» и другие мероприятия [9]. За годы войны 40 человек из этого колхоза им. Третьей Пятилетки Шенкурском району подписались на займы на 103 тыс. руб. и на денежно-вещевую лотерею на 20 тыс. руб. Некоторые спецпереселенцы подписались на 8-10 тыс. руб. [10].

Основной вклад спецпереселенцами в дело достижения победы в Великой Отечественной войне был ими осуществлен на трудовом фронте. Лесозаготовка в годы войны приобрела значение стратегической отрасли промышленности. Спецпереселенцы на лесозаготовительных предприятиях Коми АССР и Архангельской области составляли до 90% кадровых рабочих, поэтому рост производительности труда и ударни-

чество в спецпоселках сыграли важную роль в укреплении военной экономики.

В декабре 1941 г. в Коми АССР отмечался общий подъем производительности труда и стахановского движения среди спецпереселенцев. Например, Палевицкий ЛПХ, где из общего числа рабочих, занятых на производстве, 40% составляли спецпереселенцы, завоевал Переходящее красное знамя Президиума Верховного Совета Коми АССР. В спецпоселке «Зада» 29 спецпереселенцев вырабатывали за месяц 40-50 норм, 5 человек – от 50-60 норм [11]. В спецпоселках Железнодорожного района 85% трудоспособных спецпереселенцев ежедневно выполняли норму выработки от 100 до 150%. В спецпоселках Корткеросского района отдельные бригады спецпереселенцев выполняли норму на ручной сплотке ежедневно до 185%, на такелаже – до 160%, на рубке леса – по 5-6 км при норме 3,9 км. В Усть-Вымском районе две бригады спецпереселенцев Юзика, Сашай в количестве 61 человек норму выполняли на 200-250%. В Сыктывдинском районе бригада Батько Ивана в количестве 15 человек норму выполняли от 150-200% и отдельные спецпереселенцы, как Гируля Станислав, Стибур Станислав норму выполняли от 200-250% [12].

В отчете трудовых и специальных поселений НКВД Коми АССР за второе полугодие 1942 г. в качестве передовиков были отмечены спецпереселенцы, выполняющие нормы от 150-200%. По Железнодорожному району – Н.Говоровская, М.Олейник, Т.Иванова, Н.Евстринский и др., по Сысольскому району в трудпоселке Ком – А.Т.Дмитриева, К.А.Нижинская, И.Н.Горунович. По Усть-Вымскому району выполняющих дневные нормы насчитывалось 250 чел., в том числе 10 стахановцев [13].

В 1943 г. производительность спецпереселенцев еще более возросла. В первом полугодии 1943 г. по Усть-Вымскому р-ну из 318 трудоспособных и занятых на производстве спецпереселенцев насчитывалось 43 стахановца. По Сыктывдинскому району переселенцы, занятые на лесозаготовительных работах, были охвачены соцсоревнованием на 80%, в результате дневные нормы выполнялись на 140-160%. У отдельных рубщиков перевыполнение норм составляло самые высокие показатели. Например, рубщик Караваев выполнял по 148 дневных норм, рубщик Кондрашева по 134 нормы. По Железнодорожному району в Турьинском леспромхозе и Кожвинском механизированном лесопункте и др. участкам большинство рабочих трудпоселенцев выполняют дневные нормы на 150% и выше [14].

В Троицко-Печорском районе использовались переселенцы на заготовке стройдревесины и дров для северного речного пароходства.

Большинство из них выполняли и перевыполняли производственные нормы. В Дутовском лесопункте есть стахановцы, которые выполняют дневную норму на 200% и более. В Усть-Вымском районе из числа 299 трудоспособных – 289 выполняют и перевыполняют норму, в том числе 25 стахановцев [15].

Ударничество было распространено и среди спецпереселенцев, которые работали в спецпереселенческих колхозах. В Кожвинском районе в 1945 г. в большинстве колхозов посев на семенных участках проводился ручным способом и только в трех колхозах, в том числе спецпереселенческих Песчанка и Пиня-из, сев провели рядовым способом. Семеноводческие звенья были организованы в пяти колхозах, в том числе наряду с колхозами Рычаг, Луч и им. Мичурина в спецпереселенческих – Песчанка и Пиня-из [16]. В Усть-Куломском районе в 1945 г. рост производства по крупному рогатому скоту дали 11 колхозов из 82, в том числе спецпереселенческий колхоз Зинстан [17].

По Архангельской области, как отмечалось в документах «основная масса спецпереселенцев-«бывших кулаков» как до войны, так и в особенности во время войны по своей производственной деятельности зарекомендовала себя исключительно с положительной стороны, принимали активное участие в проводимых хозяйственно-политических мероприятий». Указанные положения подтверждались следующими наиболее характерными данными. Особенно отмечалось, что «не малую роль в сельском хозяйстве и на производстве выполняют женщины». Например, по Шенкурском району среди работающих в лесу спецпереселенцев, «главным образом женщин», за годы войны производительность труда была не ниже 108-140%. Звенья спецпереселенок Тучиной (ныне мастер леса), Волковинской, Радионовой и др. выполняли нормы от 214 до 300%.

Спецпереселенцы колхоза им. Третьей Пятилетки этого же района в результате примерного отношения к труду в годы войны добились увеличения колхозного стада. В Ленском районе за годы войны несмотря на недостаток рабочих рук хорошо работали имеющиеся пять спецпереселенческих колхозов. За хорошую работу два из них в 1944–1945 гг. заносились на районную доску почета.

За время войны к государственным наградам за достижения на производстве были награждены некоторые спецпереселенцы. По Усть-Янскому району было представлено к награждению медалями «За доблестный труд» 19 спецпереселенцев. Благодаря хорошей работе спецпереселенцев-«бывших кулаков» в леспромхозах треста «Севтранлес» Плесецкого района, где они составляли 90% к общему числу рабочих, за время войны трест до 14 раз получали переходящее Красные

знамена НПС и три раза – Знамя ГКО. В целом по Архангельской области среди спецпереселенцев, награжденных правительственными наградами, за хорошую работу к 1946 г. было 82 чел., из них медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» – 76 человек. Многие из призванных в Красную Армию спецпереселенцев возвратились из Красной Армии имея правительственные награды. Трем военнослужащим из семей спецпереселенцев было присвоено звание Героя Советского Союза.

«Бывшие кулаки» с 1936 г. были восстановлены в избирательных правах. Во время войны политическая активность спецпереселенцев по Архангельской области по сравнению с 1930-ми гг. значительно возросла. Спецпереселенцы активно участвовали в выборах в Верховный совет СССР. Два человека были избраны и работали председателями участковых комиссий и два человека членами избирательных комиссий, 14 человек избраны и состоят депутатами сельских советов. За хорошие производственные показатели всего по Ленскому р-ну представлено к награждению медалями «За доблестный труд» 172 спецпереселенцев-«бывших кулаков» [18].

В 1941 г. в Коми АССР проживало 17 тыс. 634 чел. «бывших кулаков», в Архангельской области – 36 тыс. 831 человек. Как отмечалось в документах, «бывшие кулаки» в дни Великой Отечественной войны, как на производстве, так и в сельском хозяйстве, за исключением отдельных, стали лучше работать, принимали активное участие в проведении таких хозяйственно-политических компаний, как сборе теплых вещей, предпраздничных подарков для Красной Армии, приобретении билетов денежно-вещевой лотереи, в продаже хлеба и картофеля в порядке государственных закупок и т.д. [19].

Следует отметить, что на лесозаготовках самоотверженно трудились бригады и поляков, и немцев. Их вклад в достижение победы, безусловно, также высок. Однако государственная политика в отношении спецпереселенцев строилась с учетом уровня толерантности различных категорий спецпереселенцев к мероприятиям советской власти и советскому режиму в целом. Это проявилось ярко во время Великой Отечественной войны, когда на фронт были призваны спецпереселенцы из одной категории – «бывшие кулаки», которые в отличие от всех остальных насильственно переселенных с мест постоянного проживания, были наиболее лояльны к советской власти, отличались высоким уровнем смирения и терпимости, несмотря на то, что им также, как и другим спецпереселенцам, были присущи проявления протеста на спецпоселениях.

В заключение следует отметить, что огромная масса спецпереселенцев, составляющая по стране в годы Великой Отечественной войны

около двух миллионов человек, продолжала в ссылке на спецпоселениях жить и трудиться. Спецпереселенцы оставались патриотами, и несмотря на обиду на власть, в подавляющем большинстве стремились сделать все возможное для достижения победы. Спецпереселенцы-«бывшие кулаки», помимо трудового вклада, наравне с другими гражданами страны сражались на фронтах и жертвовали свою жизнь на благо победы и страны.

Литература и источники

1. КРГАОПДФ (Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований). Ф. 1. Оп. 3. Д. 721. Л. 24.
2. Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социс. – 1992. – № 2. – С. 16-17.
3. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 74. Л. 215.
4. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 106. Л. 46 об.
5. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 106. Л. 141.
6. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 106. Л. 134.
7. Информационный центр (с вычислительным центром) при УВД Архангельской области. Отдел спецфондов. Ф. 33. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.
8. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 131. Л. 228.
9. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 106. Л. 134.
10. Информационный центр (с вычислительным центром) при УВД Архангельской области. Отдел спецфондов. Ф. 33. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.
11. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 74. Л. 177.
12. Там же. Л. 215.
13. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 106. Л. 43 об.
14. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 131. Л. 226.
15. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 133. Л. 258.
16. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1298. Л. 39.
17. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1306. Л. 23.
18. Информационный центр (с вычислительным центром) при УВД Архангельской области. Отдел спецфондов. Ф. 33. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.
19. Информационный центр (с вычислительным центром) при УВД Архангельской области. Отдел спецфондов. Ф. 33. Оп. 1. Д. 6. Л. 380.

М.Б.Рогачев
ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ЛАГЕРЯ
КОМИ АССР В 1941-1945 гг.

К концу 1930-х гг. в СССР сложилась разветвленная сеть исправительно-трудовых учреждений, дислоцированных в Сибири, на Дальнем Востоке, европейском Севере, в Поволжье, Средней Азии, Казахстане и

других регионах страны. В начале 1941 г. в подчинении ГУЛАГ НКВД СССР находились 65 лагерей и строительных управлений (свыше 1,3 млн. заключенных), каждый из которых был ориентирован на решение определенной экономической задачи.

Коми АССР с первых же дней образования ГУЛАГа стала одним из основных регионов дислокации лагерных подразделений. Перед войной на территории республики действовали 5 крупных ИТЛ: Ухто-Ижемский и Воркутинский Управления топливной промышленности (УТП), Северный железнодорожный и Северо-Печорский (второе наименование – Печорский железнодорожный) Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС), Усть-Вымский Управления лагерей лесной промышленности (УЛЛП) НКВД СССР.

Начиная с 1929 г., когда был создан первый исправительно-трудовой лагерь, «лагерное население» республики стабильно росло, а его удельный вес в общей численности заключенных СССР увеличивался. На начало 1935 г. в ИТЛ Коми АО (с 1936 г. – Коми АССР) находились 20,7, 1939 г. – 112,5, 1941 г. – уже 186,4 тыс. заключенных (соответственно 2,8%, 8,3% и 12,4% всех заключенных ИТЛ в СССР). В 1941 г. самыми большими были лагеря, строившие Северо-Печорскую железную дорогу – Северный железнодорожный (84,9 тыс. заключенных) и Северо-Печорский (34,9 тыс. заключенных). Для сравнения укажем, что по переписи 1939 г. население Коми АССР без «прошедших перепись по линии НКВД» (таковых было 131,9 тыс. чел.)* составляло 319 тыс. чел. [1].

Создание лагерной системы в Коми АССР имело целью с помощью принудительного труда заключенных освоить богатый природными ресурсами, но малонаселенный регион, сделать его одной из основных сырьевых баз советской промышленности. Каждый из лагерей имел определенную производственную специализацию. У Ухто-Ижемского ИТЛ (центр – рабочий поселок Чибью, с 1939 г. – Ухта) это были разведка и освоение нефтяных месторождений и радиевый промысел, у Воркутинского ИТЛ (центр – рабочий поселок Воркута) – добыча угля, у Усть-Вымского ИТЛ (центр – пос. Вожаель) – лесозаготовки, у Северного железнодорожного (центр – рабочий поселок Железнодорожный) и Северо-Печорского ИТЛ (центр – поселок Абезь) – строительство железной

* Спецперепись («перепись по линии НКВД») учитывала личный состав оперативно-чекистских управлений и отделов, пограничных и внутренних войск, личный состав аппаратов НКВД, штатный и вольнонаемный состав аппаратов лагерей и других мест заключения, трудовых поселков и строителей НКВД, осужденных и следственных заключенных, трудпоселенцев, воспитанников трудколоний. Подавляющее большинство из прошедших спецперепись были заключенными и трудпоселенцами.

дороги Котлас–Воркута. Кроме основной специализации каждый лагерь решал ряд других экономических задач и включал в себя развитую систему различных промышленных и сельскохозяйственных подразделений.

Во многом за счет производственной деятельности лагерей республика превратилась из аграрной в индустриально-аграрную. Экономика Коми АССР оказалась заложницей ГУЛАГа – без заключенных, а также спецпоселенцев, дальнейшего развития базовых отраслей промышленности в то время было уже невозможным. В 1940 г. даже всерьез обсуждался проект перенесения столицы Коми АССР из Сыктывкара в Ухту, и это при том, что центр Ухто-Ижемского ИТЛ в то время даже не имел городского статуса. Предложение СНК Коми АССР Коми ОК ВКП(б) о перенесении столицы должно было рассматриваться СНК СССР в 1941 г., но после начала войны о нем забыли [2].

Во время Великой Отечественной войны значение сырьевого потенциала Коми АССР существенно возросло: во-первых, лесоматериалы, уголь, нефть и газ были стратегическим сырьем, потребности в котором резко возросли; во-вторых, за счет развития горнодобывающего комплекса республики можно было частично компенсировать потери важных сырьевых районов (Донбасс, разрушенный Грозненский нефтепромысел и другие). Очевидно, что основную роль в развитии промышленности Коми АССР в военные годы неизбежно должны были сыграть лагеря. Без учета лагерной системы вообще невозможно охарактеризовать жизнь республики в военные годы.

Описание лагерной системы включает много взаимосвязанных составляющих: изменения структуры ИТЛ, характеристику «лагнаселения», производственную деятельность, жилищно-бытовые условия заключенных, социально-культурную деятельность и т.д. Для ее исчерпывающей характеристики требуется большая монографическая работа. Эта статья – не более чем эскиз, показывающий некоторые стороны функционирования лагерной системы Коми АССР в период войны.

Война положила начало новому этапу в развитии ГУЛАГа. В 1944 г. начальник ГУЛАГа В.Г.Наседкин так сформулировал задачи этого ведомства в годы войны: «вся оперативная и производственно-хозяйственная деятельность... была направлена: на усиление изоляции заключенных и борьбу с антисоветскими проявлениями среди них; сохранение физического состояния заключенных и их полное трудовое использование; комплектование важнейших оборонных строителей и предприятий рабочей силой из заключенных; всемерное усиление производства боеприпасов, спецкупожки и другой оборонной продукции и на расширение собственной продовольственной базы» [3].

Уже в самом начале войны была проведена реорганизация системы исправительно-трудовых учреждений. Были свернуты все долговременные программы промышленного строительства, что повлекло за собой закрытие организованных для их реализации ИТЛ. Пришлось закрыть ряд лагерей, обеспечивающих рабочей силой важнейшие оборонные производства, находившиеся в прифронтовой зоне (Ленинградская, Новгородская и Мурманская области, Карело-Финская ССР), а заключенных в срочном порядке эвакуировать в тыловые лагеря (в том числе и в Коми АССР). Всего приказом НКВД СССР № 311 от 28 июня 1941 г. были прекращены работы на 60 стройках НКВД. Были эвакуированы 27 ИТЛ и 210 ИТК с общим числом заключенных 750 тыс. чел. (часть из них была досрочно освобождена и направлена в армию) [4].

Лагерей Коми АССР эта реорганизация не каснулась. Приказом НКВД СССР № 911 от 11 июля 1941 г. все они были включены в список ударных сверхлимитныхстроек третьего квартала этого года. Очевидно, что значение Коми АССР как региона, располагающего значительными запасами стратегического сырья, расположенного относительно близко к промышленным центрам страны и в то же время удаленного от зоны военных действий, неизмеримо возросло.

Структура ГУЛАГа и система лагерей неоднократно реорганизовывались и расширялись в течении всего военного периода, приспосабливаясь к изменяющейся производственной ситуации. Нередко эти изменения были поспешным, непродуманными, связанными с постановкой нереальных в условиях военного времени экономических задач, что, в свою очередь, вело к новым реорганизациям, только усложняя управление лагерями и функционирование без того громоздкой лагерной системы. Всего в 1941–1944 гг. были расформированы 69 ИТЛ и 15 ИТК, вновь организованы 40 ИТЛ и 15 ИТК.

Неоднократно реорганизовывалась и переподчинялась различным подразделениям ГУЛАГа и лагерная система Коми АССР. Уже 2 июля 1941 г. Воркутинский и Ухто-Ижемский ИТЛ были подчинены реорганизованному Главному управлению лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП) НКВД СССР. Приказом НКВД СССР от 24 октября 1941 г. они были переподчинены ГУЛЖДС, что не совсем понятно, поскольку эти лагеря железнодорожным строительством не занимались. Вероятно, это было сделано для того, чтобы объединить управление всеми северными лагерями Коми АССР в одном Главке. Однако через два года все «вернулось на круги своя» – приказом НКВД СССР № 0385 от 5 октября 1943 г. Ухто-Ижемский, Воркутинский и образованный уже в военные годы Интинский ИТЛ были переданы в ГУЛГМП.

Интинский ИТЛ был выделен из состава Воркутинского приказом НКВД СССР № 001583 от 17 ноября 1941 г. Первые этапы заключенных прибыли на Инту еще в 1931 г., но они занимались только разведкой угольных запасов. Лишь в 1940 г. было принято решение начать закладку угольных шахт. Начало освоения отдаленного от Воркуты Интинского угольного бассейна и повлекло за собой выделение этого района в отдельный лагерь.

Тем же приказом из состава Ухто-Ижемского был выделен Верхне-Ижемский ИТЛ. Эта реорганизация связана с открытием в 1935 г. Седельского газового месторождения и с организацией на его базе в июле 1941 г. Крутянского газового промысла и строительством сажевых заводов (как раз в ноябре 1941 г. были получены первые образцы термической газовой сажи). Однако вскоре стало ясно, что создавать отдельную лагерную структуру рядом с Ухтой нецелесообразно, и 17 июля 1942 г. Верхне-Ижемский ИТЛ был ликвидирован с передачей его подразделений в Ухто-Ижемский ИТЛ.

В 1941 г. были предприняты шаги для реализации идеи строительства нового порта на побережье Баренцева моря на территории Ненецкого АО Архангельской области, соединенного железной дорогой с Воркутой. Для реализации этого проекта согласно приказа НКВД СССР от 24 марта 1941 г. должны были быть созданы два новых лагеря. Однако по неизвестным причинам этот приказ не был выполнен, а лагеря созданы только приказом НКВД СССР № 00965 от 25 июля 1941 г.

Окончательные задачи лагерей были определены приказом НКВД СССР от 4 сентября 1941 г. Югорский ИТЛ, дислоцированный на территории Ненецкого АО, должен был строить порт в пос. Хабарово, а Заполярный ИТЛ с центром в Воркуте – железную дорогу Воркута–Хабарово, протяженностью 330 км, зимник и временный порт у Югорского Шара (оба лагеря подчинялись ГУЛЖДС). Однако ни во время, ни после войны этот проект так и не был реализован. Приказом НКВД СССР № 00185 от 25 января 1942 г. Заполярный ИТЛ был объединен с Северо-Печорским ИТЛ [5].

Приказом НКВД СССР № 00968 от 11 июля 1943 г. в составе Норильского, Северо-Восточного и Воркутинского ИТЛ были созданы специальные отделения каторжных работ на 10 тыс. заключенных каждый. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. ссылка на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет применялась по отношению к пособникам фашистских оккупантов, шпионам и изменникам Родины. На практике к каторжным работам приговаривались не только те, кто действительно сотрудничал с фашистами, но и участники

национальных движений (УПА-ОУН и польской Армии Крайовой). Все они были осуждены по политическим статьям.

На 1 января 1944 г. в лагерях СССР насчитывался всего 981 каторжанин, из них 494 находились в Воркутинском ИТЛ. Но уже к 1 января 1945 г. численность каторжан выросла до 12,2, а к 1 апреля 1945 г. – до 15,5 тыс. чел. На 1 июня 1945 г. в лагерях находились 26,7 из 36,5 тыс. осужденных на каторжные работы (остальные – в тюрьмах и на пересыльных пунктах). Наибольшее число каторжан – 2,9 тыс. чел. (48,2%) – содержалось в Воркутинском ИТЛ [6]. В 1948 г. каторжане были переведены в Особые лагеря (два таких лагеря – Речной (Воркута) и Минеральный (Инта) – находились в Коми АССР).

Создание каторжных отделений существенно увеличило удельный вес политических среди всех заключенных Коми АССР. Причем число осужденных за контрреволюционные преступления стабильно увеличивалось все военные годы. В 1941 г. они составляли не более трети заключенных. На начало 1943 г. в Усть-Вымском ИТЛ осужденные за контрреволюционные преступления составляли 59,9%, Северном железнодорожном – 57,4%, Ухто-Ижемском – 50,4%, Воркутинском – 41,5%, Интинском – 39,1%, Северо-Печорском – 37,9%, по всем лагерям Коми АССР – 46,8% заключенных. В 1944-1945 гг., когда в лагеря пошли этапы осужденных участников национальных антисоветских партизанских формирований на Украине, в Прибалтике и Польше, «фашистских пособников», в число которых попала и часть советских военнопленных, удельный вес политических заключенных в лагерях Коми АССР значительно превысил 50%.

Таблица

Численность заключенных ИТЛ Коми АССР в годы войны (чел.) [7]

ИТЛ	1.01. 1941 г.	1.07. 1941 г.	1.01. 1942 г.	1.01. 1943 г.	1.01. 1944 г.	1.01. 1945 г.	1.01. 1946 г.
Воркутинский	19080	27393	28588	27793	25333	39711	52195
Интинский	–	–	–	6502	7536	9268	14885
Ухто-Ижемский	23214	39087	25331	22827	15304	12896	11014
Северо-Печорский	34959	91664*	102354	58825	23019	33598	34826
Северный ж/д	84893	66926	53344	29741	14757	12418	13546
Усть-Вымский	14056	24183	21953	24245	13615	15338	12357
Заполярный	–	–	995	–	–	–	–
Итого	176202	249253	232565	169993	99564	123229	138823

* По данным на 16.06.1941 г.

Не так однозначны тенденции изменения общелагерной численности заключенных. После начала войны «лагерное население» стало быстро уменьшаться. Только в 1944 г. численность заключенных вновь стала увеличиваться. Однако нетрудно заметить, что динамика численности заключенных по отдельным лагерям существенно различается. «Угольные» Воркутинский и Интинский ИТЛ постоянно разрастались. Численность заключенных Ухто-Ижемского и Усть-Вымского ИТЛ стала быстро уменьшаться только в 1943 г. А наиболее существенные потери «лагерного населения» за годы войны, даже с учетом его небольшого роста в 1944–1945 гг., понесли железнодорожные лагеря.

Исчерпывающе объяснить изменения численности невозможно, поскольку мы не имеем полных данных о прибыти и убыти заключенных с разбивкой по годам, лагерям и категориям прибытия и убытия. Но ряд причин этих изменений, в том числе и по отдельным лагерям, вполне прослеживаются при анализе особенностей функционирования лагерной системы и отмеченных выше структурных изменений ГУЛАГа в военные годы. Например, рост численности заключенных во второй половине 1941 г. во многом связан с переброской в северные ИТЛ «контингента» ликвидированных (в том числе эвакуированных) лагерей, а сокращение численности «лагерного населения» Воркутинского ИТЛ в 1942 г. – с переводом 5756 человек в новый Интинский ИТЛ.

О начале войны в лагерях узнали в тот же день. Вот как вспоминает об этом Ю.И.Чирков, в то время заключенный Ухто-Ижемского ИТЛ: «Разбудил меня громкоговоритель, который голосом Левитана вещал, что будет передано важное правительственное сообщение... Молотов, слегка заикаясь, объявил о нападении Германии... Я выскочил из-под полога, вбежал в среднюю комнату и увидел бледные лица моих коллег, стоящих под черной тарелкой репродуктора. У Александра Иосифовича тряслись губы. «Могут начать нас расстреливать», – пролепетал он. Все молчали... Было жутко. Первые дни войны ознаменовались усилением лагерного режима. Нас всех перевели на житье в зону. Пропуска ограничили во времени (с 6 часов утра до 9 вечера). ...Через несколько дней в зоне отключили радио, а затем сняли репродукторы и перерезали провода трансляции... Эта изоляция от информации рождала слухи о неблагоприятной ситуации на фронте и усиливала тревогу. Были арестованы все немцы-заключенные, занимавшие командные должности... Были арестованы также бывшие заключенные-немцы, работавшие в управлении, на производстве, в снабжении; говорили, что их всех расстреляют» [8].

Ужесточение лагерного режима и аресты немцев производились в соответствии с директивой № 221 НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 22 июня 1941 г. Она предписывала прекратить освобождение из

лагерей, тюрем и колоний «контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников», сосредоточить эти категории заключенных, а также «польские контингенты» (осужденных в Западной Украине и Западной Белоруссии после их присоединения в 1939 г. к СССР и интернированных солдат и офицеров польской армии), немцев и иноподданных в «усиленно охраняемые зоны, прекратив бесконвойное использование на работах», «содержащихся в лагере заключенных максимально законвоировать», «прекратить всякую переписку заключенных, ...с волей», «арестовать заключенных, на которых имеются материалы в антисоветской деятельности» [9].

Во всех лагерях незамедлительно были приняты меры по информационной изоляции, начались аресты подозреваемых в антисоветской деятельности, прекращено освобождение указанных категорий заключенных. В Ухто-Ижемском ИТЛ, например, было задержано освобождение 2742 человек. На станциях действовавшего участка Северо-Печорской железной дороги Кожва – Котлас, речных пристанях по радио передавали объявление о том, что все освобожденные (имевшие на руках справки об освобождении и уже покинувшие лагерь) должны вернуться обратно [10]. Прекращение освобождения стало одной из причин резкого увеличения численности «лагерного населения».

Однако приказ о «максимальном законвоировании» заключенных и создании «усиленно охраняемых зон» для особо опасных политических преступников начальники лагерей выполнили только частично. К примеру, в докладной записке о причинах, сделавших возможным вооруженное восстание в лагпункте Лесорейд Воркутинского ИТЛ, подготовленной НКВД Коми АССР в феврале 1942 г., отмечалось, что в Воркутинском ИТЛ приказ № 221 «об усилении охраны и обеспечении государственной безопасности в лагере... по существу не был принят во внимание. Правда, формально после получения приказа Наркома Внутренних Дел и Прокурора Союза, Начальником Управления Воркутлага был издан ряд приказов, предусматривающих действительное усиление охраны заключенных и обеспечении государственной безопасности лагеря. Однако почти все основные мероприятия, намеченные приказами, остались невыполненными» [11].

Причина этого, конечно, не в гуманизме лагерных начальников, а в том, что «максимальное законвоирование» неизбежно сказалось бы на выполнении производственных планов. Кроме того, лагерное начальство просто не имело возможности усилить охрану заключенных, оборудовать новые лагпункты и передислоцировать в них «особо опасных государственных преступников». Достаточно сказать, что значительная часть стрелков ВОХР в первые же месяцы была отправлена на фронт.

Их заменили призванные запасники старших возрастов, но и их не хватало.

Прекращение освобождения заключенных, аресты, неудачи на фронте вели к нарастанию тревоги среди «лагерного населения». Опасение начала новых репрессий было всеобщим (в лагерях хорошо помнили о совсем недавних массовых расстрелах 1938 г.). Опасались также, и не без основания, что питание станет еще хуже, что «придется умирать от голода». Оперчекистские отделы лагерей отмечали нарастание недовольства заключенных, многочисленные «контрреволюционные высказывания», рост числа побегов (за редким исключением неудачных).

Актом отчаяния можно считать восстание заключенных лагпункта Лесорейд в январе 1942 г. (готовилось с сентября 1941 г.) – первое вооруженное восстание в советских лагерях. Восставшие надеялись на поддержку заключенных других лагерей, что дало бы возможность достигнуть конечной цели – прорваться на фронт. На короткое время им даже удалось захватить районный центр с. Усть-Усу. Но шансов на удачный исход у них не было. При подавлении восстания с обеих сторон погиб 81 человек. В августе 1942 г. по делу о восстании были осуждены 68 чел. (из них лишь около 40 действительно принимали в нем участие), 50 чел. были приговорены к расстрелу, остальные – к длительным срокам лишения свободы. 20 августа 1942 г. по всем ИТЛ была разослана докладная записка «Об усилении контрреволюционных проявлений в ИТЛ НКВД», содержащая указание о немедленном аресте заключенных, «на которых имеются материалы об антисоветской работе в лагерях и колониях, высказывающих повстанческие настроения, а также ведущих подготовку к побегам» [12].

На годы войны, и прежде всего на 1941-1942 гг., действительно приходится новый пик политических репрессий. По неполным данным в 1941–1945 г. в Коми АССР было арестовано и осуждено по политическим обвинениям более 3,5 тыс. чел. (из них 2,6 тыс. чел. – в 1941–1942 гг.). Большинство политических репрессированных – 2,6 тыс. чел. (74,3%) – были заключенными (кроме того, около 5 тыс. заключенных были осуждены не по политическим статьям). Из них 2456 чел. были арестованы в период войны, в том числе 840 (34,2%) – во второй половине 1941 г., 1030 (41,9%) – в 1942 г.

Более трети заключенных, осужденных в военное время, были приговорены к расстрелу. Особенно жестокими были приговоры первого периода войны. Из 751 смертного приговора, вынесенного заключенным, 505 (67,2%) приходится на тех, кто был арестован во второй половине 1941 г., 217 (28,9%) – в 1942 г. Из приговоренных к высшей мере нака-

зания соответственно были расстреляны 378 и 91 заключенный, остальным расстрел был заменен на длительные сроки лишения свободы [13].

Весной 1942 г. режим содержания заключенных был несколько смягчен, сократилось число арестов. Согласно директиве НКВД СССР и Прокурора СССР № 185 от 29 апреля 1942 г. разрешалось освобождать всех отбывших срок заключения, за исключением «осужденных за измену, террор, шпионаж, диверсию, троцкистов, правых и бандитов». По указанию НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 7 мая 1942 г. освобождению подлежали и осужденные за КРД, АСД, АСА, СВЭ и СОЭ (т.е. за контрреволюционные преступления), но не освобождались осужденные за антисоветскую деятельность «члены антисоветских партий», а также немцы, итальянцы, финны, румыны, болгары, венгры, латыши, литовцы, эстонцы и выходцы из Бессарабии. Все освобожденные были оставлены на «положении вольнонаемных без права выезда и с прикреплением до конца войны к районам работ лагеря-стройки» (разreshалось освобождать без прикрепления к лагерям инвалидов, стариков, женщин, имеющих детей). Несколько позже было разрешено досрочное освобождение заключенных (в том числе рецидивистов и политических) за примерное поведение и высокие производственные показатели, но опять же с прикреплением их к лагерям до конца войны [14].

Частичное снятие ограничений по освобождению привело к некоторому снижению численности заключенных. Однако основная причина большого «оттока» лагерников не в этом. Тяжелые потери первого периода войны заставили советское правительство начать беспрецедентную акцию: досрочное освобождение заключенных (в основном осужденных за бытовые и имущественные преступления) и «передачу их в Красную армию». По Указам Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 г. «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений» было освобождено 420 тыс. чел. В 1942–1943 гг. по решениям ГКО были досрочно освобождены и направлены в армию 157 тыс. чел. Всего в 1941–1944 г. в армию были призваны 975 тыс. бывших заключенных [15]. Известны случаи, когда досрочно освобождали и направляли в штрафные батальоны даже осужденных за контрреволюционные преступления.

Освобождение и призыв в армию из лагерей Коми АССР начался по распоряжению ГКО от 13 декабря 1941 г. (первая партия была отправлена на фронт в тот же день). К этому времени мобилизационные ресурсы Коми АССР были практически исчерпаны. До конца 1941 г. в армию успели призвать всего несколько сотен освобожденных из лагерей. А в 1942–1943 гг. досрочное освобождение и направление в армию стали массовыми – через Кожвинский и Ухтинский райвоенкоматы ежемесячно

призывалось до 3 тыс. досрочно освобожденных заключенных. Только из Северо-Печорского ИТЛ в 1942 г. и первые десять месяцев 1943 г. было «передано в РККА» 34 тыс. 084 из 57 тыс. 460 освобожденных. Массовый призыв в армию досрочно освобожденных заключенных прекратился лишь в 1944 г. Всего за годы войны через военкоматы Коми АССР были отправлены на фронт 169,6 тыс. чел., около 120 тыс. из них – освобожденные из лагерей. Бывшие заключенные И.М.Воротынцев и Н.С.Бойков стали Героями Советского Союза, Г.С.Ореховский – полным кавалером ордена Славы. Но судьба большинства ушедших на фронт из лагерей Коми АССР не установлена до сих пор [16].

Кроме того, в соответствии с советско-польским договором от 30 июля 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. была объявлена амнистия «польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на Советской территории в качестве ли военнопленных, или на других достаточных основаниях». К сентябрю 1941 г. по амнистии из тюрем и лагерей были освобождены 50,3 тыс., из лагерей военнопленных – 26,3 тыс. человек. Более 40 тыс. бывших заключенных и спецпоселенцев были направлены в формирующуюся в СССР польскую армию [17].

Большее половины «польского контингента» в конце 1939 – первой половине 1941 гг. попала как раз в лагеря Коми АССР. В середине 1941 г. в лагерях Коми АССР они составляли более 10%, а в Ухто-Ижемском и Воркутинском ИТЛ – более 25% заключенных. Соответственно и освобождение поляков весьма существенно сказалось на численности заключенных. По данным на конец 1942 г. из лагерей Коми АССР было освобождено 32 тыс. 448 «бывших польских граждан», в том числе из Воркутинского (вероятно, с учетом нового Интинского) ИТЛ – 7805, Северо-Печорского ИТЛ – 8242, Усть-Вымского ИТЛ – 1631, Северного железнодорожного ИТЛ – 4475, Ухто-Ижемского ИТЛ – 10295 человек. Более 15 тыс. из освобожденных отправились в польскую армию [18].

Оставшиеся и вновь прибывающие контингенты заключенных должны были выполнять все возрастающие производственные планы в условиях неизбежного в военное время снижения и без того чрезвычайно низкого уровня жизни. Особенно тяжелое положение было с продовольствием. Новые нормы продовольственного снабжения, введенные приказом НКВД СССР № 437 от 13 октября 1941 г., по сравнению с нормами, установленными приказом НКВД СССР № 943 от 14 августа 1939 г. (норма № 5), были ниже: по хлебу, крупе, мясу и рыбе – в 1,5, сахару – в 1,7, муке – в 6,1 раза. Незначительно (на 10%) снизились лишь нормы на картофель и овощи.

Бывшие заключенные в своих воспоминаниях отмечали, что даже по сравнению со скудным питанием в довоенных лагерях, в 1941–1943 гг. в северных лагпунктах был настоящий голод. Это подтверждает и лагерная отчетность. Согласно приказам по ГУЛАГ НКВД СССР за вторую половину 1942 – начало 1943 гг. нормы питания снижались трижды. В Воркутинском ИТЛ, например, с 1 октября 1942 г. суточные нормы питания были снижены с 3,02 до 2,35 руб. (подземным рабочим – с 3,68 до 2,56 руб.). Через месяц ввели еще одно снижение – по рыбе на 50%, мясу и жирам на 20%. Причем, как отмечалось в лагерных отчетах, даже уменьшенные нормы не соблюдались.

Только в 1944 г. нормы питания были несколько увеличены: по хлебу – на 12%, крупе – на 24%, мясу и рыбе – на 40%, овощам – на 22% (однако это вовсе не означало, что везде и всегда они соблюдались). Но и это нормы были примерно на 30% ниже довоенных. В 1948 г. министр внутренних дел С.Н.Круглов докладывал И.В.Сталину: «Нормы снабжения заключенных в годы войны были сокращены и в настоящее время составляют в среднем 2125 калорий при минимально необходимых 3000 калорий для занятых на физических работах» [19].

В войну ухудшилось и материальное снабжение лагерей. Обуви и одежды и раньше не хватало, а теперь «лагерные контингенты» снабжались еще хуже. Программы жилищного строительства срывались во всех лагерях. И в то же время выполнение все возрастающей производственной программы требовало постоянного увеличения норм выработки. Рабочий день был увеличен до 12 часов. Циркуляром НКВД (октябрь 1941 г.) разъяснялось, что «12-ти часовой рабочий день в лагерях и колониях сохраняется на осенне-зимний период в местах работ, где имеется освещение. По тем видам работ, где применить освещение невозможно, сократите рабочий день до 10 часов, либо установите продолжительность рабочего дня равную световому дню. В тех случаях, когда рабочий день в этих условиях будет составлять 8-9 часов – выходные дни отменяются» [20].

Крайнее физическое напряжение в сочетании с плохим питанием, отсутствием нормальных условий для труда и отдыха, полноценной медицинской помощи, суровыми климатическими условиями приводили к закономерным последствиям: росту заболеваемости и смертности заключенных. В докладе начальника ГУЛАГа В.Г.Наседкина «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941–1944)» приведены такие факты: если в первой половине 1941 г. заболеваемость заключенных составляла 6,7%, то в 1943 г. – 22%. В 1940 г. годные к тяжелому и среднему труду составляли 61,3%, годные к легкому труду – 15,6%, инвалиды и ослабленные – 23,6%, в 1942 г. – соответственно 36,2, 38,3 и 25,5%. Только в 1943 г.

удалось несколько снизить заболеваемость и увеличить удельный вес заключенных, пригодных к тяжелому и среднему труду, до 42,5%. В 1940 г. смертность заключенных ГУЛАГа составляла 2,72%, в 1941 г. – 6,0%, в 1942 г. – 24,9%, в 1943 г. – 22,4%, в 1944 г. – 9,24%, в 1945 г. – 5,95%. На военные годы приходится почти 60% смертей заключенных за всю историю ГУЛАГа с 1930 по 1956 г. [21].

В Коми АССР особенно тяжелой была ситуация в Северном железнодорожном лагере (там еще незадолго до начала войны была отмечена исключительно высокая смертность заключенных, а группа руководящих работников лагеря во главе с начальником Г.П.Большаковым за развал работы в январе 1941 г. была арестована и в 1942 г. расстреляна). Резкое возрастание числа заболеваний и снижение численности пригодных к тяжелому и среднему физическому труду отмечались практически по всем лаготделениям Северо-Печорского ИТЛ. В Ухто-Ижемском ИТЛ в конце 1943 г. больные и инвалиды (группы «В» и «Г») составляли 26,5%, в Воркутинском ИТЛ – 19,5% (в середине 1941 г. – 9,7%). Ситуация начала улучшаться только в 1944 г.

В ноябре 1941 г. отмечалось, что «заболеваемость и смертность среди заключенных Северо-Печорского лагеря принимает угрожающие размеры. В августе умерло 322 заключенных, в сентябре, по неполным данным, 692 заключенных». В декабре 1941 г. смертность составила уже 1158 человек. В Воркутинском ИТЛ в 1942 г. умерли 1315 (более 5% от среднегодовой численности), в Интинском ИТЛ – 605 (9%), в 1943 г. соответственно – 3948 (15,5%) и 993 (15,5%), в 1944 г. – 3144 (10,5%) и 911 (11%) заключенных. В 1943 г. в Ухто-Ижемском, Усть-Вымском, Северном железнодорожном и Северо-Печорском ИТЛ смертность не превышала 7% от среднесписочного состава [22].

Из-за потерь, понесенных в результате призыва на фронт, болезней и смерти заключенных лагеря уже в 1942 г. стали испытывать дефицит рабочей силы. Новые этапы могли лишь частично компенсировать понесенные потери. И дело не только в их численности. К примеру, в Воркутинском ИТЛ с марта по сентябрь 1941 г. численность заключенных возросла на 14048 человек, и, не смотря на то, что в сентябре-декабре их ежемесячная убыль превышала прибыль, на конец года «прирост лагнаселения» составил 9508 человек. Однако, как отмечало лагерное начальство, «физическое состояние прибывших контингентов было неудовлетворительное» (в значительной части это были заключенные, переведенные из других лагерей), что привело к росту во второй половине 1941 г. удельного веса «рабсилы» групп «В» и «Г». В 1943 г. наблюдалась аналогичная ситуация: «прибывшие этапы в количестве 3573 чел. с большим количеством ослабленных и больных снизили про-

цент полноценной рабочей силы (с 49,9% в июле до 39% в сентябре)». Такое же положение было в Ухто-Ижемском и других ИТЛ [23].

Надо заметить, что и до войны «трудовые ресурсы» лагерей включали как заключенных, так и вольнонаемных. Но первые всегда значительно преобладали, именно от них зависело выполнение производственных программ. К примеру, в Ухто-Ижемском ИТЛ по состоянию на 1 января 1942 г. числилось 2668 вольнонаемных и 25 тыс. 332 заключенных, на 1 января 1943 г. – 4721 вольнонаемных и 22 тыс. 827 заключенных. В Воркуте летом 1943 г., по справке Коми ОК ВКП(б), «вольнонаемное население» составляло свыше 7 тыс., «лагерное население» – 20 тыс. чел. Причем заключенные использовались не только на физических работах. Их было немало и среди инженерно-технических работников и в управленческом аппарате лагерей. Например, перед войной в управлении Севжелдорлага работали 298 заключенных, из них 152 были осуждены по политическим статьям. А среди вольнонаемных значительную часть составляли бывшие заключенные. В 1945 г. в том же Северном железнодорожном ИТЛ бывшие заключенные составляли 27% сотрудников лагерного и 70% – производственного секторов аппарата управления [24].

Нехватку рабочих кадров пытались компенсировать разными способами. В Воркуту были направлены шахтеры-добровольцы, эвакуированные из Донбасса. В 1942 г. начался призыв в трудовую армию (в основном в нее направляли российских немцев). Значительный поток трудармейцев был направлен в северные лагеря. В начале 1945 г. в Ухто-Ижемском ИТЛ их было 5353, в Северном железнодорожном ИТЛ – 3844, в Воркутинском ИТЛ – 6631 чел. С конца 1944 г. в лагеря стали направлять так называемых «следственных» (советских солдат и офицеров, освобожденных из плена, а также граждан Польши и Германии, арестованных по подозрению в совершении различных преступлений), весь период следствия (по году и больше) фактически находившихся на положении заключенных и работавших на лагерных производствах (многие из них после завершения следствия признавались невиновными и освобождались). К работе на производственных объектах привлекали членов семей вольнонаемных. В Воркуте в шахты направляли даже охранников (разумеется, в свободное от основной службы время): по отчету лагерного начальства за второе полугодие 1943 г. личный состав ВОХР добыл 15 тыс. тонн угля [25].

Задачи развития производства в условиях военного времени не могли быть решены только за счет ужесточения режима принудительного труда. Лагерная администрация использовала различные способы поощрения отличившихся, в первую очередь дополнительным питанием

(дифференцированные нормы питания были введены в 1942 г.). Большая роль уделялась пропагандистской работе, развертыванию соревнования, которым было охвачено до 95% заключенных (по отчетам администрации). Учреждались переходящие Красные знамена, денежные премии. Определенное значение в стимулировании труда заключенных имели соревнования между лагерями, шефские отношения с другими регионами, примером которых может служить помощь Воркуты блокадному Ленинграду.

Возвращаясь к настроениям заключенных, надо отметить, что было бы неправильным говорить о том, что тревожные настроения начального периода войны в связи с некоторой либерализацией лагерного режима, улучшением питания, усилением политико-воспитательной работы, успехами на фронте сменились всеобщим энтузиазмом и стремлением отдать все силы для победы. Такого и быть не могло – слишком различным по своим убеждениям, жизненным установкам, политической ориентации был «лагерный контингент». Как отмечал начальник оперативного отдела Северо-Печорского ИТЛ, «расслоение среди заключенных чувствуется очень сильно».

В первые же дни войны многие политические заключенные обратились с заявлениями о направлении их на фронт, а также об отмене несправедливого приговора и использовании их опыта и знаний для нужд фронта. Заявления об отправке на фронт поступали от заключенных всю войну. Руководство ГУЛАГа отмечало, что большинство заключенных настроены патриотически. Многие действительно старались перевыполнить план, сознательно участвовали в соцсоревновании. Например, воркутинская шахта № 4 в 1945 г. добыла сверх плана 96 тыс. тонн угля и десять месяцев удерживала переходящее Красное знамя ГКО (работали на шахте в основном немцы-трудармейцы) [26].

Однако в лагерных отчетах содержится не меньше примеров и другого рода. Во всех лагерях было немало случаев отказа от работы, нарушений лагерного режима. По отчетам политотдела Воркутинского ИТЛ в 1941 г. число отказов от работы составило 42 тыс. 540 человеко-дней, в 1943 г. «было 19599 отказов от работы, 68 случаев лагерного бандитизма, 186 случаев хулиганских действий, 861 – кражи», наблюдались «факты низкой производственной дисциплины». На партийной конференции Усть-Вымского ИТЛ, проходившей 11-12 мая 1945 г., отмечалось, что «хищений, растрат и других злоупотреблений действительно еще много, но борьба с ними ведется». По-прежнему процветали приписки, фиктивные наряды и тому подобное [27]. Эти последствия массового применения подневольного труда никакие репрессивные меры искоренить не могли.

Трудно однозначно оценить и социально-экономическую деятельность лагерей. Развивалась лагерная инфраструктура – в лагерных поселениях строилось жилье, объекты коммунального хозяйства, появились новые учебные заведения (в том числе средние специальные), театры. В 1943 г. Ухта и Воркута получили статус городов. В 1942 г. рабочими поселками стали Печора, Абезь и Вожаель, в 1944 г. – Инта, Водный и Ярега. И в то же время планы жилищно-коммунального строительства регулярно не выполнялись. Большинство вольных жителей лагерных городов и рабочих поселков жило в бараках и временках. А заключенные по-прежнему жили в «общежитиях» (так в лагерных отчетах именовали бараки), мало похожих на нормальное жилье. Даже минимальные нормы жилплощади на одного заключенного ни в одном лагере не соблюдались.

В годы войны лагерная промышленность Коми АССР решила ряд важных производственных задач. К их числу относится введение в эксплуатацию Северо-Печорской железной дороги. Первый поезд пришел в Воркуту 28 декабря 1941 г. Но окончание строительства планировалось на 15 октября. Эта двухмесячная задержка дорого стоила Воркуте – туда не смогли вовремя подвезти крепежный лес и в начале декабря 1941 г. шахты были вынуждены простаивать.

В связи с завершением основных работ значительно сократилась численность заключенных Северного железнодорожного и Северо-Печорского ИТЛ: часть заключенных срочно освободили и отправили на фронт, часть – перебросили в другие лагеря. Но ведь лагеря не были расформированы. Дорога была построена наспех, с большими недоделками. И еще много лет ее достраивали.

Добыча угля в Воркутинском ИТЛ в 1941–1945 гг. возросла с 309 до 2,907 тыс. т, в Интинском ИТЛ в 1942–1945 гг. – с 53 до 412 тыс. т. Но это был успех относительный. К примеру, приказом № 00331 НКВД СССР от 17 февраля 1942 г. «О развитии добычи воркуто-интинских углей и мероприятий по обеспечению их вывозки» Воркутинскому ИТЛ была поставлена задача добыть в 1942 г. 850 тыс. т угля, а было же добыто 706 тыс. т. Даже в 1945 г. производительность труда по добыче угля была ниже запланированной, а из 11 шахт годовой план выполнили только пять.

В Воркуте в 1942 г. были сданы в эксплуатацию четыре, в 1943 г. – одна, в 1944 г. – пять новых шахт. Эти шахты были маломощными, строились по упрощенным технологическим схемам, с минимальной механизацией. В военное время они свою задачу выполнили – их введение в строй позволило значительно увеличить добычу угля. Но после войны их пришлось реконструировать, некоторые были объединены в новые шахты, что потребовало значительных капиталовложений.

Пожалуй, наиболее успешно выполнял производственные программы Ухто-Ижемский ИТЛ. Добыча нефти возросла с 78,7 тыс. т в 1941 г. до 172,5 тыс. т в 1945 г. Мощность Ухтинского нефтеперерабатывающего завода возросла в 2,2 раза. За годы войны на базе Седельского месторождения сложился газодобывающий и перерабатывающий комплекс, были введены в строй Крутянские газосажевые заводы. В 1943 г. достигла проектной мощности уникальная Ярегская нефтешахта [28].

Уголь, нефть, газ, лесоматериалы из Коми АССР были очень важны для военной экономики. Но нельзя забывать, какой ценой был достигнут этот вклад в победу.

Литература и источники

1. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1929-1960: Справочник. – М.: Звенья, 1998. – С. 192, 381, 387, 495, 499-500; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. – М.: Наука, 1992. – С. 25, 229, 251.
2. НАРК. Ф. 605. Оп. 4. Д. 22. Л. 13.
3. ГУЛАГ. 1918-1960: Сбор. док. – М.: МФД, 2000. – С. 272.
4. ГУЛАГ. 1918-1960. – С. 781-784; Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. – 1991. – № 6. – С. 22.
5. ГУЛАГ. 1918-1960. – С. 272; Система исправительно-трудовых лагерей. – С.183, 192, 225, 229, 499, 519; Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929-1956. – Сыктывкар: Изд. СыктГУ, 1997. – С. 64-65, 135.
6. Кокурин А., Моруков Ю. ГУЛАГ: Структура и кадры // Свободная мысль – XXI век. – 2000. – № 7. – С. 111-112; – 2000. – № 8. – С. 112; – 2000. – № 9. – С. 111, 114.
7. Система исправительно-трудовых лагерей. – С. 192, 225, 230, 381, 387, 495, 499.
8. Чирков Ю.И. А было все так... – М.: Политиздат, 1991. – С. 309-310.
9. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1995. – С. 158.
10. Кустышев А.Н. Ухто-Ижемский лагерь НКВД в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях: Материалы конференции. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2001. – С. 85; Васильев В. Вьюги Воркутлага // Печальная пристань. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. – С. 200.
11. КРГАОПДФ. Коллекция документов.
12. КРГАОПДФ. Ф.392. Оп.2. Д.78. Л.1-27, 59-63; Осипова И. Отряд особого назначения № 41 // Сопrotивление в ГУЛАГе. – М., 1992. – С. 132-141; «Хотелось бы всех поименно назвать...»: Сбор. док. – М., 1993. – С. 167-179; Рогачев М.Б. Усинская трагедия // Родники пармы. Вып. 4. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. – С. 210-222.
13. Учтены только реабилитированные. Подсчитано по: Покаяние: Мартиролог. – Сыктывкар, 1998. – Т.1.; – 1999. – Т. 2.
14. Сборник законодательных и нормативных актов. – С. 159-165.

15. ГУЛАГ. 1918-1960. – С. 275.
16. Копытин В.Н. История военного комиссариата Республики Коми. Сыктывкар, 2000. – С. 59-60; Котельников В.М. О Книге Памяти Республики Коми // 50 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (Республика Коми в годы Отечественной войны). – Сыктывкар, 1995. – С. 55; ГУЛАГ. 1929-1960. – С. 527.
17. Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша. Т.14 (3-1). – М.: ТЕРРА, 1994. – С. 24; Лебедева Н.С. армия Андерса в документах российских архивов // Репрессии против поляков и польских граждан: Исторические сборники «Мемориала». Вып.1. – М.: «Звенья», 1997. – С.183.
18. Архив УФСБ РФ по РК. Коллекция документов; Рогачев М.Б. Страницы польской трагедии: факты и документы // Покаяние: Мартиролог. Т.5. – Сыктывкар, 2002. – С. 363.
19. ГУЛАГ. 1918-1960. – С. 280, 479, 500; Кустышев А.Н. Указ. соч. – С. 89-90; ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 393; КРГАОПДФ. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 55. Л. 5; НАРК. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 1918. Л. 5.
20. Кокурин А., Петров Н. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль – XXI век. – 2000. – № 6. – С. 117.
21. ГУЛАГ. 1918-1960. – С. 278, 280, 281; Кокурин А., Моруков Ю. Указ. соч. – 2000. – № 10. – С. 114-115, 119.
22. Азаров О. По тундре, по железной дороге... // Покаяние: Мартиролог. Т.2. – С. 182, 188; Морозов Н.А. Истребительно-трудовые годы // Покаяние: Мартиролог. Т.1. – С. 188, 228; Кокурин А., Моруков Ю. Указ. соч. – 2000. – № 8. – С. 111-112; – № 10. – С.117; Кустышев А.Н. Указ. соч. – С. 95; КРГАОПДФ. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 39. Л. 8; Д. 55. Л. 5.
23. КРГАОПДФ. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 39. Л. 8; Д. 55. Л. 5.
24. НАРК. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 882. Л. 34; Ф. 642. Оп. 16. Д. 875. Л. 7; Азаров О. Указ. соч. – С. 165, 169.
25. Немцы в Республике Коми (страницы истории репрессивной политики). – Сыктывкар: Пролог, 1998. – С. 14-15; КРГАОПДФ. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 55. Л. 9.
26. Азаров О. Указ. соч. – С. 176; Печальная пристань. – С. 396-399, 405-407; КРГАОПДФ. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 69. Л. 3.
27. КРГАОПДФ. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 39. Л. 10; Д. 55. Л. 9; Ф. 1683. Оп. 2. Д. 13. Л. 44.
28. Азаров О. Указ. соч. – С. 182; Угольная сокровищница Севера: Сборник документов и материалов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. – С. 299-301; Александров А.Н. В боевом союзе. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. – Сыктывкар: Коми кн. из-дво, 1985. – С. 66, 90-92, 93; НАРК. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 1917. Л. 4; ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 110. Л. 147; КРГАОПДФ. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 79. Л. 3.

А.К. Гагнева
КООПЕРАТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КОМИ АССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Актуальность изучения истории кооперации, в целом, и кооперативного образования, в частности, связана с неразработанностью данного вопроса и с необходимостью переосмысления роли и места кооперации в настоящее время. Являясь некоммерческой организацией, кооперация на протяжении своей 170-летней истории основной целью своей деятельности считала и считает «сдерживание и смягчение результатов глобализации в социально-экономической и политической сферах. Потребительская кооперация противопоставляет глобализации, более гуманную идею экономического сотрудничества. Эта идея заключается в выполнении социальной миссии потребительской кооперации – борьба с бедностью, за социальное счастье и социальное благополучие людей» [1].

Решение этой задачи невозможно без просвещения, без широкой культурно-просветительской работы, поэтому кооперативное образование рассматривается как одна из основных сфер деятельности кооперации. Его изучение дает основание для комплексного освещения вопросов, связанных с развитием системы, формированием кадрового потенциала, расширением сферы образовательных услуг и др.

В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть некоторые аспекты деятельности системы кооперативного образования Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Были использованы как опубликованные, так и неопубликованные (архивные) источники: материалы Российского государственного архива экономики, Национального архива Республики Коми и Музея истории потребительской кооперации Республики Коми. К опубликованным источникам относятся периодическая печать и воспоминания ветеранов и участников Великой Отечественной войны, окончивших кооперативные образовательные учреждения и работавших в потребительской кооперации.

С начала Отечественной войны народное хозяйство Коми республики было перестроено на военный лад. В военной экономике страны промышленности Коми АССР отводилась роль лесосырьевой и топливно-энергетической базы. На предприятиях лесной промышленности были размещены социальные заказы Государственного комитета обороны на заготовку древесины и лесоматериалов, предназначенных для изготовления деревянных деталей стрелкового и артиллерийского оружия, самолетов, военно-инженерного снаряжения войск и т.п. [2].

В годы войны республика прочно закрепила за собой роль основного поставщика твердого минерального топлива на Европейском

Севере и Северо-Западе. Воркутинский уголь поступал в Архангельск, Северодвинск, Мурманск, Ленинград, Киров, Горький и Москву. В 1943 г. в Ленинград прибыло 89 эшелонов печорского угля или 71,6% всего твердого топлива, получаемого Ленинградом. Значение всевозрастающего потока эшелонов печорского угля в Ленинград скоро поняли и враги. Поэтому, в июне 1943 г. гитлеровцы сбросили в Коми АССР группу диверсантов-парашютистов со специальным заданием – взорвать Печорский мост и вывести из строя Печорскую железную дорогу. Диверсанты были обезврежены и Ленинград продолжал получать необходимое ему топливо.

За годы войны в Печорском угольном бассейне было заложено 30 новых шахт, из них 13 были сданы в промышленную эксплуатацию. К началу 1945 г. мощность 17 эксплуатировавшихся и строящихся шахт Воркуты составил 6 млн.т. По объему угледобычи в конце войны Печорский угольный бассейн занимал 5-е место среди других бассейнов страны.

Такую же ответственную задачу решали и нефтяники республики. Вся нефть, добываемая в Коми АССР, перерабатывалась на Ухтинском нефтеперерабатывающем заводе. Развивалась местная промышленность. К концу войны республикой производилось свыше 400 наименований изделий, в основном, из отходов производства и местного сырья. Немалая доля изделий (армейские лыжи, авиационная и протезная замша, валяная и кожаная обувь, меховые изделия и т.п.) поступала военному ведомству для удовлетворения нужд армии. В целом, за войну, местная промышленность дала фронту продукции на 12 млн. руб. [2].

Не отставали и работники потребительской кооперации. Они участвовали в заготовке сельскохозяйственных продуктов и сырья, а также пушнины. В годы войны в Коми республике резко увеличились заготовки овощей – с 928 до 3725 т, картофеля – с 285 до 4858 т. Рыбаками Коми потребсоюза вылавливалась и реализовывалась через кооперативную торговую сеть свежая рыба: в 1941 г. – 1874 ц, в 1945 г. – 3500 ц. Кроме того, в 137 потребительских обществах, куда входило 3004 пайщика, занимались закупкой и переработкой грибов и ягод [3].

В годы Великой Отечественной войны работники Коми потребкооперации вместе со всем советским народом внесли свой вклад в разгром фашистской Германии. Сотни работников ушли на фронт, многие из них были награждены орденами и медалями. Всего из республики было отправлено на фронт свыше 15 тыс. солдат и офицеров. Не все вернулись, многие из них пали смертью храбрых. Республика Коми дала Родине 23 Героя Советского Союза, 8 солдат и офицеров были удостоены Ордена Славы трех степеней. В ноябре 1942 г. по комсомольской путевке ушла на фронт 19-летний бухгалтер Коми потребкооперации, уроженка

с. Гам Усть-Вымского района Анфиса Исакова. Три года прослужила она в зенитно-артиллерийском полку в Мурманске. С 1943 по 1945 гг. проходила службу в 320-м авиационном полку уроженка Усть-Вымского района Доронина Лидия Федоровна. После войны она 34 года проработала продавцом Айкинского сельпо в д. Вомын [3].

В защите Сталинграда принимал участие бывший председатель правления Коми респотребсоюза Клементьев Прокопий Алексеевич; в боях под г. Ржевом был тяжело ранен Шарыгин Николай Николаевич (в 1954–1958 гг. зам. председателя правления Коми респотребсоюза); выпускник кооперативного техникума командир взвода Шахов Василий форсировал реку Волхов и освобождал Новгород; участвовал в штурме Кенигсберга и воевал на Волховском, Ленинградском и 1-м Прибалтийском фронтах Путинцев Виталий Васильевич (после войны начальник ОРСа Сысольского и Кажимского леспромхозов, УРСа «Комилес»); на Калининском, 1-м Белорусском и 1-м Прибалтийском – Косолапов Дмитрий Егорович (после войны начальник УРСа комбината «Печорлес», председатель правления Коми респотребсоюза); на Карельском и 3-м Украинском – Котков Пантелеймон Николаевич (после войны директор заготконторы, председатель правления Ухтинского райпотребсоюза, зам. председателя правления Коми респотребсоюза по производству и строительству); на Волховском, 4-м Украинском и Дальневосточном – Пыстин Александр Иванович (после войны зам. начальника УРСа «Комилес», первый заместитель председателя Коми респотребсоюза); принимал участие в боях на Нарвском плацдарме, в Восточной Пруссии и на Висле Мурзанаев Николай Семенович (с 1958 по 1986 гг. работал в системе потребкооперации экономистом, начальником производственного отдела, начальником отдела по торговле промышленными товарами); освобождал от фашистов Болгарию, Венгрию и Чехословакию Кувардин Павел Африканович (1946–1962 гг. – председатель ОК профсоюза работников потребкооперации) и многие другие. Все они были награждены правительственными наградами [3].

В годы Великой Отечественной войны пали смертью храбрых выпускники кооперативного техникума: уроженец с. Корткерос старшина Вишератин Николай Иванович, зам. политрука 199-го стрелкового батальона; уроженцы Сысольского района, рядовой 86-го отдельного лыжного батальона Пунегов Иван Петрович и командир отделения сержант Морозов Виталий Васильевич [3].

Несмотря на трудности военного времени, кооперативная система образования продолжала действовать. Она была представлена начальным (школа по подготовке массовых профессий, курсы различной продолжительности, семинары и т.д.) и средним профессиональным

образованием (Сыктывкарский кооперативный техникум). Уникальность данного образовательного учреждения состояла в том, что он был единственным в республике, который обеспечивал кадрами всю систему потребительской кооперации, а также торговые организации, обслуживающие лесные поселки, леспромхозы (ОРСы, РПС), города и районы.

Выпускники начального кооперативного профессионального образования работали продавцами, пекарями, заготовителями, зерноприемщиками и грибоварами, а среднего – старшими бухгалтерами, главными бухгалтерами, товароведом райпо и сельпо, директорами магазинов, председателями и заместителями председателей потребительских обществ. Всего, за период войны, в системе кооперативного образования было подготовлено 854 человека, из них на долю техникума приходилось 468 специалистов [4]. Представленная ниже таблица 1 показывает динамику подготовки специалистов с 1933 по 1945 гг. включительно. Самым «благоприятным» годом по выпуску специалистов явился 1942 год – 71 человек, меньше всего выпустили в 1945 г. – 12 чел. За 13 лет работы, больше всего было выпущено бухгалтеров – 226 человек и только 102 плановика. К сожалению, говорить о положительной динамике выпуска специалистов не приходится. До 1936 г. наблюдается увеличение количества подготовки будущих кооператоров, в 1936–1939 гг. идет их уменьшение, а с 1939 г. – периоды подъемов чередуются с периодом спадов.

Таблица 1

Выпуск учащихся кооперативного техникума в 1933-1945 гг.*

Год выпуска	Отделения			Всего
	бухгалтерское	плановое	товароведное	
1933	–	–	17	17
1934	–	–	24	24
1935	–	20	18	38
1936	–	17	26	43
1937	23	–	18	41
1938	12	10	–	22
1939	46	–	–	46
1940	27	–	–	27
1941	23	–	21	44
1942	32	23	16	71
1943	12	15	–	27
1944	39	17	–	56
1945	12	–	–	12
Итого	226	102	140	468

*Подсчеты наши. НАРК. Р. 1547. Ф. 1 Д.1 «Г».

Как показывают отчеты о работе Сыктывкарского кооперативного техникума за 1940–1941, 1941–1942, 1942–1943, 1943–1944 и 1944–1945 учебные годы количество учащихся не оставалось неизменным. Отсев составлял в разные годы от 10 до 14% [5]. Причины были самые различные. Так, в 1944–1945 учебном году «отсев» составил 19 человек. «Причиной отчислений явились: болезнь (2 чел.), не сдали вторично экзамена (2 чел.), исключены по неуспеваемости и за нарушение дисциплины (7 чел.), выезды родителей (6 чел.), тяжелое материальное положение (1 чел.), не явились на занятия в начале года (1 чел.)» [5]. В контингенте студентов коми составляли 76%, русские – 20%, другие национальности – 4%. Большинство студентов были членами ВЛКСМ. Девушки составляли 80% из общего числа студентов [6].

Преподавательский состав техникума и школы постоянно обновлялся. Это было связано, с одной стороны, с тем, что большинство преподавателей были мобилизованы на войну, а с другой, начиная с 1933 г., техникум ежегодно подвергался тщательным проверкам и «чисткам» со стороны вышестоящих органов. Так, проверяющая техникум бригада во главе с инспектором Центросоюза Н.С.Сергеевым в докладной записке о работе Сыктывкарского кооперативного техникума в 1942 г. отмечала, что «... преподавательский состав Сыктывкарского кооперативного техникума работает неплохо, но проявляет большую пассивность в организации и проведении учебно-методической работы техникума... Совершенно недостаточно в техникуме проводится политическая, культурно-массовая и военно-физкультурная работа». В этот период в техникуме было прочитано только три лекции «V глава краткого курса истории ВКП(б)», «О творческой деятельности Чернышевского» и «Об учении Коперника». Далее отмечались недостатки, связанные с выполнением учебной нагрузки. В результате, комиссия сделала следующие выводы: «1. Обязать директора Михайлова... укреплять учебную и трудовую дисциплину среди учащихся и преподавательского состава техникума с целью создания большевистского порядка в техникуме... 5. Обязать директора техникума Михайлова установить строгий контроль за соблюдением дежурства преподавателями в общежитии и за проведением консультаций... 6. По настоящему развернуть борьбу с нарушителями учебной и трудовой дисциплины, путем усиления политико-воспитательной работы среди учащихся... 11. Предупредить директора техникума, что... если он... не улучшит работу техникума... то в отношении его будут приняты самые строгие меры взыскания... 16. Предупредить зам. директора Коми потребсоюза тов. Бабина на нетерпимость в дальнейшем систематическим не выполнением плана подготовки кадров по Коми потребсоюзу...». Такой же проверке техникум подвергался в

1943, 1944 и 1945 гг. Оргбюро Коми потребсоюза курировало распределение по райпотребсоюзам студентов, закончивших Сыктывкарский кооперативный техникум и курсы. За пропуски занятий на курсах подготовки и переподготовки Оргбюро Коми потребсоюза выносило курсантам и руководителям курсов выговоры и предупреждения, вплоть до увольнения с занимаемой должности [6].

Постоянно работающие курсы, как и в довоенный период, ежегодно готовили необходимых специалистов. В 1942 г. были подготовлены 71 бухгалтеров, плановиков и товароведов, 146 пекарей, поваров, счетоводов сельпо и агротехников. Через систему семинаров было подготовлено 20 заготовителей. В 1943 г. было обучено 98 бухгалтеров, шоферов и заготовителей сельпо. Через индивидуально-практическое обучение – 55 счетоводов сельпо, пекарей и поваров. Всего за 1940–1945 гг. на семинарах обучалось 115 человек – плановиков РПС, заготовителей и агротехников. В 1944 г. на курсах было обучено 60 человек (ревизоров, счетоводов сельпо, председателей, зам. председателей сельпо). В 1945 г. – 65 бухгалтеров, счетоводов, зерноприемщиков–лаборантов, грибоваров, мастеров по переработке овощей, председателей сельпо и 23 зерноприемщика. Обучение на курсах, в школе и в техникуме проводили 10 преподавателей (в 1933 г. их было – 10, в 1956 г. – 16, а в 1965 г. – 26 человек) [7].

Вот как характеризуется преподавательский состав техникума в 1944–1945 гг. «На новый 1944–1945 учебный год техникум имеет следующих преподавателей:

1. Сладкопеевца Л.Н. – преподаватель бухгалтерского учета, с высшим образованием, предмет свой хорошо знает, преподает четко и ясно, оказывает большую помощь отстающим, живо интересуется работой техникума;
2. Купров А.П. – преподаватель планирования со средним образованием. Одновременно преподает финансирование, кредитование и калькуляцию;
3. Красова А.А. – преподаватель русского языка и литературы с высшим образованием, член ВКП(б), преподает хорошо;
4. Кислухина М.Н. – преподаватель политэкономии с высшим образованием, работала первый год после окончания института, предмет знает хорошо. Трудности в работе в том, что она слепая;
5. Ватаманова В.М. – преподаватель математики с высшим образованием, работает в техникуме со дня основания;
6. Старцева А.П. – преподаватель химии, она же завуч техникума;
7. Нечаева Л.А. – преподаватель истории и географии, она же директор техникума;

8. Выпанов М.А. – преподаватель физики со средним образованием, работает по совместительству;

9. Фролов В.Д. – преподаватель английского языка, работает по совместительству;

10. Суворов С.М. – преподаватель военной допризывной подготовки, комсомолец, преподает хорошо» [8].

К сожалению, в архивных документах отсутствуют сведения о качестве подготовки специалистов. Возможно, в данный период времени этот вопрос был не столь актуальным. Главная задача – наполнение рынка труда квалифицированными кадрами.

В годы войны значительно ухудшилось материально-техническое обеспечение техникума и школы. Они были полностью переведены на самообеспечение. Не хватало учебных кабинетов и даже дров для отопления. Студенты, и преподаватели сами должны были обеспечивать дровами техникум, работать в колхозе и т.д. Так, бывший директор техникума А.Н.Нечаева вспоминала: «Мне особенно запечатлелась работа в техникуме в годы Великой Отечественной войны. Это были годы очень трудные и тяжелые. Карточная система, скудное питание, худенькая одежка. Здание техникума и общежития отапливались дровами. До войны дрова подвозились на машинах Коми потребсоюза. Во время войны машины были мобилизованы на фронт. Нам приходилось из Сидорполя (в 10 км от города) возить дрова на санках. Ежедневно одна группа учащихся вместе с классным руководителем ходила за дровами до или после уроков. Техникум занимался в две смены.

В последствии нам не стали отпускать заготовленные дрова и выделили участок в лесу в 17 км от Вильгорта. Там учащиеся, сотрудники, преподаватели летом вырубали лес, разделявали на двухметровые кряжи и подвозили к техникуму, затем распиливали и кололи на дрова. На этой работе каждый работник техникума должен был отработать 10 дней. Летние каникулы в период войны переносились на сентябрь месяц. А июль и август отводились на трудовые работы. Кроме заготовки дров мы должны были работать в колхозе и на сплаве... В колхозе ... убирали с поля лен, жали серпами овес и ячмень... Еще вспоминается работа на сплаве на Сыктывкарском лесозаводе. Здесь летом 1943 года с учащимися поднимали из воды баграми лес... Это была очень тяжелая работа и опасная... Часть учащихся поднимали лес из воды и складывали в штабеля... За выполнение нормы получали 200 грамм хлеба вдобавок к своей норме» [9].

На протяжении всего изучаемого периода остро не хватало кадров ряда рабочих профессий – продавцов, пекарей, заготовителей и т.д. Открытая в конце войны на базе техникума торгово-кооперативная

школа в определенной мере решила данную проблему [10]. По решению Коми респотребсоюза школа ежегодно должна была выпускать 60 человек для работы в районах республики.

Таблица 2

План приема в торгово-кооперативную школу в 1945 г.

Райпотребсоюзы	Количество человек
Летский	3
Прилузский	4
Сысольский	5
Сыктывдинский	5
Корткеросский	3
Сторожевский	4
Усть-Куломский	5
Усть-Вымский	3
Железнодорожный	3
Ижемский	5
Троицко-Печорский	3
Удорский	4
Ухтинский	3
Усть-Цилемский	4
Усть-Усинский	3
Кожвинский	3
Итого	60

Источник: НАРК. Р. 1547. Оп. 1. Д. 1 «Г». Л. 86.

Школа просуществовала до 1958 года. Ее окончило за 13 лет более тысячи человек. Преподаватели школы являлись и преподавателями техникума. Слушатели после окончания школы могли поступать в техникум без вступительных экзаменов.

Студенты техникума, слушатели школы и курсанты получали стипендию и учебники. В техникуме работала столовая. При поступлении «предпочтение отдавалось тем, кто имел рекомендацию от потребительских обществ или от торговых организаций. Преимуществом пользовались лица коренной национальности и «выходцы из села» [10].

Несмотря на трудности и лишения, система кооперативного образования не только выжила, но и осталась востребована обществом и продолжала развиваться. Таким образом, к концу сороковых годов на территории Коми АССР сформировались системы начального и среднего кооперативного профессионального образования, которые обеспечивали кадрами, в первую очередь, систему кооперации республики и решали весь комплекс задач, связанных с экономическим развитием региона и страны.

Литература и источники

1. Российская кооперация. – 2004. – 15, 17 апреля.
2. Республика Коми. Энциклопедия. Т. 1. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997. – С. 77-80.
3. Потребительская кооперация Республики Коми. Очерки истории. – Сыктывкар, 2000. – С. 84-89.
4. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Р. 1547. Оп.1. Д. 1 «Г» (далее – НАРК).
5. НАРК. Р. 1547. Оп. 1. Д. 1 «Г». Ф. 469. Оп. 1. Д. 105; Текущий архив Коми респотребсоюза. Д. Разное. Справки 1953-1961 и др.
6. НАРК. Р. 1547. Оп. 1. Д. 1 «Г».
7. Там же; Архив Сыктывкарского кооперативного техникума. Годовые отчеты за 1955-1957 уч. год, 1964-1965 уч. год и т.д.
8. НАРК. Р. 1547. Оп. 1. Д. 1 «Г».
9. Материалы Музея истории потребительской кооперации Республики Коми. – Д. 843.
10. НАРК. Р. 1547. Оп. 1. Д. 1 «Г».

Т.А.Малкова

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КОМИ АССР
И НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛАГЕРЯХ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Начало Великой Отечественной войны внесло существенные коррективы в работу стационарных научно-исследовательских учреждений республики. В июне 1940 г. решением обкома ВКП (б) и Совнаркома Коми АССР Коми научно-исследовательский институт был реорганизован и созданы три секции: языка, литературы и фольклора, истории, но фактически из-за отсутствия научных кадров до 1943 г. функционировала одна секция языка. С началом Великой Отечественной войны в кадровом составе института и его деятельности произошли существенные изменения, связанные прежде всего с эвакуацией учебных и научных учреждений Северо-Запада в Сыктывкар. В институте стал работать Д.В.Буб-

рих из Карело-Финского университета (с 1946 г. – член-корреспондент АН СССР), внесший огромный вклад в изучение финно-угорских языков. В годы войны он занимался изучением коми и удмуртского языков, написав «Историческую фонетику удмуртского языка (сравнительно с коми языком)» и «Граматику литературного коми языка», участвовал в составлении «Коми-русского словаря» и «Краткой грамматики коми языка».

С января 1942 г. получил возможность работать в Коми НИИ ранее репрессированный А.С.Сидоров – языковед, этнограф, археолог. Он продолжил ранее начатую работу по программе диалектологического изучения Коми края, принял участие в составлении нормативного «Коми-русского словаря», в 1945 г. защитил диссертацию «Принадлежностно-указательные личные суффиксы в Коми языке». В военные годы начали свою научную деятельность в институте М.А.Сахарова и Н.А.Колегова: участвовали в подготовке и издании учебников по коми языку, собирали материал для диссертационных работ. В 1942 и 1943 гг. они занимались сбором диалектологического материала в Удорском районе. В целом, военный период был для языковедов Коми НИИ плодотворным, так как помимо новых исследований продолжались работы по довоенной тематике: составление и редактирование учебников по коми языку, подготовка к изданию коми-русского и орфографического словарей, обработка материалов предвоенных экспедиций. Началась разработка программы по изучению диалектов коми языка и в научный оборот впервые вводится уникальный диалектологический материал, который представлял огромный интерес не только для лингвистов, но и для фольклористов и этнографов.

В годы Великой Отечественной войны с целью концентрации научных сил республики предпринималось проведение совместных мероприятий работниками Коми НИИ, Коми пединститута, Карело-Финского университета и школ города при разработке наиболее важных научных и учебных проектов. На объединенных заседаниях решались организационные вопросы, заслушивались научные доклады ведущих ученых. Совместными усилиями проводились экспедиции и конференции.

Только в 1943 г. появилась возможность в Коми НИИ начать исследования по истории Коми АССР. Коллектив авторов под руководством профессора К.В.Сивкова из КГПИ начал разработку программы по двум проектам: «Хозяйственное и культурное развитие Коми АССР за 25 лет Советской власти» и «Участие коми народа в Великой Отечественной войне». К выполнению этих работ были подключены историки Коми пединститута, Карело-Финского университета, учителя и работники республиканской библиотеки. Работа была выполнена только на

первом этапе: составлены библиографические указатели литературы и частично собран архивный материал. Авторский коллектив распался и работа была прекращена до декабря 1944 г., когда руководством Отдела языка, литературы и письменности Базы АН СССР в Коми АССР были начаты переговоры с сектором истории АН СССР о совместной работе по составлению «Очерков по истории народа коми». В.М.Подоров, имеющий опыт научной работы в Институте истории АН СССР и автор первых крупных работ по истории коми народа, в 1944 г. продолжил разработку одной из исторических тем, начатых в 1943 г. – «Народы Коми АССР в годы Великой Отечественной войны». Рукописный вариант этой работы находится в Научном архиве Коми научного центра УрО РАН и представляет интерес как первая работа профессионального историка по военной тематике.

С 1942 г. Коми НИИ организует совместно с Республиканским музеем и Карело-Финским университетом экспедиции по изучению народного творчества в Усть-Куломский, Усть-Цилемский, Удорский и Ижемский районы республики. В октябре 1943 г. руководителем секции фольклора института становится В.Г.Базанов – заведующий кафедрой литературы Карело-Финского университета (с 1962 г. – член-корреспондент АН СССР), опубликовавший в 1942 г. материалы своей фольклорной экспедиции в Усть-Цилемский район («Поэзия Печоры») и подготовивший к изданию «Печорские плачи». Также он изучал и записывал фольклор Великой Отечественной войны и рекомендовал внести аналогичные исследования в программу всех экспедиций.

К моменту вхождения Коми НИИ в Коми базу АН СССР определились четыре основных направления в работе: 1) научная разработка грамматики коми языка; 2) составление коми-русского словаря и разработка терминологии; 3) изучение диалектов коми языка; 4) история Коми АССР [1].

В годы войны перестраивалась научно-исследовательская работа в Коми государственном педагогическом институте, преподавательский коллектив которого руководствовался задачами обороны Родины. В 1942–1943 г. разрабатывалось 20 научных тем, а в 1944–1945 гг. – уже 44 темы. Обществоведы института работали над темами пропагандистского характера: «Морально-политическое единство советского народа», «В.И.Ленин о германском империализме», «Коммунистическая партия – организатор борьбы с немецко-фашистскими захватчиками», «Воспитание советского патриотизма в коми школах в условиях Великой Отечественной войны». Биологами и химиками института поднимались темы, связанные с выявлением и использованием местных естественных ресурсов. Так, профессором В.П.Живан в 1943 г. на республиканском слете

передовиков животноводства было сделано сообщение «Дикорастущие кормовые растения Коми АССР и мероприятия по внедрению их в культуру», являющееся частью его научной темы «Внедрение в культуру на севере новых бобовых растений». В 1945 г. Коми пединститутом в Комитет по Сталинским премиям выдвигалась его работа «Рост, развитие и урожай бобовых растений в связи с их инокуляцией». В годы войны сотрудниками кафедры географии и геологии был подготовлен к изданию второй выпуск «Ученых записок Коми педагогического института», который не вышел из-за отсутствия бумаги. Большую консультативную и практическую помощь в проведении исследовательских работ преподавателям КГПИ оказывали эвакуированные сотрудники Карело-Финского университета, Базы по изучению Севера и других организаций, имеющие опыт научной работы: профессор Д.В.Бубрих, доценты А.И.Попов, В.Н.Чернов, профессор С.В.Герд, доценты О.С.Зверева, К.А.Остроумов, В.Г.Базанов, профессор П.В.Виттенбург, ректор К.Д.Митропольский и другие. Под руководством Д.В.Бубриха в пединституте оформилась кафедра коми языка и литературы. Научные исследования, проводимые в годы войны, были продолжены в послевоенный период и их результаты частично опубликованы [2].

Начавшаяся Великая Отечественная война явилась тяжелым испытанием для Печорской опытной сельскохозяйственной станции и надолго приостановила научно-исследовательские работы по животноводству, луговодству и полеводству. Директор станции П.А.Рочев, руководивший станцией с 1935 г. и являющийся крупным специалистом по животноводству, был призван на фронт. Многие специалисты и рабочие станции также ушли на фронт, а научные сотрудники Д.А.Епанешников и Н.И. Дементьев, разрабатывающие темы по животноводству, выехали из района. Количество работающих на станции колебалось в эти годы от 21 до 9 человек, причем научных сотрудников было всего 3 человека. Из-за войны прекратился завоз племенных животных в хозяйства Печорского края, бескормица и падеж скота стали постоянными спутниками животноводства. Экспериментальное хозяйство станции практически становится подсобным для обеспечения оставшегося коллектива рабочих и служащих молочными и мясными продуктами питания, картофелем и овощами. К 1943 г. сократилось финансирование станции до 116,3 тыс. руб., по сравнению с 219,6 тыс. руб. в 1941 г.

Станции не удалось сохранить производственную базу в колхозах и в годы войны опыты там практически прекратились. Без помощи Наркомзема Коми АССР станция не смогла подготовиться к проведению опытов на опытном поле и ограничилась обычными посевами. В первый военный год все сорта семенного картофеля были утеряны и выса-

живался картофель Щелья-Юрского сортоиспытательного участка, уступающий по своим качественным показателям сортам опытной станции. В годы войны практически не осуществлялось научное руководство исследовательской работой, хотя в 1942 г. администрацией станции была принята большая программа работ, предусматривающая продолжение исследований по предвоенной тематике, но по разным причинам пункты этой программы не выполнялись. Станция, приняв на себя выполнение непомерно большой работы, не предъявляла требований к НКЗ Коми АССР и районным организациям, которые в результате не оказывали ей необходимую помощь. Поэтому не случайно в 1944 г. работа сельскохозяйственной станции была подвергнута критике на заседании исполкома Усть-Цилемского райсовета и в НКЗ Коми АССР. В конце войны направление работы станции окончательно определилось в отношении исследований по животноводству и с 1945 г. исследования стали вестись в 3-х отделах: крупного рогатого скота, овцеводства и кормодобывания. Были сделаны первые шаги по установлению научных контактов с отделом геоботаники Базы АН СССР в Коми АССР, где неоднократно заслушивались доклады научных сотрудников станции [3].

Огромный вклад в Победу внесли ученые печорских лагерей. ГУЛАГ располагал значительным научным потенциалом, ядро которого составляли ученые и специалисты различных отраслей науки и техники. Они осуществляли все основные разведочные и научно-исследовательские работы в угольной, нефтяной и газовой отраслях промышленности республики, железнодорожном строительстве. Исследования проводились в полевых партиях и в научно-производственных коллективах Ухты, Воркуты, Инты. С началом Великой Отечественной войны был введен запрет на освобождение всех категорий заключенных до окончания военных действий. Лагерь НКВД СССР в Коми АССР получили конкретные задания по налаживанию производства продукции для военных нужд, что требовало неординарных научных исследований.

В годы войны региональные геологические исследования проводились в основном по трем направлениям: на Тимане и в Печорской депрессии, где выяснялись перспективы на нефть и газ, в Печорском угольном бассейне, который интенсивно осваивался и где продолжались промышленные разведки, и на Полярном Урале, где определялись границы угольного бассейна и возможность поисков рудных месторождений. Исследования велись не только научными силами промышленных предприятий лагерей, но и совместно с научными организациями Академии наук СССР, Северным геологическим управлением, Уральским геологическим управлением и отраслевыми институтами Москвы, Ленинграда, Свердловска.

В начале войны было резко сокращено разведочное бурение на нефть, газ и промышленные разведки на уголь, что привело к сокращению открытия новых месторождений, хотя геологи использовали любую возможность провести полевые исследования, используя помощь сотрудников других научных организаций. Так, в 1943 г. профессор А.А.Чернов на средства Ухтокомбината на средней Печоре провел комплексные исследования, изучая нефтяные и угольные фации каменноугольных и пермских отложений, выделив Вуктыльское поднятие, где впоследствии было открыто знаменитое Вуктыльское газоконденсатное месторождение [4].

Главный геолог Ухтижемстроя А.Я.Кремс – геолог-нефтяник, приговоренный в 1938 г. к 8 годам заключения и досрочно освобожденный в 1940 г., имевший большой опыт работы в нефтяной промышленности, настойчиво добивался увеличения ассигнования на разведку. В результате в 1944 г. вышли два приказа, оказавшие положительное влияние на ход разведочных работ в Ухтинском комбинате: «О форсировании геологоразведочных работ в Нибельском районе» и «Об организации геофизической разведки в системе комбината». В сентябре 1944 г., находясь на совещании в Ухте, Н.Н.Тихонович – научный руководитель ухтинских геологов в 1930-х гг. – также обратил внимание геологической службы Ухтокомбината на отсутствие новых направлений поисков и рекомендовал устранить этот недостаток, дав прогноз на северную половину Печорской депрессии. С 1944 г. стали активно развиваться геофизические исследования, проводимые базировавшейся в Ухте экспедицией Государственного союзного геофизического треста (ГСГТ) и геофизическими подразделениями промышленных предприятий. Добыча нефти и газа стала расти с 1943 г. и в 1944 г. впервые государственный план был выполнен по всем показателям. Благодаря новым методам разведки было подготовлено к бурению Нибельское газовое месторождение, что предопределило дальнейшее развитие газовой промышленности в Коми АССР [5].

В 1941 г. руководитель всеми геологоразведочными работами в Печорском угольном бассейне К.Г.Войновский-Кригер был назначен начальником научно-исследовательского отдела геолого-разведочного управления комбината «Воркутауголь». За открытие угольного месторождения Ыджыд-Кырта он был досрочно освобожден, но оставить Заполярье смог только после реабилитации в 1956 г. Под его руководством и личном участии были начаты работы по палеонтологии, стратиграфии и литологии угленосных отложений, тектонике бассейна. С его именем связано начало развития таких направлений, как гидрогеологические исследования, скважинная геофизика, разработка рацио-

нальной методики разведки, развитие лабораторной базы. В условиях Воркуты он сумел поставить геологические работы на высокий научный уровень и организовать ряд специальных лабораторий и групп. На курсах, организованных Войновским-Кригером, получили геологическую специальность многие заключенные (Г.М.Ярославцев, А.И.Блохин). В условиях неволи он сумел создать свою научную школу и из числа его учеников вышли многие известные впоследствии ученые. По результатам научных исследований Печорского угольного бассейна и полярного Урала Г.К.Войновский-Кригер в 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1944 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР». На проходившем в Москве весной 1944 г. совещании по геологии угольных месторождений были особо отмечены доклады К.Г.Войновского-Кригер, Г.А.Иванова, А.П.Ротай о Печорском угольном бассейне, вызвавшие исключительный интерес и впервые продемонстрировавшие достижения геологов в области изучения этого нового угольного бассейна. Одним из основателей геофизической службы в Воркуте был В.В.Гречухин, арестованный в 1936 г. студентом геофизического факультета и ставший в заключении специалистом по геофизическим методам исследования углей. В 1940 г. он впервые в Печорском бассейне провел электрокаратаж угольных пород. Летом 1944 г. на совещании геофизиков-угольщиков в Москве представители Воркутстроя А.И.Ваксар, С.Н.Антимонов, В.В.Гречухин докладывали о результатах и перспективах применения геофизических методов разведки в Печорском бассейне [6].

Исследования проводились не только в полевых партиях, на буровых, но и в научно-производственных лабораториях, созданных при управлениях всех печорских лагерей, научных базах и научно-исследовательских станциях. В годы Великой Отечественной войны продолжалось становление научно-исследовательских и проектных организаций на территории Тимано-Печорского края, на базе которых в 1950–1980-е гг. были сформированы научно-исследовательские и проектные отраслевые институты.

Сотрудники Воркутинской научно-исследовательской мерзлотной станции АН СССР (ВНИМС) занимались вопросами изучения характера и поведения мерзлых грунтов. Л.А.Братцев, который в 1941 г. становится начальником ВНИМС, в 1944 г. в Карело-Финском университете защитил кандидатскую диссертацию по теме «Вечная мерзлота в Коми АССР». Результаты исследований сотрудников станции неоднократно докладывались на Всесоюзных конференциях по мерзлотоведению, геологических конференциях в Коми АССР и на совещаниях комбината «Воркутауголь». Методика и практические выводы разведочно-изыска-

тельских работ станции широко внедрялись в практику строительства. В 1940-е гг. на базе изыскательского сектора ВНИМС была создана Мерзлотно-геотехническая контора комбината «Воркутауголь», одним из основателей которой был М.С.Водолазкин, занимавшийся инженерной геокриологией.

В годы Великой Отечественной войны, кроме работ по закрытой тематике, станция проводила исследования, связанные с практическими вопросами хозяйственного освоения территории: применение льда, снега и мерзлых грунтов в строительных целях для создания снежно-ледяных галерей и укрытий по трассе Северо-Печорской железной дороги с целью защиты ее от снежных заносов, строительство ледяных изотермических складских помещений, изучение типов конструкций фундаментов при строительстве зданий в условиях вечной мерзлоты. Мерзлотной станцией была проведена работа по исследованию трассы намеченной к строительству дороги Воркута-Солехард, где обобщались данные многолетнего опыта и исследований по производству земляных работ в условиях вечной мерзлоты. Исследования проводились совместно с изыскательскими партиями, работавшими на трассах железнодорожных линий Воркута-Хабарово («Бампроект», 1941–1942 гг.), Чум – Лабытнанги («Желдорпроект», 1943–1945 гг.) и некоторыми экспедициями различных институтов и ведомств. Полученные станцией результаты в области мерзловедения вышли за рамки региональных исследований и были внедрены в Сибири и арктических областях [7].

Как уже указывалось, экспедициями центральных научно-исследовательских учреждений в 1920–1930-е гг. в водах Ухтинского района было выявлено наличие высокого содержания радия. С 1934 г. радиевый завод в п. Водный становится единственным поставщиком радиевых концентратов, переработка которых началась на Водном промысле. В мае 1943 г. в лаборатории № 2 АН СССР под руководством академика И.В.Курчатова начались работы по извлечению плутония из радий-бериллиевого концентрата, полученного в Ухте. В радиевой лаборатории Водного промысла в годы войны работали высококвалифицированные химики с мировой известностью: Ф.А.Торопов, И.Я.Башилов, Г.А.Разуваев.

В 1942 г. за многочисленные рационализаторские предложения по улавливанию радия из вод и переработке радиевых концентратов Ф.А.Торопов был представлен к награждению орденом Трудового Красного знамени. В 1947 г. за разработку новой химической технологии ему и главному инженеру промысла М.Д.Крашенинникову присуждена Сталинская премия.

С 1942 г. на заводе концентратов работал химиком, затем начальником производства Г.А.Разуваев, впоследствии лауреат Ленинской и трех Государственных премий СССР, Герой Социалистического труда, руководитель Института химии АН СССР в Горьком. Предложенная им на Ухте технология добычи и переработки радия позволила в 1944 г. улавливать до 97% этого металла из воды и до 95% – из концентратов. Проблемами радиоактивных металлов занимался доктор технических наук, профессор И.Я.Башилов совместно с В.Г. Хлопиным, автором оригинальной технологии, позволявшей ускорить извлечение радия изпутных вод, сопровождающих нефть.

Радиевое производство в Ухте имело большое значение в годы войны в связи с широким применением радия в научно-исследовательских работах, в промышленном производстве, медицине, а также ученые Радиевого промысла внесли определенный вклад в реализацию проекта создания атомного оружия [8].

В условиях лагерей с целью оказания действенной помощи заключенным и в связи с планами администрации по сохранению численного состава, медработники печорских лагерей были вынуждены искать оригинальные методы лечения и заниматься научными исследованиями. В проектно-медицинском отделе Севжелдорлага в годы войны работала лаборатория по изучению проблем выживаемости в условиях Севера («пищевая лаборатория»), которая проводила исследования по изучению авитаминоза и борьбе с авитаминозными заболеваниями заключенных (рук. К.М.Дубровский). В 1944 г. было выпущено 19 работ по диагностике, клинике и терапии авитаминозных заболеваний. По результатам научных разработок типографией ГУЛАГа в 1943 г. было издано пособие И.А.Кассирского «Алиментарная дистрофия и пеллагра (диагностика, клиника лечения)». Материалы, собранные за военные годы и обработанные в лаборатории, были представлены на научной конференции Северных ИТЛ «Оздоровление народов Крайнего Севера», прошедшей в Княжпогосте в 1946 г. Основные доклады на конференции были сделаны как вольнонаемными, так и заключенными врачами.

К 1946 г. врач Н.Л.Куликовский подготовил рукопись книги «Об эффективности трудовой терапии при туберкулезе легких», в которой нашли отражение основные результаты клинических наблюдений, полученные в годы войны. Для служебного пользования была выпущена брошюра, подготовленная коллективом врачей Севжелдорлага «Трудовая терапия. Дозированный труд и его роль в деле восстановления рабочей силы». Несмотря на все трудности лагерной жизни, где труд чаще всего не был дозированным и трудовая терапия чаще всего приводила к

смерти, практические рекомендации врачей все же помогали сохранить тысячи жизней.

Вопросами акклиматизации заключенных занимался профессор Г.М.Данишевский, добившийся организации исследовательской лаборатории в лазарете пересыльного пункта Северо-Печорского ИТЛ (пос.Канин Нос), из которой выросла медицинская научно-исследовательская база Печорлага. Он изучал специфику течения гиповитаминозов на Севере и в 1944 г. вышла его работа «Гиповитаминозы на Севере (ранняя диагностика, профилактика и лечение)». В санитарно-медицинских учреждениях лагеря работали десятки специалистов, попавших сюда не по своей воле: микробиолог Л.А.Зильбер, врач-эпидемиолог Л.Каверин, профессор А.Жвиронас, физик П.И.Лукирский, профессор Л.А.Беккер, Б.В.Комлев и другие [9].

С целью усиления научно-исследовательских работ и научного обобщения полученных данных Центральная геологическая лаборатория в Ухте в 1941 г. была преобразована в Центральную научно-исследовательскую лабораторию Геологической конторы Ухтижемлага (ЦНИЛ) с штатом в 29 человек. В составе лаборатории были кабинеты петрографии, микро- и макрофауны, в 1941 г. в ЦНИЛ вошла лаборатория строительных материалов, а в 1942 г. организована лаборатория физики пласта. При лаборатории были организованы геологический музей и библиотека. Начальником ЦНИЛ была назначена молодой специалист, инженер-геолог Т.Г.Карасик, возглавлявшая ее 16 лет. Эта лаборатория вскоре стала хорошо известна нефтяникам благодаря труду и таланту людей, многие из которых были репрессированными. В начале 40-х гг. в лаборатории появились фундаментальные работы, выполненные заключенными профессорами Д.П.Сердюченко, А.Н.Розановым, инженерами В.А.Калюжным, Г.С.Щербаченко, Л.В.Добротворской, Н.Е.Ганулевичем, Н.Н.Гавриловым. Тематика исследований ЦНИЛ была довольно разнообразной и ее работы были непосредственно подчинены интересам производства. Работы эти можно разделить на три группы: 1) научные исследования по выявлению основных палеогеографических и физико-технических условий и особенностей находящихся в эксплуатации месторождений нефти, газа и радиоактивных вод с целью расширения и увеличения эффективности эксплуатации; 2) научные исследования указанного выше характера, направленные на выявление новых промышленных участков и структур; 3) научно-исследовательские и научно-технические работы для обеспечения нового и специального промышленного строительства (исследование сырья для газовых горелок, анализы и технические испытания горючих сланцев, анализы видов сырья, вод и грунтов на стройплощадках). В 1943 г. впервые для обшир-

ной территории Тимано-Печорской провинции были оценены перспективы нефтеносных девонских отложений в терригенной фации, что расширяло перспективы поисков нефти и газа. Определилась научная тематика ЦНИЛ и ей наряду с двумя столичными институтами (Московским ВНИГНИ и Ленинградским ВНИГРИ) была доверена обработка материалов одного из важнейших видов бурения – опорного. Центральная научно-исследовательская лаборатория, как первая научная организация Ухты, не только росла и расширялась сама, но прямо или косвенно дала начало многим научным организациям и направлениям исследований в крае [10].

Развертывание добычи полезных ископаемых в Тимано-Печорском крае потребовало создания крупной научно-производственной базы. Созданный в 1937 г. Проектный отдел Ухтокомбината в годы Великой Отечественной войны был объединен с геологоразведочной конторой, выполнявшей инженерно-геологические изыскания и топографические работы. В короткие сроки проектировщикам приходилось решать сложные технические вопросы, связанные с добычей нефти, газа, строительством перерабатывающих предприятий и вспомогательных производств. В связи с эвакуацией в Ухту оборудования Майкопских заводов по производству канальной сажи, Проектный отдел провел огромную работу по восстановлению завода на базе Седельского газового месторождения. Коллективом Проектного отдела во главе с А.П.Нестеренко были разработаны проектные предложения, технические проекты и рабочие чертежи нефтяных шахт № 1, 2, 3 Ярегского месторождения тяжелой нефти. Одновременно инженерами А.С.Рачкиным, А.М.Мальковым, П.В.Естафьевым осуществлялось проектирование Ухтинского нефтеперерабатывающего завода. В 1943 г. поселок Ухта был преобразован в город и первый проект планировки и застройки г. Ухты был разработан под руководством архитекторов Проектного отдела А.Ф.Орлова, Л.И.Константиновой, А.М.Левитана, Н.П.Жижимонтова. Первый водопровод в городе также был спроектирован и построен в годы войны. В последующие годы Проектный отдел превратился в структуру, охватывающую весь диапазон проблем освоения нефтяных месторождений от геологии до экономики [11].

Химическая служба в Воркуте возникла сразу же с открытием и освоением угольного месторождения, так как после химико-технологических анализов принималось решение о промышленной разработке. Химическая служба обеспечивала не только углеразведку и угледобычу, но и занималась анализом различных горных пород, стройматериалов, горючих сланцев, грунтов. Наряду с текущей аналитической работой, лаборатория занималась также вопросами теоретического научно-

исследовательского характера. С 1943 г. лаборатория под руководством бригады химиков из Восточного углехимического института г. Свердловска (ВУХИН) начала проводить постоянные исследования технологических свойств воркутинских углей, их обогатимости и коксуетости. Одним из тех, кто начинал физико-химические исследования углей, был Г.Э.Бонвеч, химик-органик, репрессированный в 1933 г. и переведенный в Воркуту в 1941 г. Весь комплекс работ по исследованию углей с 1944 г. возглавлял главный инженер лаборатории Н.И.Родный, репрессированный в 1937 г. и имевший опыт научной работы в академии наук, давший теоретическое обоснование классификации углей Печорского бассейна и практические рекомендации по их использованию. Профессор Г.Л.Стадников, один из основателей отечественной углехимии, работая лаборантом, изучал вопросы самовозгорания углей и разрабатывал методы геохимической характеристики осадочных пород. Таким образом, в годы Великой Отечественной войны Центральная углехимическая лаборатория открывает новое направление исследований свойств углей, расширяя методы их анализа и от химических методов переходит к физическим и физико-химическим [12].

Война вызвала необходимость постройки шахт в короткие сроки с минимумом сложного оборудования и из местных материалов. Для разработки проектов строительства шахт и других сооружений была сформирована проектная группа, выросшая к началу войны в проектный отдел со штатом до 150 человек, сотрудники которого проводили и необходимые для проектирования исследования. Большую помощь в проектировании шахт оказывали проектные организации страны, в первую очередь «Ленгипрошахт», бригады инженеров которого постоянно находились в Воркуте. В 1944 г. Ленинград взял шефство над Воркутой и откомандировал на Север специалистов разного профиля, в том числе и архитекторов. Большую научную работу для Печорского бассейна проводили сотрудники Ленинградского горного института, часть проектов выполнялась на Урале. Все это позволило решать важные научно-технические проблемы проектирования шахт и других крупных гражданских и промышленных объектов, учитывая начало строительства города. За годы войны в Печорском угольном бассейне было заложено 29 новых шахт, из которых 12 были сданы в эксплуатацию [13].

В связи с расширением лагерной системы в Коми АССР и увеличением населения в годы войны возникла острая необходимость в увеличении объемов сельскохозяйственной продукции. В лагерях принимаются меры по поднятию сельского хозяйства в северных районах республики: агромелиоративное экспедиционное обследование земель, создание лагерных сельскохозяйственных хозяйств с опытными сель-

скохозяйственными участками и опытных сельскохозяйственных станций. Использование принудительного труда специалистов сельского хозяйства, биологов и ботаников из числа заключенных привело к определенным успехам в выведении новых сортов акклиматизированных к северу культур, организации культурного луговодства, повышению надоев молока.

Начальником и научным руководителем Ухтинской опытной сельскохозяйственной станции Ухтижемлага в годы Великой Отечественной войны был репрессированный в 1935 г. ученый П.П.Зворыкин, крупный специалист по вопросам луговодства и кормовых трав, организатор Бекасовской опытной станции под Москвой. В 1940 г. он был освобожден, но остался работать на Ухтинской станции в качестве вольнонаемного. По материалам исследований кормовых культур он неоднократно выступал на конференциях в Ухте, Сыктывкаре, Княжпогосте, публиковал заметки в газете «За ухтинскую нефть». Особое внимание им было уделено исследованию красного клевера и подготовлена рукопись монографии «Красный клевер». В 1941 г. за успехи в работе П.П.Зворыкину была вынесена благодарность в приказе наркома НКВД, а в 1943 г. он был награжден медалью «За трудовое отличие». С апреля 1945 г. он работает сначала старшим научным сотрудником, а затем заведующим сектором растениеводства Базы АН СССР в Коми АССР. Преждевременная смерть в 1946 г. прервала исследования ученого [14].

Опытная агробиологическая станция в поселке Печора была отделением научно-исследовательской базы санитарного отдела Печоржелездорлага, возглавляемого репрессированным ученым Г.М.Данишевским. Наряду с медицинскими проблемами остро стоял вопрос изыскания местных пищевых и витаминных ресурсов, поэтому в отделе работали метеорологи, ботаники, агрономы, химики: профессор, доктор физико-математических наук А.Жвирос, М.И.Пряхин, Я.И.Панченко, И.А.Богомаз, И.А.Жук, В.М.Козин, А.Н.Арефьев. Особенность агрономических изысканий станции заключалась в том, что они были тесно связаны с медицинскими и были направлены не просто на получение продукции сельского хозяйства, а на внедрение в земледелие района наиболее полезных для здоровья человека видов культур с повышенным и комплексным содержанием витаминов и лекарственных свойств. Важнейшими направлениями деятельности станции были: выявление и создание новейшими методами селекции новых высоковитаминных урожайных скороспелых и холодостойких сортов; изучение и выявление фаз развития растений по динамике накопления витаминов «С» и «А»; изучение сроков посевов овощных и картофеля; изучение и использование дикорастущих витаминосов пищевых и лекарственных рас-

тений; озеленение населенных пунктов строительства ПЖДС в районе средней Печоры; хранение и консервация растительной продукции [15].

Патриотический подъем советского народа в годы Великой Отечественной войны не обошел стороной и ученых в лагерях ГУЛАГа. Успешная творческая деятельность репрессированных ученых и инженеров способствовала созданию основ будущих отраслевых институтов в Коми АССР, проводивших большой объем исследований, обеспечивающих стабильное развитие Печорского бассейна.

Литература и источники

1. Малкова Т.А. Проблема научных кадров и способы ее решения в Республике Коми (1917–1940-е гг.) // Коренные этносы Севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. – Сыктывкар, 2000. – С. 320-322.
2. Зильберг А.Я. Первый вуз Коми республики. – Сыктывкар, 1972. – С. 37-38; Первенец высшей школы. – Сыктывкар, 1982. – С. 31-34; Силин В.И. История географо-биологического факультета Коми государственного педагогического института. – Сыктывкар, 2003. – С. 22-23.
3. НАРК. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 21. Л. 59-61; НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 33. Л. 4-7.
4. Козулин А.Н. Геологи Ухты и Воркуты в годы Великой Отечественной войны // 50 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Сыктывкар, 1995. – С. 112.
5. Там же. – С. 111-113; Репрессированные геологи. (Биограф. мат.) – СПб., 1992. – С. 77, 129-130.
6. Репрессированные геологи. – С. 35-36; История геологических исследований на Европейском Северо-Востоке. – Сыктывкар, 1998. – С. 108-110; ВАН. – 1944. – № 6. – С. 103; № 7-8. – С. 88-92.
7. Подоппелов В.П. и др. Леонид Александрович Братцев. – Сыктывкар, 1996. – 30 с. (Серия «Люди науки»; Вып. 16); Маркова Е.В., Родный А.Н. Роль репрессированных ученых и инженеров в освоении Печорского угольного бассейна // Вестник Российского гуманитарного фонда. – 1998. – № 3. – С. 53-54; ВАН. – 1944. – № 4-5. – С. 101-102.
8. Кустышев А.Н. Ученые-химики Водного (Радиевого) промысла Ухтижемлага в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // 50 лет Победы – С. 123-126; Кустышев А.Н. Научная деятельность на отдельном лагерном пункте – 10 Ухтижемлага НКВД в 1940-х гг. // Архивы Уральского отделения Российской академии наук. – Сыктывкар, 2001. – С. 49-51; Роцевская Л.П. Академик Г.А.Разуваев // Там же. – С. 52-55; Репрессированные геологи. – С. 20-21; Родов А. Скрытый период // Молодежь Севера. – 1989. – 10, 13 сентября.
9. Морозов Н.А. Культура и ГУЛАГ: вызов и ответ // Политические репрессии в России. – Сыктывкар, 2001. – С. 170-173; ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 2. Д. 170. Л. 2, 8; Д. 173. Л. 2; Д. 164. Л. 5.
10. Нефтегазоносность и геолого-геофизическая изученность Тимано-Печорской провинции: история, современность, перспективы. – Сыктывкар,

1999. – С. 158-159; Репрессированные геологи. – С. 64-65, 113-114, 119; Галкин А.И. Системе вопреки // Родники пармы. Вып. 5. – Сыктывкар, 2000. – С. 50-57.

11. Нефтегазоносность и геолого-геофизическая изученность Тимано-Печорской провинции: – С. 59-63, 163-164; Кустышев А.Н. Научная деятельность в Ухтижемлаге в 1940-х гг. // Исследования Ухтинского района и Коми края. – Ухта, 2003. – С. 41-43.

12. Печорский угольный бассейн. – Сыктывкар, 1958. – С. 99-100; Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К. Стране помогали ... «враги народа» // Покаяние: Мартиролог. Т. 2. – Сыктывкар, 2002. – С. 13-129.

13. Александров А.Н. В боевом союзе. – Сыктывкар, 1985. – С. 66-67, 84; Маркова Е.В., Волков В.А., Ясный В.К. Из истории научных исследований на Воркуте // Уголь. – 1997. – Июль-август. – С. 30-31; – 1997. – Октябрь. – С. 57-59.

14. Рощевская Л.П., Рочева И.В. Репрессированный ученый В.В.Зворыкин // Политические репрессии в России. – С. 181-182; НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 19. Д. 43. Л. 2-10.

15. Афанасьева Т.Г. Живой памятник репрессированным ученым (начало культурного земледелия на Средней Печоре) // Известия Общества изучения Коми края. – Сыктывкар, 2001. – № 1. – С. 53-59.

Д.Т.Козлова

**МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КОМИ АССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Великая Отечественная война потребовала перестройки всех форм музыкальной жизни, активизировала концертную деятельность, направляя ее на всемерную помощь фронту и укрепление тыла. С первых дней войны концертно-эстрадное бюро (КЭБ) перестраивает свою работу в соответствии с лозунгом «Работники искусств помогают фронту». В первую очередь организуются агиткультбригады по обслуживанию военносборных пунктов, сельских и промышленных районов. В августе 1941 г. в составе КЭБ было сформировано 5 агиткультбригад, которые с эстрадными программами патриотического и антифашистского содержания, такими как «За Родину, за Сталина!», «Били, бьем и будем бить!», выехали в сельские районы республики: две бригады по маршруту Айкино–Усть-Вымь–Княжпогост; одна – по направлению Сторожевск –Усть-Кулом, две – по маршруту Сыктывкар–Визинга–Объячево. Перед артистами была поставлена задача «проводить в районах республики агитационную работу на лугах, в бригадах, звеньях; мобилизовать трудящихся на досрочное выполнение производственных планов, оказывать помощь фронту». За время поездки артисты обязались собрать и сдать государству по 10-15 кг грибов и ягод каждый, а также помогать в уборке урожая. Одну из таких культбригад возглавила популярная

исполнительница коми народных песен, впоследствии заслуженная артистка Коми АССР В.Есева, внесшая большой вклад в пропаганду коми народных песен и произведений коми композиторов [1].

В ноябре 1942 г. Совет Народных Комиссаров Коми АССР постановил «организовать при КЭБ концертно-эстрадную бригаду по обслуживанию трудящихся лесной промышленности». Вскоре бригада из 25 артистов выехала для обслуживания лесных поселков Усть-Вымского и Железнодорожного районов. В 1944 г. в штате КЭБ числилось 104 чел. (хор – 30 чел., балет – 11 чел., оркестр – 45 чел., артисты эстрады – 6 чел.), тогда как в 1939 г. в составе концертно-эстрадного бюро было 118 чел. [2]. В период навигации, весной 1945 г., артисты КЭБ и Коми республиканского драматического театра совершили агитрейсы на теплоходах по рекам республики: «Пролетарий» по Вычегде, «Цильма» по Печоре и «Большевик» по Выми. Агитпароход «Пролетарий» обслужил 23 сельских совета, 10 сплавных участков и затон «Красный водник», 4 парохода и 2 баржи. Кроме того, отдельно было обслужено 33 колхоза республики [3].

Репертуар ансамбля песни и танца Коми АССР, в составе которого произошли значительные изменения в связи с мобилизацией на фронт мужчин, также был созвучен военному времени. За короткий период артистами ансамбля были подготовлены тематические программы: «Красная Армия – освободительница», «Танкисты», «Оборонная», «Домна Каликова», с которыми исполнительский коллектив совершал гастрольные поездки по районам республики. Однако в связи с мобилизацией ансамбль почти полностью лишился мужского состава, вместо расформированного оркестра народных инструментов аккомпанировал один баянист, в результате качество исполнения заметно снизилось. В 1943 г. постановлением правительства при активном участии художественного руководителя ансамбля песни и танца заслуженного деятеля искусств Удмуртской АССР А.В. Каторгина были восстановлены оркестр народных инструментов и мужской состав хора. «Первая концертная программа поразила всех неслыханной доселе профессиональностью исполнения», – писал композитор А.Г.Осипов [4]. Впервые прозвучала хоровая классика: «Венецианская ночь» Глинки, «Соловушка» Чайковского, «Бандура» Давидовского. Одновременно проводилась работа по пополнению национального репертуара, в связи с чем А.В.Каторгин совместно с московским композитором А.А.Воронцовым и музыкантом П.А.Анисимовым выезжали в районы республики по сбору музыкального фольклора. В результате репертуар ансамбля пополнился коми народными песнями в обработке А.В. Каторгина («Василиса справилась», «Как тихо и тепло», «Жила-была непутевая»). Коми

народные песни «Колыбельная» и «Меда» были записаны в Сысольском районе. А.В. Каторгин, будучи руководителем ансамбля в годы войны, внес значительный вклад в развитие коми музыкальной культуры. «Ни один из последующих руководителей ансамбля не интересовался коми языком в той мере, как этот добросовестнейший хормейстер, ... ни один из руководителей ансамбля не оставил столь заметного следа в истории этого профессионального коллектива», [5] – писал об А.В.Каторгине в книге «О коми музыке и музыкантах» А.Г.Осипов. Большое место в репертуаре ансамбля занимали национальные пляски. Благодаря А.В.Каторгину, артистами ансамбля песни и пляски и концертно-эстрадным бюро в 1944 г. было дано 763 концерта, что втрое больше, чем в 1942 г. Всего же за годы Великой Отечественной войны артистами КЭБ было подготовлено и показано 32 тыс. концертов, которые посмотрели около миллиона зрителей [6].

В годы войны продолжалась работа по созданию музыкальных произведений крупных форм. Осенью 1941 г. Управление по делам искусств Коми АССР обратилось с предложением к композитору А.А.Воронцову написать музыку к драме в стихах местных авторов С.И.Ермолина и Н.М.Дьяконова «Усть-Куломское восстание», в которой рассказывалось о подлинном историческом событии – восстании усть-куломских крестьян против царского самодержавия в 1842–1843 гг. С целью ознакомления с местным музыкальным фольклором А.А.Воронцов выезжал в Усть-Куломский район, где слушал народных певцов, записывал мелодии. В результате композитор написал музыку национального характера с учетом исполнительского мастерства артистов концертно-эстрадного бюро. Одна из главных партий – партия Гаврилы – была написана для первого профессионального певца с композиторским образованием П.А.Осипова, чье исполнительское мастерство значительно возросло в годы Великой Отечественной войны. Две другие партии исполнили солисты ансамбля песни и пляски Коми АССР А.Морозова и И.Терентьев.

Путь к профессиональной сцене Пантелеймона Александровича Осипова (1905–1953) не был простым. Уроженец с. Тентюково П.А.Осипов, будучи студентом Коми института народного образования, из-за материальных трудностей был вынужден бросить учебу и пойти работать в Усть-Сысольскую почтово-телеграфную контору сначала в качестве ученика, а по окончании 6-месячных курсов в Вологде, в период с 1926 по 1929 гг. работал в Косланском почтовом агенстве. С 1929 г. жил в Ленинграде, работал сначала конторщиком на Октябрьской железной дороге, затем фрезеровщиком на электромеханическом заводе. Занимаясь в вокальном кружке Дома культуры завода, П.А.Осипов

получил направление на учебу в Ленинградскую консерваторию, где получал персональную стипендию. В годы учебы ему посчастливилось петь под руководством знаменитого советского композитора И.Дунаевского. Закончив в 1941 г. учебу в консерватории по классу вокала, П.И.Осипов был направлен на работу в Сыктывкар солистом концертно-эстрадного бюро. Первоначально в репертуаре певца были только классические произведения, затем в программе концертов появились коми народные и русские песни, песни советских композиторов, романсы. В 1946 г. П.А. Осипову было присвоено звание заслуженного артиста Коми АССР. В его исполнении впервые прозвучали получившие широкую известность песни и романсы «Эжва вылын», «Менам Эжвалы», «Сёрни», «Сук ворын» и др. [7].

Премьера музыкальной драмы «Усть-Куломское восстание», состоявшаяся в марте 1942 г., стала значительным событием в музыкальной жизни республики. А.Г.Осипов в книге «О коми музыке и музыкантах» пишет, что А.А.Воронцов намеревался на основе этой драмы создать оперу, но смерть в 1943 г. оборвала его замысел. Создавая народную драму, композитор стремился посредством музыкального фольклора познакомить зрителей с бытом коми крестьян, их обычаями и обрядами. В спектакле много народных песен и мелодий: «Доли-шели», «Шонді-банй», «Готырй менё оз любит», «Опоньлён частушкаяс» и др. В 1943 г. был поставлен еще один музыкальный спектакль «Свадьба в Малиновке» в постановке Д.Лобанова [8]. 24 марта 1945 г. газета «За новый Север» писала: «Зритель хочет музыки. Работники театра давно чувствуют потребность зрителя в музыкальных постановках. Видимо, этим объясняется то, что «Домну Каликову» постановщики ведут в некоторых местах в форме оперы».

Важную роль в развитии музыкальной культуры на территории ГУЛАГа в годы Великой Отечественной войны играли ведомственные музыкально-драматические театры Ухты, Воркуты, Абези, Инты, приоритет в которых, благодаря высококвалифицированным исполнителям, таким как Б.С. Дейнека, в прошлом лауреат Собиновской премии, солист Всесоюзного радиокомитета; солист Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова Н.Печковский, солист Большого театра СССР Н.Синицын, Б.Раджус, принадлежал музыкальным труппам, осуществлявшим постановку лучших образцов русской и зарубежной музыкальной классики. Во всех лагерных театрах были организованы оркестры, среди которых выделялся симфонический оркестр Ухтинского лагерного театра, созданный из профессиональных музыкантов бывшим капельмейстером Большого театра В.В.Каплун-Владимирским. Свыше трехсот музыкальных произведений почти за восемь лет заключения орке-

ствовал музыкальный оформитель Ухтинского музыкально-драматического театра О.Л.Рассадин, который неоднократно поощрялся руководством лагеря. В музыкально-драматических театрах были и свои композиторы. Музыка к спектаклям Воркутинского лагерного театра сочиняли композиторы В.Микошо и М.Носырев. В концертных программах Ухтинского театра исполнялись «Ухтинский вальс», написанный композитором Боцюком на слова Е.Лидина и песня «Веет тонким запахом малины» на стихи и музыку В.В. Томсона, в прошлом пианиста и концертмейстера Большого оперного театра Москвы [9].

В годы Великой Отечественной войны не прекращалась работа по созданию кадрового потенциала для учреждений искусства. В декабре 1942 г. секретарь Коми обкома партии А.Г. Тараненко в Комитете по делам искусств при СНК Коми АССР ставит вопрос об открытии в Сыктывкаре музыкального училища: «В целях подготовки квалифицированных музыкальных кадров на базе существующей детской музыкальной школы-семилетки с 1 сентября 1943 г. в городе Сыктывкаре необходимо открыть музыкальное училище, контингент которого определить 25 учащихся 1 курса. Подготовка национальных музыкальных кадров на месте вызывается необходимостью пополнения творческих сил для работы в концертно-эстрадном бюро, Коми республиканском драматическом театре и его филиале в Ухте и в колхозно-совхозных театрах республики» [10]. Решением Управления по делам искусств при СНК РСФСР и местного правительства в октябре 1943 г. состоялось открытие Сыктывкарского музыкального училища, что было важным событием в культурной жизни республики. С открытием среднего специального музыкального учебного заведения были заложены основы подготовки национальных кадров, что имело важное значение для развития музыкальной культуры республики. Учитывая слабый уровень подготовки поступающих, при училище было открыто подготовительное отделение. Преподавательский состав в количестве 12 человек был сформирован из эвакуированных педагогов, музыкантов Коми республиканского драматического театра и концертно-эстрадного бюро (А.Каторгин, П.Осипов, П.Образцов и др.). Директором училища был назначен С.Пятиев. Всего на первый год обучения было принято 42 чел., среди которых были известные в будущем в республике люди – композитор Я.С.Перепелица, режиссер Театра оперы и балета И.В.Бобракова, получившая диплом этого учебного заведения под № 1. Благодаря усилиям педагогов в училище были созданы симфонический оркестр, ансамбль баянистов, оркестр народных инструментов, а также концертная бригада, коллективом которой в 1944 г. было дано 40 концертов как в Сыктывкаре, так и в районах республики [11].

Вместе с тем при рассмотрении бюджета Управления по делам искусств Коми АССР на 1942 г. Наркомфин СССР сократил ассигнования на содержание в Сыктывкаре Детской музыкальной школы и предложил дальнейшее ее содержание за счет родителей, в связи с чем секретарь Коми обкома ВКП (б) А.Г.Тараненко 12 февраля 1942 г. обратился к начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) т. Александрову с ходатайством о восстановлении ассигнований в сумме 93,5 тыс. руб., мотивируя тем, что «музыкальная культура коми чрезвычайно слабо развита по сравнению с большинством народов СССР. Музыкальная школа в наших условиях играет исключительно важную роль как воспитатель музыкальной культуры трудящихся и перевод ее на содержание родителей практически будет означать ее закрытие» [12]. Кроме того, А.Г. Тараненко просил командировать для работы в Коми АССР художественного руководителя концертно-эстрадного бюро.

В 1940 г. начинает работу первый в республике хореографический кружок при Сыктывкарском Дворце пионеров под руководством репрессированной профессиональной балерины Н.А.Генчель*, в прошлом работавшей в театрах Москвы и Киева и, как пишет искусствовед А.Клейн, оказавшей большое влияние на развитие хореографической культуры в республике. Среди ее учеников – заслуженные артисты РСФСР О.Коханчук, В.Летова, И.Чуистова, дочь «врага народа» Т.Батиева, Т.Борисова (Маегова), первые балетные тапочки для которых были сшиты руками Натальи Альбертовны. Ансамблем Дворца пионеров были поставлены детские балеты «Красная шапочка», «Злая колдунья», «Пионеры Севера» «Снежная королева», а также балет «Вёрса» («Леший»), созданный по мотивам коми фольклора [13].

В марте 1943 г. в Сыктывкаре литературно-монтажной композицией «Мед дзирдалас шонді» («Пусть светит солнце»), состоялось открытие декады коми искусства, в которой приняли участие профессиональные и самодеятельные артисты, а также творческие коллективы ГУЛАГа. В период подготовки декады СНК Коми АССР 16 марта 1943 г. постановил: «привлечь для показа все профессиональные коллективы искусства, а также лучшие самодеятельные коллективы, народных певцов, сказителей, музыкантов; исполкомам гор(рай)советов оказывать

*Наталья Альбертовна Генчель (1904-1968 гг.) – педагог-хореограф, заслуженный деятель искусств Коми АССР (1959 г.). В 1925 г. окончила хореографическое отделение Московского театрального техникума; работала артисткой балета в театрах Киева и Москвы. В 1935 г. репрессирована. Отбывала срок наказания в Ухтпечлаге (Покча). В 1940–1964 гг. – организатор и руководитель первой детской хореографической студии при Коми республиканском Дворце пионеров. Похоронена в Сыктывкаре.

помощь в транспорте для своевременной явки участников декады и возглавить работу по проведению смотра искусств в районах; обеспечить участников помещением на 200 чел. и питанием в общественных столовых» [14].

В годы Великой Отечественной войны не прекращалась концертная деятельность гастролирующих коллективов из других республик и областей. С концертами выступали Русский народный хор северной песни Архангельска, Национальный ансамбль народов Кавказа, Ансамбль песни и пляски НКВД и др. [15].

В годы войны продолжало развиваться самодеятельное музыкальное творчество. Многие песни и частушки, созданные народом, имели патриотическое содержание. Автором текстов и музыки нескольких песен, популярных в народе, была учительница А.Н.Обрезкова из с. Сторожевск, которая в 1921–1923 гг. обучалась в Московской консерватории. Написанные ею песни «Кукушечка» (Кёкё), «Колхозная песня» (Колхознõй сьыланкыв) были известны не только в районе, но и за пределами республики. Выявлению талантливых народных певцов и артистов способствовали смотры художественной самодеятельности. В 1944 г. Домом народного творчества был организован смотр художественной самодеятельности в сельской местности и районных центрах, который в значительной мере способствовал улучшению культурно-массовой работы как в районных центрах, так и в колхозах. Если к началу смотра на учете в ДНТ числилось 308 коллективов художественной самодеятельности, в которых занимались 3109 чел., то на заключительном этапе соответственно 512 кружков и 5132 участника. Всего в смотре приняло участие 206 кружков художественной самодеятельности и 2209 участников. Особо отличились коллективы художественной самодеятельности лесорубов и колхозников Усть-Куломского, Объячевского, Сторожевского и Удорского районов. 52 коллектива были премированы грамотами, ценными подарками и деньгами. Репертуар коллективов художественной самодеятельности преимущественно был злободневным и посвящался теме Великой Отечественной войны, героизму советского народа и трудовым подвигам. Вместе с тем коллектив Усть-Куломского Дома культуры осуществил постановку оперетки М.Лебедева «Мича ныв». Примечательно, что в Объячевском хоре участвовали колхозники в возрасте 72 лет. Руководитель Косланского хора колхозница Г.А.Мамонтова была награждена значком «Отличник сельского хозяйства». В Удорском районе руководителем хорового коллектива был председатель сельсовета т. Улитин [16]. В январе 1945 г. во время районного смотра на сцене Дома культуры с. Усть-Кулом

зрителям была показана «Коми свадьба» в исполнении пожилых колхозников и колхозниц [17].

Таким образом, несмотря на трудности военного времени, республика жила насыщенной музыкальной жизнью: КЭБ и ансамбль песни и пляски Коми АССР проводили большую концертную деятельность среди населения республики; композиторы республики совместно с представителями русской музыкальной культуры продолжали творческие поиски по пути освоения новых музыкальных форм; труппы лагерных театров приобщали к музыкальному искусству население промышленных районов республики. Несмотря на тяготы военного времени, правительство изыскивало средства на развитие материальной базы музыкального искусства. С открытием первого специального музыкального учебного заведения – Сыктывкарского музыкального училища – были заложены основы подготовки кадров для развития музыкальной культуры. Война дала мощный толчок художественному творчеству, о чем свидетельствуют результаты смотров художественной самодеятельности. В 1946 г. семнадцать человек концертно-эстрадного бюро, включая Ансамбль песни и пляски Коми АССР, были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Среди награжденных были А.Каторгин, П.Осипов, Т.Батиева, В.Есева, Юшкова, Артеева, Габова, Носова, Холодов, Ярапов и др.

Литература и источники

1. За новый Север. – 1941. – 13 августа.
2. НАРК. Ф. 681. Оп. 1. Д. 7. Л. 30; Д. 449. Л. 89.
3. НАРК.Ф.605. Оп.1. Д. 170. Л. 80.
4. Осипов А.Г. О коми музыке и музыкантах. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1969. – С. 57.
5. Там же. – С. 47.
6. НАРК. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 400. Л. 34, 89.
7. Осипов А.Г. Указ. соч. – С. 64-65; Козлова Д. На эстраде // Связь времен / Составители И.Л. Жеребцов, М.И. Курочкин. – Сыктывкар: «Покаяние», 2000. – С. 361.
8. Осипов А.Г. Указ. соч. – С. 77; Коми АССР // История музыки народов СССР. Т.3. – С. 295.
9. Канева А.Н. Гулаговский театр Ухты. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. – С. 23, 42.
10. НАРК. Ф. 605. Оп. 1. Д. 1095. Л. 63.
11. Безносиков Я.Н. Рассвет над Коми. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. – С.118; НАРК. Ф. 681. Оп. 1. Д. 1095. Л. 65; Ф. 605. Оп. 1. Д. 170. Л. 79.
12. КРГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 881. Л. 19.

13. Клейн А. Педагог – это ученики // О наших женщинах. – Коми кн. изд-во, 1966. С. 107-108; Он же. Генчель Наталья Альбертовна // Республика Коми. Энциклопедия. Т.1. – 1997. – С. 357.
14. Чисталев П.И. Из истории развития музыкальной культуры Коми АССР (1918–1932 гг.) // Сборник материалов научной конференции. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1982. – С. 257; НАРК. Ф. 605. Оп. 1. Д. 179. Л. 5.
15. Безносиков Я.Н. Рассвет над Коми. – С. 88.
16. Чисталев П.И. Обрезкова Александра Ивановна // Республика Коми. Энциклопедия. Т.2. – С. 349; КРГА ОПДФ. Ф. 1. ОП. 3. Д. 1150. Л. 2.
17. За новый Север. – 1945. – 12 января.

СООБЩЕНИЯ

Р.А.Рочев

ПАСПОРТНАЯ СЛУЖБА КОМИ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война – одна из наиболее трагических и в то же время героических страниц нашей страны. Она поставила перед нашим народом ответственную задачу, перед каждым гражданином – ответственную обязанность встать на защиту Отечества. Судьба страны и советского народа решалась на фронтах Великой Отечественной войны, поэтому тыл работал под девизом «Все для фронта, все для Победы». Отвага и героизм стали социальной нормой поведения миллионов людей как на фронте, так и в тылу.

С первых дней войны советская милиция внесла свой вклад на фронте и в тылу, превращая ее в единый боевой лагерь. За годы войны из органов внутренних дел республики ушли на фронт 687 человек, из них 273 добровольно, более трети погибли, пропали без вести или умерли в госпиталях от ран. Патриотические чувства сотрудников в этот трудный для страны период сотрудники выражали и в своих рапортах. Начальник паспортного стола Сыктывкарского ГОМ П.И.Проскуряков (ранее добровольцем участвовавший в войне с финнами) выразил следующим образом: «В настоящем изъявляю желание вступить добровольцем в ряды Красной армии и отдать свои силы на защиту Родины. Убедительно прошу республиканского военкома учесть и удовлетворить просьбу в ближайшие дни». Начальник отдела пожарной охраны К.И.Комаров в своем рапорте пишет: «В грозный час, когда над нашей Родиной нависла опасность, я, как сын, воспитанный Всесоюзной Коммунистической партией, прошу направить меня в ряды действующей Красной Армии для разгрома фашистских гадов». И таких рапортов было сотни. Большинство просьб было удовлетворено, многие из них погибли, в том числе и эти двое.

На оставшихся в тылу легла огромная ответственность и напряжение. Все лучшие, боеспособные были призваны на фронт. Их заменили в основном негодные по возрасту и состоянию здоровья для призыва на фронт, а также женщины с низким уровнем образования и без всякой подготовки для работы в органах внутренних дел. Поэтому встала серьезная задача – за короткое время подготовить из них пригодных для работы сотрудников, и абсолютное большинство оправдали оказанное им доверие. В связи с резко возросшим объемом работы и умень-

шением опытного кадрового состава, были приняты меры, способствующие выполнению функций органов внутренних дел. Были отменены отпуска, некоторые службы переведены на казарменное положение, рабочий день продлен до 12 часов, возложены дополнительные функции и образованы такие структуры, как военная цензура, дополнительные ВУСы (военно-учетные столы) и т.д. Спрос за выполнение обязанностей был по законам военного времени.

В условиях военного времени поддержание паспортного режима явилось важнейшей общегосударственной задачей, особенно в Коми АССР, где дислоцировалось большое количество учреждений ИТЛ, ссыльных и высланных, эвакуированных. Население республики пополнялось как за счет прибывших из западных оккупированных областей, так и за счет направления специалистов на предприятия оборонного значения, в том числе и неорганизованным путем и концентрировалось в городах и рабочих поселках. Приток значительного количества жителей из сельской местности на промышленные и лесозаготовительные предприятия, оседание лиц, освободившихся из мест лишения свободы – все эти обстоятельства многократно увеличили нагрузку на органы милиции, в том числе и на паспортную службу, которая способствовала мобилизации людских ресурсов, а также своевременному учету пополнения населения. В связи с резким увеличением нагрузки на правоохранительные органы, возложением дополнительных функций, некоторое увеличение штатной численности каснулось прежде всего оперативных служб, а увеличение штатов паспортных аппаратов, в том числе и во вновь образованных поселениях, происходило прежде всего за счет внутренних резервов, т.е. за счет других служб и увеличения нагрузки на каждого работника, что в свою очередь стало отражаться на качестве и результатах работы. Если в 1941 г. выявлено 193 случая нарушения паспортного режима в г. Сыктывкаре, то только за 5 месяцев 1942 г. выявлено 1800 нарушений по республике. Этому способствовали наплыв большого количества людей в республику из разных мест по разным причинам, а также активизация уголовных элементов, появление банд-групп, возросшая преступность среди несовершеннолетних, особенно увеличились эти негативные явления в населенных пунктах вокруг лагерей и узлов магистральных дорог. В ходе проверок соблюдения паспортного режима чаще выявлялись такие виды нарушений, как кражи и подделка паспортов, проживание без прописки, выдача паспортов по поддельным документам, прием на работу без прописки и учинения отметки в паспорте, несвоевременная обработка поступающих в паспортные столы документов. Среди нарушителей паспортного режима выявлено

много лиц, скрывающихся от уплаты госдолгов, алиментов, а также уклоняющихся от воинского учета.

Несмотря на принимаемые меры по поддержанию паспортного режима в Усть-Вымском, Ижемском, Кожвинском, Усь-Цилемском и в других районах, особенно в рабочих поселках, проживает большое количество лиц, не имеющих паспортов, без прописки и не занимающихся общественно-полезным трудом. Управдомы, коменданты, дворники, бригадильцы, селисполнители и общественность по поддержанию паспортного режима используются слабо.

В сложившейся ситуации необходимы были кардинальные меры по стабилизации ситуации. В этих целях были проведены организационные, тактические и оперативные мероприятия. Стали практиковаться облавы с привлечением практически всего аппарата оперативной и наружной службы, паспортного аппарата, партийного и комсомольского актива, подсобных сил, бригадильцев, членов группы ООП. Эти и другие меры позволили в некоторой степени стабилизировать обстановку, преимущественно в 1943 г. Стали практиковать работу выездных паспортных пунктов.

В 1943 г. и первой половине 1944 г. проверено 59 тыс. 392 домо-владений и 280 тыс. 506 чел., выявлено 4252 нарушителя паспортного режима, из них оштрафовано 3133 человека на сумму 122 тыс. 039 руб., взыскано 164 тыс. 158 руб., в том числе и за 1942 г. Нарушителей военного учета – 237, из них подвергнуто административным наказаниям 97 чел., осуждено – 17, остальные переданы в горрайвоенкомары и направлены в РККА. Доверенными лицами выявлено 415 нарушителя, которые привлечены к уголовной и административной ответственности. Кроме проведения массовых проверок проводилась плановая работа силами паспортного аппарата наркомата.

Несмотря на принимаемые меры, в 1944 г. заметного улучшения криминогенной обстановки не произошло, и тому были причины. Наряду со множеством негативных явлений, проявившихся в годы войны, резко ухудшилось положение со снабжением продуктами и промышленными товарами, в связи с чем была введена карточная система. Карточки стали объектом краж, злоупотреблений должностных лиц, которые совершали различные махинации и подлоги, присваивая продкарточки своих подчиненных. Распространились подкупы и взяточничество. Не избежали этих преступлений и работники правоохранительных органов, злоупотребляя своим служебным положением. Местное население, окруженное лагерными подразделениями, в целях наживы создавало для лагерного контингента приют, укрывая их длительное время, создавало условия для побега, обеспечивало документами, устраивало свидания,

принимало краденое и расхищенное из лагерного имущества и продукты питания. В этой обстановке складывались недостатки в кадрах правоохранительных органов и в работе с ними. Если оперативные подразделения комплектовались преимущественно лицами, имеющими достаточный уровень подготовки и опыт работы, то в остальных службах до 50% составлял вновь принятые, в том числе из негодных по возрасту и состоянию здоровья для направления на фронт и женщин с низким общим образованием и без всякой профессиональной подготовки. Многие вновь принятые на работу в органы внутренних дел, пройдя первоначальный курс подготовки, направлялись на фронт, многие даже не годные к службе, не выдерживая нагрузки, просились на фронт или увольнялись. Таким образом, кадровый состав тыловых подразделений за годы войны неоднократно менялся на 1/3 состава, что естественно отражалось на результатах работы. Учитывая создавшееся положение в целях поддержания паспортного режима в городах и крупных населенных пунктах, они были разбиты на участки, за которыми закреплялись оперативно-милицейские группы, на которые возлагалась организация оперативных и других мероприятий как по поддержанию паспортного режима, так и по своевременному выявлению преступных элементов. Эти и другие принимаемые меры стали давать положительные результаты. Начальник паспортного отдела А.Е.Челпанов в своем отчете за I полугодие 1944 г. пишет: «Проверено 10 паспортных столов по ранее выявленным недостаткам, многие недостатки устранены, злоупотреблений не выявлено, оказана практическая помощь. Кроме того проведено 25 оперативно-инструктивных совещаний и десятидневный семинар в г. Сыктывкаре, прочитаны лекции, издан обзор по паспортной работе и разослан на места». Он в этом отчете поднимает вопрос об увеличении штатов с учетом сложившихся обстоятельств в соблюдении паспортного режима и кадров. Однако из-за отсутствия резервов этот вопрос больших изменений не претерпел. Штатная численность паспортных аппаратов в масштабе страны с 1943 г. по 1947 г. не пересматривалась. Все изменения происходили за счет внутренних резервов, т.е. привлечения сил общественных формирований.

Из числа сотрудников паспортных аппаратов, ушедших на фронт, многие погибли, пропали без вести, умерли от ран в госпиталях. Паспортист Ижемского РОМ М.Л.Артеев, начальник паспортного стола Печорского ОКРО Н.И.Бачуринский, паспортист Сыктывкарского ГОМ П.М.Игнатов пропали без вести. Паспортист Корткеросского РОМ А.Е.Модянов, начальник адресного бюро УМ Н.М.Политов, начальник паспортного стола Сыктывкарского ГОМ П.И.Проскуряков, паспортист Ухтинского РОМ В.Д.Петрушечкин погибли в боях. Паспортист

Усть-Вымского РОМ А.К.Костромин, паспортист Летского РОМ Г.А.Мочалов умерли от ран в госпиталях. На этом не исчерпан счет погибшим и умершим. Некоторые, вернувшись с фронта из-за ранений, проработав непродолжительное время, умерли или были уволены по состоянию здоровья, а многие по возвращению домой на прежнюю работу не вернулись. В то же время много участников войны после возвращения домой пришли на службу в органы внутренних дел, в том числе в паспортную службу. Одним из первых в их числе стал Н.А.Панюков, который в июле 1944 г., чуть поправившись от ран, поступил на работу в паспортную службу Сыктывкарского ГОМ и уволился в 1970 г. по возрасту и состоянию здоровья с должности начальника паспортного стола.

В аппарат паспортного отдела пришли фронтовики: Г.А.Урнышев, С.М.Кызыуров, М.М.Молодцов, М.А.Русинова; в райгораппараты: в Воркутинский – И.Н.Андреев, А.В.Сидоров, в Ухтинский – В.М.Бизяев, А.И.Дуркин, Н.Ф.Жилин, У.В.Рябова, в Интинский – И.И.Сандуляк, в Печорский – А.П.Артеев, А.Н.Истомин, А.Я.Торопов, в Прилузский – Д.И.Федюнев, в Княжпогостский – У.В.Габова, П.М.Каракчиев, в Корткеросский – Н.А.Коюшев, М.И.Щукина, в Койгородский – В.И.Костин, в Сысольский – К.И.Кичигин, в Сыктывдинский – И.А.Карпов, в Усть-Цилемский – Н.Е.Семяшкин. Много ветеранов паспортной службы самоотверженно работали в годы войны и в последующие годы в аппарате отдела: А.К.Королева – с 1940 по 1970 г., Н.С.Савельева – с 1944 по 1972 г., М.И.Полина – с 1943 по 1972 г., А.В.Изъюрова и Н.Е.Маегова более 30 лет, паспортист Сыктывдинского района Н.С.Налимова – с 1933 по 1944 г., К.С.Субботина – с 1939 по 1976 г. Вот, что она рассказала об этом периоде: «Начало войны меня застало в с. Онежье Княжпогостского района, где я была в отпуске. По телеграмме пришлось срочно выехать, однако в пути уже ощутила нарушение мирного уклада жизни, еле добралась до Сыктывкара. На работе сразу бросились в глаза перемены, отпуска отменены, рабочий день удлинен, многих коллег на работе нет, кто на призывном пункте уже, а кто и направлен в командировку. Патриотический настрой идти на фронт и быстрее разгромить врага был настолько высок, что многие хотели уйти добровольно. Но война оказалась затяжной, наступили будни военных лет, заполненная постоянными перегрузками на работе, недосыпанием и недоеданием, большим нервным напряжением и как следствие обострением болезней, а спрос был по законам военного времени. В январе 1945 г. меня перевели из Сыктывкарского ГОМ в паспортный отдел, где служба была связана с длительными командировками, до 30 суток. Территория республики большая, дороги и транспортные средства и возможности плохие. Ездили в основном, особенно

в сельские районы на попутных видах транспорта, хорошо хоть не отказывали. В горрайаппаратах мы больше занимались оказанием практической помощи, чем проверкой, потому, что штат был 1-2 человека на район, в городах чуть больше. Нам командировочным как в дороге, так и на местах никаких удобств не было, жили в кабинетах, спали на стульях, питались как попало. В дороге было много казусных случаев, сопряженных опасностью для жизни. Много в жизни пришлось испытать, но годы войны были самые тяжелые, тем не менее сожаления об этом у меня нет, жаль только, что многих, кто были рядом в те тяжелые годы, в живых не осталось».

В горрайаппаратах паспортной службы было немало сотрудников, которые работали все годы лихолетья, среди которых некоторые были призваны на фронт или переведены в другие службы: Ф.К.Терентьев возглавлял паспортную службу Печорского ОКРО, Воркутинского ПОМ и Кожвинского РОМ, а затем в 1943 г. был направлен на фронт; С.И.Старцев – в воркутинском ПОМ, затем выдвинут на оперативную работу; Ф.Т.Артеев в Усть-Усинском РОМ; А.Б.Артеев в Печорском и Интинском РОМ и другие.

Майор милиции А.Е.Челпанов возглавлял паспортный отдел с октября 1938 г. с момента образования отдела и руководил до марта 1951 г., ему по состоянию здоровья пришлось уйти в отставку. На его долю выпали период становления отдела, военные годы и послевоенный восстановительный период. Это были самые сложные и тяжелые годы его службы. Он возглавил отдел в звании сержанта милиции, а уволился в звании майора, и за заслуги достойно награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, многократно поощрялся. О таких как А.Е.Челпанов и ему подобных память должна сохраняться надолго.

В эти сложные и трудные периоды для страны, в паспортную службу вместо ушедших на фронт было принято много новых работников, порой без достаточного изучения их годности к этой работе. Среди большинства добросовестных сотрудников оказались и такие, которые, воспользовавшись данными им правами и недостаточным контролем со стороны начальников и вышестоящих инстанций, злоупотребляли служебным положением, злоупотребляли алкоголем, совершали присвоение денег, выдачу паспортов на незаконных основаниях, прописку и выписку, несвоевременное исполнение срочных документов и другие виды нарушений. За выполненные в ходе проверок злоупотребления некоторые сотрудники были уволены, некоторые преданы суду и осуждены. Эти негативные явления не могли заслонить и очернить добросовестный труд абсолютного большинства сотрудников аппаратов паспортной службы как в период войны, так и в последующие годы.

В.Ю.Житков
ЧИСЛИЛСЯ ПОГИБШИМ*

«Жидков Алексей Аркадьевич, 1919 г.р., уроженец Вологодской области. Призван Усть-Цилемским РВК 24.03.1942г., старшина. Служил в 143 стрелковом полку. Погиб 01.02.1943г. на фронте. Захоронен в Ленинградской области, Кировский р-он. раб. пос. №2»

Книга Памяти Республики Коми. Том 3, стр. 334.

В Книге памяти, изданной в 1994 г. к 50-летию Победы, допущены ошибки: родные корни Алексея Аркадьевича – земледельческие, и произносят фамилию чисто по-крестьянски **Житков**; усть-цилемский призывник в начале 1943 г. в Ленинградской области не воевал и в госпитале не лечился, следовательно, не мог быть захороненным в Кировском районе. А.А.Житков вообще не был убит – он выжил после тяжелого ранения на Сталинградском участке фронта. Судьба Житкова интересна тем, что по ней можно изучать процессы коллективизации и раскулачивания, развитие образования в крае, тему Великой Отечественной войны. Эта поисковая работа мне интересна тем, что Алексей Аркадьевич Житков – мой дедушка.

В Вологодской области есть деревня Курьяновская. Там в крестьянской семье Аркадия Афанасьевича и Агалии Капитоновны в 1919 г. родился третий сын – Алексей. Спустя три года семья пополнилась еще и девочкой. Крепкое хозяйство было у Житковых: три лошади, овцы, куры, поросенок. К 1929 г. построили новый добротный дом. На этом и закончилась нормальная жизнь. Начало коллективизации привело к росту налогов на такие состоятельные хозяйства. Не смогли уплатить – лишались всей живности. Но если сумели доказать, что все наживалось руками домочадцев, то на короткий срок правда восторжествовала. Однако в начале 1931 г. снова приклеили ярлык «кулака», которого надо «ликвидировать как класс», о чем говорил великий вождь. Арестовали совершеннолетних мужчин – отца и двух старших братьев. Затем и всю семью в товарных вагонах вывезли в Архангельск. Потом по Белму и Баренцеву морям более недели в трюме лесовоза «Фабрициус» везли до устья р. Печора. В Пустозерске (ныне село заброшено) пересадили на речные баржи и все под тем же конвоем СГПУ отправили дальше. В июле 1931 г. высадили переселенцев в устье речки Песчанка, что в среднем течении Печоры. Многие семьи к этому времени потеряли своих родных, особенно высокая смертность была среди детей. Жили в наспех

* Научный руководитель Л.Л.Тарасов.

вырытых землянках, но крестьяне – народ трудолюбивый, и вскоре был отстроен барачный поселок Песчанка (в 35-40 км от нынешнего г.Печора) – один из десятков населенных пунктов, возникших подобным образом в 1930-е гг. на северной реке. К июлю 1932 г. общее число спецпоселенцев в Коми достигло около 40 тыс. и еще около 10 тыс. – административные ссыльные, отбывающие наказание по Уголовному Кодексу. Нужда была большая: постоянное недоедание, холод, цинга. Рабский труд...

Позволили учиться, и в 1932 г. Алексей Житков был отправлен в школу-семилетку в д. Новикбож, за 100 км от Песчанки. Благодаря стараниям учителей школы, отличавшихся высокой гуманностью, поправил и здоровье, и знания. В 1935 г. закончил семилетку. Год проработал в своем спецпоселке Песчанка: вместе с отцом – в конюшне, вместе с братьями – на лесопильне (пилили вручную продольной пилой бревна на доски). В 1936 г. комендант (административное управление спецпоселенцами осуществляла комендатура ОГПУ-НКВД) дал разрешение на дальнейшую учебу. Направили в педучилище в с. Мохча, что на печорском притоке р. Ижме. 48 человек поступили на 1-й курс. Жизнь в Мохче подружила сокурсников, среди которых было немало детей спецпоселенцев. Например, кроме Житкова учился еще внук и сын ссыльных воронежских крестьян Иван Николаевич Попов. Он один выжил из всей своей родни, остальные были похоронены в первые же годы ссылки. Их могилы находятся в пос. Ичет-Ди Троицко-Печорского района (ныне поселок заброшен). «В 1989 году в честь 50-летия нашего выпуска была организована встреча в с. Мохча оставшихся в живых выпускников. Это была захватывающая душу встреча с нашей юностью...» (из записей А.А. Житкова). С 1940 по февраль 1942 г. Житков работал в школах Усть-Цилемского района, сначала учителем, а потом – заведующим школой.

В марте 1942 г. А.А.Житков призван в армию. В Вологде получил направление в Архангельское военное училище. Но летне-осеннее наступление немцев на Сталинград сорвало планы подготовки офицерского состава, и курсанты были спешно посажены в эшелоны и отправлены в состав Донского фронта. 19 ноября 1942 г. фашистская группировка в Сталинграде была окружена, но обстановка оставалась напряженной – и извне «котла», и в самой армии Паулюса предпринимались отчаянные попытки прорвать окружение. «Нас бросили для разгрома наступающих для деблокировки войск Паулюса извне ударной группы генерала Манштейна. В бою за хутор Белянский, около ст. Николаевская, я был ранен 21 января 1943 года и до 18 февраля находился в госпиталях. После выписки попал в роту автоматчиков 4-ого механизированного корпуса. 21 марта в Новочеркасске снова получил тяжелое ранение» (из записей

А.А.Житкова). Наверное, тогда и пришла похоронка на р. Печора. Вообще 1943 год был особо трагическим для Житковых: под Ленинградом погиб брат Виссарион, призванный Усть-Усинским РВК (о нем есть записи в Книге Памяти, том 2, стр. 598), дома скончался от таких потрясений отец – Аркадий Афанасьевич... Полгода Алексей лечился. Затем снова в строй. Освобождал Донбасс, Херсон, Николаев, Одессу, принимал участие в Ясско-Кишинеvской операции по освобождению Молдавии и румынских земель. Житкову присвоено звание «лейтенант», он командир взвода 230 стрелковой дивизии 5-й ударной армии генерала Н.Э.Берзарина, которая освобождала Польшу, брала Берлин. Три года Житков пробыл в составе советских войск в Восточной Германии, затем пять лет служил на Украине. В июне 1953 г. демобилизовался и вместе с женой и сыном вернулся на Печору. На груди два ордена – орден Славы III-й степени и орден Боевого Красного Знамени и медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». Любопытно, что самая трагическая награда его нашла только спустя 53 года. За два месяца до кончины Алексею Аркадьевичу вручается медаль «За оборону Сталинграда». В 1993 г. председатель президента Украины наградил А.А.Житкова почетным знаком «Освободителю Донбаса».

С 1953 по 1990 г. А.А.Житков с семьей живет в пос. Кожва Печорского района, работал учителем в школе, затем на Печорской лесобазе производственного объединения «Печорлесосплав». Растут дети, внуки. Ветеран активен в общественной жизни района: в Совете ветеранов войны, в обществе «Знание», спортобществе «Труд», ДОСААФ. Помогает создавать в школе «Музей леса». Сохраняет связь с воинами 230-й дивизии 5-й ударной армии: переписывается, ездит на встречи фронтовиков. В 1990 г. семья переезжает в Сыктывкар, 10 августа 1996 г. Алексея Аркадьевича Житкова на стало.

Интересное совпадение: внуку Андрею было суждено служить в Вооруженных Силах в Кировском районе Ленинградской области – там, где, как отмечалось в Книге Памяти, погиб его дед.

**«КРАЕВЕДЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ:
ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ»***

Ф.Н.Иванов

**ДЕНЕЖНЫЕ РАСХОДЫ НА «ОТДАЧУ» РЕКРУТОВ
В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1845–1873 гг.
(по данным губернаторских отчетов)**

Одной из самых важных проблем для России, как в XIX веке, так и в наши дни является наполняемость государственного бюджета, одной из наиболее затратных сфер является государственная оборона. Поэтому часто предпринимались попытки снизить бремя расходов на Вооруженные Силы. Наиболее непроизводительными считались затраты на набор пополнения – неопытных новобранцев, которых необходимо долго обучать военному ремеслу. В XVIII–XIX вв. проблема решалась за счет дополнительного налогообложения податных сословий. Вполне в духе эпохи правительство требовало от них не только поставки определенного количества людей, но и поставки людей, снабженных обмундированием и продовольствием. Таким образом, податное население, поставляя новобранцев в войска, исполняло одновременно натуральную и денежную повинности.

В центре нашего внимания будут денежные расходы податных обществ Вологодской губернии на проведение рекрутских наборов. Для характеристики проблемы привлечены губернаторские отчеты за 1845–1873 гг. Такие отчеты составлялись ежегодно в канцелярии губернаторов и отправлялись в Министерство Внутренних дел в Санкт-Петербург. Согласно положению копии отчетов не обязаны были храниться в архивах канцелярий губернаторов, так что полный массив информации отложился исключительно в Российском государственном историческом архиве г.Санкт-Петербурга (РГИА) в фондах: 1263 (Комитет Министров) и 1281 (Совет Министра внутренних дел).

В соответствии с Рекрутским уставом губернатор осуществлял главный надзор за производством рекрутского набора во вверенной ему губернии, сведения о котором в обязательном порядке включались в годовой отчет. Отчеты губернаторов составлялись по определенному шаблону и состояли из двух частей: собственно «Всепопданнейшего

** Публикуются доклады, сообщения и постердоклады, сделанные на секции военной истории республиканской краеведческой конференции (май 2004 г.).*

отчета» и приложений к нему. Наиболее интересными для нас являются содержащиеся во второй части Ведомость со сведениями о денежном сборе на сдачу рекрутов как в целом по губернии, так и по уездам, а также «Ведомость об издержках по очередному рекрутскому набору в ...губернии». Последняя содержит сведения о стоимости отдачи одного рекрута у разных сословий по уездам. Это усредненные расчетные данные по каждому сословию в уезде, но следует учесть, что стоимость обмундирования и жалование рекрутам определялись заранее императорскими указами и были неизменными для всех губерний, а стоимость провианта была const. для всех сословий уезда (количество продовольствия было определено Рекрутским уставом, а его стоимость определялась так называемыми «справочными ценами»).

Расчеты производились на основании данных тетрадей рекрутских отдатчиков, в которую они были обязаны заносить записи о всех своих расходах. После завершения приемки рекрутов уездный или губернский – смотря где находилось присутствие – стряпчий забирал у отдатчика тетради с записями и проводил ревизию, сводил однородные расходы в одну сумму и все суммы в одну общую. Затем сведения заносились в квитанцию, выдаваемую отдатчику. Рекрутские присутствия направляли сведения о числе рекрут и количестве собранных денег в канцелярию губернатора. Таким образом, данные губернаторских отчетов основываются на достоверных источниках, но имеют общий характер. Уточнение сведений, содержащихся в «Ведомости об издержках...», затрудняет отсутствие в отчетах данных о количестве рекрут, выставленных каждым уездом.

До 1870-х гг. государство брало на себя только расходы по проведению набора (содержание канцелярий при рекрутских присутствиях, на выдачу путевого и прочих довольствий командированным офицерам и чиновникам), все прочие затраты (расходы на доставку и питание рекрут и «подставных»; расходы на довольствие принятых рекрут) лежали на плечах податных обществ. С 1871 г. казна стала оплачивать и расходы на обеспечение принятых людей довольствием. Но теперь те же самые податные общества вносили деньги не напрямую, а опосредованно, уплачивая их в казну в виде государственного земского сбора.

Денежные сборы на сдачу рекрут в Вологодской губернии составляли в среднем в 1845–1849 гг. – 9% от общих сборов по региону на исправление повинностей, в 1867–1870 гг. – 6,3%, в 1871–1873 гг. – 1,5% [1]. Таковая динамика является следствием роста налоговых сборов в пореформенное время и тем, что правительство в 1871 г. взяло часть расходов на себя. Сборы на «исправление рекрутской повинности» представляли важную часть в окладе ревизских душ. К примеру, в 1848 г. 23,7% сбора

на губернские расходы с каждой ревизской души мещан Яренска и Усть-Сысольска было потрачено на сдачу рекрутов [2].

В этой связи значительный интерес представляют сведения о стоимости отдачи одного рекрута у разных сословий по уездам.

Таблица 1

Соотношение общих расходов на отдачу одного рекрута податных сословий Вологодской губернии в 1845–1869 гг.

Годы	Удельные (бывшие) крестьяне	Гос. крестьяне	Помещичьи (бывшие) крестьяне	Мещане	Половники
1845– 1849	15,2 %	31,8 %	14,2 %	32 %	10,5 %
1867– 1869	15 %	35,5 %	19,7%	23,5 %	9 %

Подсчитано по: РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1780, 1934, 2015, 2101, 3353, 3482.

Как можно судить по данным, содержащимся в таблице 1, в 1845–1849 гг. сдача одного рекрута наиболее дорого обходилась мещанам (32%) и государственным крестьянам (31,8%), менее всего приходилось платить (14,2%) помещичьим и половническому (10,5%) крестьянам. В пореформенную эпоху наибольшие затраты на отдачу одного рекрута были у государственных крестьян (35,5%), а наименьшие – у бывших удельных (15%) и у половнических (9%) крестьян. В 1860-е гг. расходы бывших удельных крестьян снизились на 0,2%, расходы половников – на 1,5%, а затраты мещан стали меньше на 8,5%. Расходы государственных и бывших помещичьих крестьян, напротив, выросли на 3,7% и 5,5% соответственно. С чем связаны такие изменения, можно увидеть, если посмотреть на то, во сколько податным сословиям Вологодской губернии обходились в 1845–1869 гг. привоз и содержание в местах приема людей, обеспечение принятых в рекруты довольствием.

В материалах таблицы 2 отражено, что в Вологодской губернии в 1860-е гг. у всех сословий, за исключением мещан и государственных крестьян, выросли расходы на обмундирование и провиант, привоз и содержание рекрутов. Видимо, здесь сыграло свою роль повышение цен на продовольствие в тот период. Затраты мещан на обмундирование, провиант и жалованье выросли (на 10,5-13,9% соответственно), но значительно снизились расходы на привоз и содержание – на 17,8%. Государственные крестьяне также стали меньше платить за привоз и содержание (на 5,6%). Открытие во всех уездных городах рекрутских присутствий снизило расходы по этой статье государственных крестьян, а у мещан в большинстве случаев расходов на эту статью либо не было, либо они исчислялись копейками. Выплаты наградных денег в целом несколько снизились, хотя в некоторых случаях был отмечен их рост на

3-10 коп. В два раза больше стали платежи наградных денег обществ бывших удельных крестьян рекрутам (с 1 руб. 50 коп. – фиксированной суммы, которой придерживался удел, – до 3 руб.).

Таблица 2

Расходы на отдачу одного рекрута в Вологодской губернии
в 1845–1869 гг.

Расходы податных обществ на:	Годы	Удельные (бывшие) крестьяне	Гос. крестьяне	Помещичьи (бывшие) крестьяне	Мещане	Половники
Обмундирование	1845-1849	56,8 %	42,6 %	50,8 %	43,8%	43,4 %
	1867-1869*	40,9 %	41,6 %	39,9 %	53,3 %	40,8 %
Провиант и жалование	1845-1849	26,3 %	18,9 %	22,2 %	20,4 %	19,8 %
	1867-1869	28,2 %	27,9 %	27 %	34,5 %	25,9 %
Привоз и содержание	1845-1849	9,5 %	24,6 %	15,1 %	22,8 %	27,3 %
	1867-1869	19,8 %	19 %	22,3 %	5 %	20,2 %
Награждение от общества	1845-1849	8,4 %	14,3 %	12,2 %	15,6 %	13,1 %
	1867-1869	11,1 %	12,5 %	10,9 %	15,7 %	11,1 %

Подсчитано по: РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1780, 1934, 2015, 2101, 3353, 3482.

*Из-за изменения формы отчетности сведения за 1870–1873 гг. в источниках не представлены.

Как видно из губернаторских отчетов, наибольшие расходы на сдачу одного рекрута по сравнению с другими сословиями в Вологодской губернии несли государственные крестьяне и мещане, наименьшие – половничаствующие крестьяне. Тяжесть рекрутчины усугублялась еще и тем, что правительство переложило на плечи податных обществ заботы об обмундировании, провианте и выплате жалования рекрутам (от 2/3 до 3/4 всех расходов общества на сдачу одного рекрута), доставке и содержании в местах приема как тех, кто назначен в рекруты, так и «подставных к ним» (около четверти расходов, а в отдаленных от рекрутских присутствий обществах – до трети).

Итак, сведения, содержащиеся в губернаторских отчетах, с достаточной объективностью показывают картину исправления населением Вологодской губернии рекрутской повинности, его денежных расходов. Однообразие и структурированность данных позволяет нам проследить динамику качественных изменений того или иного показателя. Однако изучение проблемы на уровне отдельных сельских и городских

обществ требует обращения к иным источникам. Значительный интерес в данном отношении будет иметь сопоставление губернаторских отчетов с отчетами рекрутских присутствий, с выданными из присутствий квитанциями, и с приговорами городских и сельских обществ.

Литература и источники

1. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1780, 1934, 2015, 2101, 3353, 3482.
2. НАРК. Ф. 275. Оп. 1. Д.3. Л. 8-9, 20.

И.Ю. Моисеева

**ВРЕМЯ «ДО» И ВРЕМЯ «ПОСЛЕ»:
К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИИ
(по материалам воспоминаний жителей Республики Коми)**

Понятие времени в любом обществе и в любом регионе является важнейшим компонентом общественного сознания. Эта проблема уже давно стала предметом изучения различных дисциплин, однако в исторической науке аспект времени стал рассматриваться сравнительно недавно. По мнению целого ряда исследователей (Л.П.Репина, Э.Ф.Асадуллин, О.А.Першина, А.И.Бондаренко, Н.В.Бредихина) [1] понятие времени на данный момент является одним из ключевых в исторической науке. На сегодняшний день аспект времени осмысливается историками также в связи с развитием и укреплением позиций антропологического направления в отечественной историографии.

В сознании человека время состоит из определенных промежутков, разделяемых конкретными вехами. Эти вехи иногда связаны с временными категориями: новое тысячелетие, новый век, новое десятилетие, а иногда определяются крупными историческими событиями. Особой вехой в сознании советского человека стала Великая Отечественная война.

Изучение восприятия самого события (в данном случае, начала войны) и «проживания» человеком Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на всем ее временном протяжении, как на фронте, так и в тылу, является очень важной задачей. Это дает возможность не только понять суть явления в целом, установить причинно-следственные связи конкретного исторического события, но и позволяет представить то, что происходило с человеком в эти трагические для всей страны дни.

В данном исследовании начало Великой Отечественной войны рассматривается автором как временной рубеж в сознании человека фронтового поколения.

В рамках работы предполагается на примере опубликованных воспоминаний и «устных историй» жителей Республики Коми [2] проанализировать восприятие начала войны, проследить чувства, настроения, мысли человека, ощущение себя самого в сложившейся ситуации. На основе проведенного анализа мироощущения человека автор пытается выявить: *каким образом и когда* начало войны и война в целом стали восприниматься человеком как рубеж во временном потоке, *отчего* зависел процесс рефлексии рубежа в сознании человека.

В ходе исследования автором был разработан специальный опросник для интервьюирования участников Великой Отечественной войны и жителей тыла. При подготовке опросника принимались во внимание опубликованные ранее в печати воспоминания. В связи с этим был введен блок вопросов, на наш взгляд, крайне необходимых для данного исследования и изучения антропологического аспекта войны в целом [3]. Нас интересовали такие проблемы как ожидание и предчувствие войны, отношение и моральная готовность человека и общества к событию, психо-эмоциональное состояние человека в момент получения сообщения о начале войны, внутренние ощущения человека во время получения им повестки и по дороге на фронт, изменения, произошедшие с началом войны в семье, в быту, атмосфера в городе и т.д.

Во время интервью респондентам предлагалась ответить на вопрос: были ли Вы морально готовы, готовились ли к тому, что может начаться война или это известие оказалось для Вас неожиданным, внезапным, ошеломляющим? Отметим, что ответы на этот вопрос были получены разные. Так, Л.И.Сурина, в то время студентка Коми пединститута, сообщает: «Нет. Абсолютно не были готовы к войне. Никто даже и не подумал об этом» [4]. В 1941–1945 гг. Л.И.Сурина работала секретарем Сыктывкарского горисполкома. Ветеран Великой Отечественной войны А.М.Белозеров [5], напротив, отмечает: «Что-то назревало, хотя заявление ЦК было опубликовано 14-го ли, 15-го ли июня (где-то за неделю до войны) [6], что войны не должно быть, но в то же время напряжение чувствовалось, по газетам, по радио, по сообщениям, которые помимо этого сообщения шли, чувствовалось что, что-то должно быть, рано или поздно это должно случиться. Мы поняли, что раз началась война, то нам тоже придется идти воевать, защищать Родину» [7]. А.М.Белозеров, 1924 г.р., был призван на фронт в 1942 г. семнадцатилетним юношей. Демобилизовался в ноябре 1945 г. Рассуждения о предчувствии войны присутствуют в воспоминаниях С.С. Леоновой (Белевич), которая также в 1941 г. была студенткой, она училась в Сыктывкарской фельдшерско-акушерской школе (после окончания фельдшерско-акушерской школы в годы войны работала медицинской сестрой в с. Ношуль Прилузского

района Коми АССР): «В то время уже прошла финская война. Мы знали, чувствовали, что назревала новая война. Но, все-таки, это известие было неожиданным, стало неприятно и очень страшно» [8]. Следует сказать, что подобное последнему описанию ощущение испытывали большинство респондентов. Очень емко и выразительно выразил это чувство писатель К.Симонов: «... все давно ждали войны, и все-таки в последнюю минуту она обрушилась как снег на голову; очевидно, вполне приготовить себя заранее к такому огромному несчастью вообще невозможно».

На вопрос «был ли страх в тот момент, когда Вы узнали о начале войны?» А.М.Белозеров ответил: «Ну конечно. Тем более, финская кампания прошла для нас очень неблагоприятно. Мы же чувствовали, что наша Армия не так сильна, как мы афишировали это. Это же народ понимал. Понимали, что война будет тяжелой, что месяцем-двумя тут это дело не обойдется» [9]. Л.И.Сурина так описывает свое состояние в первый день войны: «Растерянность была. Мы уже назначили маленькую свадьбу, и вдруг объявили. Конечно, настроение у всех испортилось, и личное по этому поводу еще хуже было» [10]. Муж Л.И.Суриной М.М.Макаров прошел войну до Берлина, демобилизовался в ноябре 1945 г. [11]

В опубликованных в печати воспоминаниях присутствуют сюжеты, в которых запечатлено состояние глубокого переживания человеком начала войны, и особенно в момент расставания с уходящими на фронт близкими людьми [12]. «Крик, плач, рыдания, стенания, прощальный гудок парохода, терзающий душу...» – именно так описываются проводы на фронт в воспоминаниях жителей республики. А.В.Юркин, 1926 г.р., уроженец с. Слобода Сыктывдинского района [13], во время войны вел дневник (после войны часть записей потерялась, и он восстанавливал дневник по памяти после войны), в котором записал: «Находимся в городе (в Сыктывкаре – И.М.) с младшей сестрой и слушаем по радио выступление Молотова... Народ стоит под репродуктором, изо всех сил напрягая слух, чтобы уловить каждое слово, выходящее из репродуктора, кругом слезы, крик, рев – все смешалось. Буквально на следующий день пароход за пароходом отправляют на бойню живых людей, появились и «герои» своего рода. Один хвастун, наш сосед, выхвастывал по пути, когда провожала его семья и другие родные, что мол «попадет пуля в руку – отшвырну, в ногу – пну, в голову попадет – сама отскочит», но от такого хвастуна даже родные не могли получить ни одной весточки, куда пропал – неизвестно» [14].

Анализ опубликованных воспоминаний и «устных историй», записанных автором в ходе личных бесед, показал, что человеку была присуща самая разнообразная гамма чувств: от растерянности, испуга и паники до решимости идти в бой, радостного возбуждения и волнения

от предстоящей битвы. Так, выпускник Сыктывкарского педучилища 1941 г. В.Базаров пишет о первых днях войны: «Было много добровольцев: у всех – одно-единственное желание: попасть на фронт. Нам, выпускникам педучилища, как раз исполнилось по восемнадцать лет. Мы были радостно возбуждены» [15]. В.Базарова призвали в Красную Армию в октябре 1941 г. Раненый, контуженный, он вернулся.

С первых же дней войны добровольчество – стремление поскорее встать на защиту Родины с оружием в руках – стало массовым явлением в Коми республике. Исследованию мотивационных факторов движения добровольцев на примере населения Коми АССР посвящены работы Е.Н.Боле [16]. Не оставляет сомнений то, что, как указывает Е.Н.Боле, основным мотивом добровольного участия в войне был советский патриотизм каждого добровольца в отдельности. Согласимся с Е.Н.Боле и в том, что вступление в армию зачастую использовалось как средство решения личных проблем (уход от одиночества, снятие судимости, социальная реабилитация, гарантированный паек, социальная защищенность семей) [17]. К выявленным Е.Н.Боле мотивационным факторам движения добровольцев можно добавить следующее: во время Великой Отечественной войны семнадцати-восемнадцатилетним юношам впервые в их жизни представилась возможность проявить лучшие мужские качества, доказав это личным бесстрашием, решительностью, отсутствием сомнений в сложившейся ситуации. Именно так было воспринято начало войны многими молодыми людьми.

Английский журналист А.Верт в книге «Россия в войне 1941–1945» описывает один из фрагментов беседы с молодым пилотом осенью 1941 г. под Смоленском. Автор сообщает, что на вопрос «как ему нравится эта опасная жизнь?» летчик ответил: «Возможно, она и опасная, но зато каждая минута волнует» [18]. Эти и другие воспоминания свидетельствуют, что для многих молодых людей стремление как можно быстрее попасть на фронт явилось не только нахлынувшей волной патриотизма народного, но и желанием испытать риск, адреналин для настоящего мужчины, что, безусловно, может рассматриваться как один из факторов вступления в армию молодежи на добровольных началах.

За неделю войны в военкоматы Коми АССР поступило около 2000 заявлений о добровольном вступлении в ряды защитников Родины [19]. Однако следует отметить, что отношение к добровольчеству в обществе было неоднозначным. По свидетельству Е.Холоповой, дочери известного в республике художника-графика, ее отец С.А.Холопов, участник Великой Отечественной войны [20], говорил: «За всю войну ни разу не встретил ни одного добровольца. В книгах о них читал – но в жизни не видел» [21]. Е.С.Холопова в «Записках об отце» размышляет далее:

«Возможно, думаю я, были они и на войне, но разве станешь в 1943 г. громко распространяться о своей глупости, что по собственному желанию полез в этот ужас, в мрак и боль, навстречу собственной смерти» [22]. Исходя из «устных историй» жителей Республики Коми следует, что «призыв по повесткам» вспоминается ими больше, чем добровольный уход в армию: «в основном все-таки призыв был» (из воспоминаний Л.И.Суриной) [23]. «Муж мой ждал уже повестки. Он уж долго оставался (М.М.Макаров был призван на фронт в октябре 1941 г. – И.М.). И я ждала, молодых никого не оставят», – рассказывает Л.И.Сурина [24]. Внутреннее состояние человека в момент получения повестки как нельзя лучше описывается в повести Е.И.Носова «Усвятские шлемоносцы»: «Посыльный ... протянул Касьяну его бумажку. Тот издала принял двумя пальцами, будто брал за крылья ужалистого шершня... Невелика бумажка – повестка, но, ... Касьян... все время чувствовал ее за чулком, как сосущий пластырь на нарыве» [25]. Многие семьи жили ожиданием призыва, и как следствием – предстоящей разлуки, но сам момент вручения повестки переживался ими очень эмоционально: «Верховой (здесь – человек, который разносил повестки – И.М.), подворачивая, словно факелом подпаливал подворья, и те вмиг занимались поветренным плачем и сумятицей, как бывает только в российских бесхитростных деревнях, где не прячут ни радости, ни безутешного горя... После наскока вестового, выплеснувшись первой волной за ворота, выкричавшись там самой нестерпимой болью, бабье горе отхлынуло, убралось во дворы и там теперь, забившись в избы, дострадывалось, обтерпевалось в одиночку, каждой женщиной самой по себе, кто как горазд: иная безголоса, ничком уткнувшись в подушку, иная онемев на сундуке с безвольно оброненными руками, иная ища облегчения пред восковыми и радушными ликами святых угодников. Но, выдюжив это первое сокрушение, постепенно приходя в себя и уже начиная жить и дышать этой новой бедой, как единственной данной им теперь явью, они примутся полующую двигаться по избе, искать себе дела» [26].

В процессе интервьюирования автором прослеживалась и следующая проблема: *каким образом* базовые мифы государства отразились в сознании конкретного человека [27]. Некоторые из респондентов, например Г.И.Кисляк [28] вспоминают о том, что тогда «твердо верилось в слова популярной тогда песни, что Красная Армия всех сильнее» [29]. Л.И.Сурина сообщает, что в Сыктывкаре во время отправки людей на фронт выступали агитаторы, которые пропагандировали мысль о скорой победе и быстром возвращении домой. Респондент отмечает, что в первые дни войны люди уходили в армию именно с таким чувством, чувством быстрого преодоления врага [30]. Эти и другие воспоминания

свидетельствуют, что государственное «производство» мифов как инструмента консолидации и мобилизации общества поддерживалось современниками, и сами люди интенсивно участвовали в их конструировании.

По воспоминаниям Е.П.Струковой, в годы войны сыктывкарской школьницы, перед войной и на протяжении всего времени войны в школе учениками разучивались и исполнялись патриотические песни, прославляющие непобедимость Красной Армии и советского народа («А если к нам полезет враг матерый...», «Когда суровый час войны настанет, и нас в атаку Родина по шлет...» и др.) [31]. Таким образом, обновление и поддержка мифов населением, определение врага и формирование отношения к нему становились жизненно важным в кризисные для страны периоды.

А.М.Белозеров, напротив, считает, что многие, во всяком случае, студенты, накануне войны очень сомневались в правильности знаменитой триады «разгромим врага могучим ударом, малой кровью, на его территории»: «Говорили, что война будет малой кровью, что мы сильны и т.д. – в какой-то степени мы верили. Но ведь мы учились в техникуме – народ общительный, газеты читали, понимали, что все это не так просто» [32]. На наш взгляд, обозначенная проблема влияния мифов на человека зависела от каждого конкретного индивидуума, уровня его самосознания, способности соотносить официальные мифы с происходящими событиями и критического осмысления реальной действительности.

Не менее важной является проблема интерпретации устно-исторических исследований: *что, как и под каким углом зрения* вспомнилось, *почему* именно так, а не иначе. Так, по воспоминаниям С.С. Леоновой о митинге 22 июня 1941 г., самым ярким оказалось то, что она «сломала каблук» [33].

В связи с этим интересно проанализировать: *когда, насколько быстро и отчего* зависели процессы осознания случившейся трагедии для отдельного человека и общества в целом, *как* происходил процесс рефлексии, *какие механизмы* способствовали этому.

В ходе интервьюирования респондентам было предложено ответить на вопрос: что изменилось в городе и в Вашей жизни с началом войны, это произошло сразу или позже? Л.И.Сурина вспоминает: «С первых дней войны люди в городе стали такие скучные. В магазинах сократилось количество продуктов. Возникли трудности с хлебом, мукой. Весь городской транспорт был занят на мобилизации людей» [34].

А.М.Белозеров отмечает, что 23 июня 1941 г., узнав о начале войны (до этого он и его товарищи, студенты-практиканты, находились в пути), он сообщил об этом событии работникам выправительной партии, где

они находились на практике. Реакция товарищей была сдержанной, после чего начальник выправительной партии сказал: «Ну что ж, будем работать. Дойдет очередь до нас – нас вызовут. Наша задача сейчас – заниматься своим делом». «Мы позавтракали, и началась работа» [35]. «И среди населения никакой паники не было. С первых дней войны в военкомате организованно проходил призыв по повесткам» [36], – говорит А.М.Белозеров.

На наш взгляд, осознание случившейся трагедии жителями республики произошло не сразу, причем каждым конкретным человеком индивидуально и в разное время. Следует учесть то, что Коми республика находилась в глубоком тылу и была значительно удалена от зоны боевых действий. Нельзя не принять во внимание и то, что среди населения страны, особенно в первые дни войны, распространялась намеренная дезинформация о ходе военных действий, или же какая-либо информация для населения отсутствовала вовсе. Из этого следует, что среди факторов, повлиявших на осознание человеком случившейся войны, характерных для населения тыловой Коми республики, могли быть: получение повестки, проводы родных и близких на фронт, голод, первые похоронки. Таким образом, момент осознания происходил во время непосредственного личного столкновения с суровой, не признающей никаких компромиссов действительностью. С этого момента событие стало осознаваться людьми через чувство личной сопричастности. И, несмотря на весь драматизм ситуации, в момент осознания трагедии войны человек уже четко начинал понимать, что он будет делать дальше (уйдет добровольцем в армию, будет готовиться к призыву, работать в тылу, приближая Победу своим трудом, ежедневно ожидать писем от близких с фронта, ждать возвращения родных с фронта и т.д.).

Важнейшим стимулом к осознанию ситуации войны населением республики явилась полученная программа действий, прозвучавшая в знаменитом выступлении Сталина по радио 3 июля 1941 г. О мощном воздействии речи Сталина на самосознание человека свидетельствуют заявления добровольцев на фронт, поданные жителями в военкоматы республики сразу же после выступления главы правительства. Прочитаем заявление А.Е.Тимушева, поданное 8 июля 1941 г.: «После речи нашего Великого Учителя Товарища Сталина я стал сильно возмущенным и хочу защищать нашу Великую Родину» [37]. В сознание людей проникла идея Великой Отечественной войны... Слова об «Отечественной войне», прозвучавшие в выступлении Сталина, произвели на всех такое глубокое впечатление именно потому, что они отразили мысли, которые в тех трагических обстоятельствах народным массам хотелось услышать в четкой и ясной формулировке [38].

Так или иначе, с первого своего дня или немного позднее, Великая Отечественная война коснулась лично каждого жителя Республики Коми. Начавшаяся война заставила по-новому взглянуть на свою жизнь, на родных и близких, усилила чувства. Война ускорила процессы взросления и возмужания: «Взрослели тогда рано...» [39]. Война перечеркнула многие и многие судьбы. Г.И. Кисляк вспоминает: «Тогда, в июне сорок первого, думали, что шапками фашистов закидаем. Вот и закидали. Столько друзей похоронено, могил выкопано» [40].

Анализ источников показал следующее:

- в сознании каждого человека фронтового поколения Великая Отечественная война воспринимается как четкое разграничение временного потока – «до» и «после»;
- первый день войны не всегда воспринимался человеком как временной рубеж, осознание войны происходило зачастую позднее, при личном непосредственном столкновении с трагедией войны;
- война произвела в человеке глубинные перемены, которые привели к оценке прошлой жизни, осознанию величайшей ценности реального земного бытия, ответственности за прожитое, что, в свою очередь, концентрировало сознание и придавало человеку ощущение устойчивости в дальнейшем.

Литература и источники

1. См.: Репина Л.П. Время, история, память (ключевые проблемы историографии на XIX Конгрессе МКИН) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 3. – М., 2000; Асадуллин Э.Ф., Першина О.А. Пространство и время в исторических и метаисторических концепциях // Пространство и время психологический аспект: Материалы XIV Международной научной конференции. Ч.1. – СПб.: Изд-во «Нестор», 2003. С. 30-34; Бондаренко А.И. Система восприятия пространства и времени жителями центра и провинции // Там же. – С.58-63; Бредихина Н.В. Символическая модель исторического времени. На примере стихотворения А.Блока «Скифы» // Там же. – С. 79-84.
2. О значимости сбора «устных историй» и записи «воспоминаний интервью см.: Моисеева И.Ю. Проблемы изучения, комплектования и представления в музейном пространстве темы «Человек и война» (на материалах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) // Музеи и краеведение. – Сыктывкар, 2003. – С. 78-87 (Труды Национального музея Республики Коми; Вып. 4); Она же. Антропологический аспект истории войны: проблемы и источники изучения // STUDIA JUVENALIA (SJ). Сборник работ молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2003. – С. 80-87.
3. В настоящее время в исторических исследованиях стремительно растет интерес к антропологическому аспекту истории войны. В апреле 2000 г. в Челябинском государственном университете состоялась Международная научная конференция «Человек и война (Война как явление культуры)», в ноябре

2000 г. в Институте российской истории РАН был организован постоянно действующий круглый стол по вопросам военной антропологии (руководитель – Е.С.Сенявская), в мае 2002 г. в Омске проходила Всероссийская научно-практическая конференция «Человек и война. XX век: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории». В 2002 г. в издательстве «Российская политическая энциклопедия» вышел в свет первый номер ежегодника «Военно-историческая антропология», который посвящен предмету, задачам и перспективам развития данной отрасли исторического знания.

4. Из интервью с Л.И.Суриной // Архив автора.

5. Книга Памяти Республики Коми. Т.6. – Сыктывкар, 1998. – С. 105.

6. Имеется ввиду сообщение ТАСС от 14 июня 1941 г. Английский журналист А.Верг в книге «Россия в войне 1941 – 1945» дает следующий анализ восприятия советскими людьми этого сообщения: «Советские люди к тому времени уже достаточно привыкли читать правительственные сообщения между строк, чтобы не увидеть косвенного намека в такой фразе: «переброска германских войск... связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям».

7. Из интервью с А.М. Белозеровым // Архив автора.

8. Моисеева И.Ю. Первые дни и месяцы Великой Отечественной: человек и трагедия войны (на материалах Республики Коми) // Великая Отечественная война в воспоминаниях и документах. Материалы науч.-практ. конф. 21 июня 2001 г. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2001. – С. 132.

9. Из интервью с А.М.Белозеровым // Архив автора.

10. Из интервью с Л.И.Суриной // Архив автора.

11. Книга Памяти Республики Коми. Т.6. – Сыктывкар, 1998. – С. 222.

12. Чупров В.И., Сметанин А.Ф., Попов А.А. Усть-Цильма – край Печорский. – Сыктывкар, 1991. – С. 112-113; Левич З.П. Живи и помни // Красное знамя. – 10 апреля 2001 г.; Столповский П. На войну провожали девчонок // Красное знамя. – 7 июля 1975 г. и др.

13. Книга Памяти Республики Коми. Т.6. – Сыктывкар, 1998. – С. 375.

14. «Небо одно, шинель одна, земля одна...»: воспоминания солдата Александра Юркина // Республика. – 7 мая 2002.

15. Базаров В. Не вернулись... // Красное знамя. – 22 июня 1986 г.

16. Боле Е.Н. Заявления добровольцев как проявление патриотизма населения Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях. Материалы научно-практической конференции 21 июня 2001 г. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2001. – С. 31-39. Она же. Документы военных комиссариатов о Великой Отечественной войне: специфика, информативность и целесообразность использования в исследованиях военной проблематики // Архивы в XXI веке: проблемы и перспективы. Тезисы докладов научно-практической конференции 23-24 октября 2002 г. – Сыктывкар, 2002. – С. 82-85.

17. Боле Е.Н. Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Коми АССР). Диссертация на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – Сыктывкар, 2004. – С. 141-165.

18. Верг А. Россия в войне 1941 – 1945. – Смоленск, 2003. – С. 93.

19. Александров А.Н. В боевом союзе. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. – Сыктывкар, 1985. – С. 29.
20. Книга Памяти Республики Коми. Т.6. – Сыктывкар, 1998. – С. 351.
21. Холопова Е.С. Записки об отце // Арт. – 2002. – № 1. – С. 149.
22. Там же.
23. Из интервью с Л.И.Суриной // Архив автора.
24. Там же.
25. Носов Е.И. Усвятские шлемоносцы. – Петрозаводск, 1986. – С.52-54.
26. Там же. – С.51-56.
27. Проблемам власти и памяти, памяти как категории исторического познания, реконструкции культурной памяти, групповой культуре памяти была посвящена всероссийская научная конференция «XX век и культурная память», которая состоялась в Челябинске 31 января – 1 февраля 2004 г. Сборник по материалам конференции в настоящее время находится в производстве.
28. Книга Памяти Республики Коми. Т.6. – Сыктывкар, 1998. – С. 177.
29. Из интервью с Г.И.Кисляком // Архив автора.
30. Из интервью с Л.И.Суриной // Архив автора.
31. Из интервью с Е.П.Струковой // Архив автора.
32. Из интервью с А.М.Белозеровым // Архив автора.
33. Из интервью с С.С.Леоновой // Архив автора.
34. Из интервью с Л.И.Суриной // Архив автора.
35. Из интервью с А.М.Белозеровым // Архив автора.
36. Там же.
37. НА РК. Ф. Р-508. Оп. 1. Д. 46. Л. 37.
38. См.: Верт А. Указ. соч. – С. 58.
39. Из интервью с Г.И. Кисляком // Архив автора.
40. Там же.

Е.Н.Боле
ПРОБЛЕМЫ МОБИЛИЗАЦИИ НА ФРОНТ
ЛАГКОНТИНГЕНТА СИСТЕМЫ ГУЛАГА В 1941-1945 гг.
(на примере Коми АССР)

Введенные в научный оборот во второй половине 1990-х гг. ранее засекреченные документы, дали начало исследованию проблем, которые в советские времена по известным причинам были «не замеченными» или «запретными». К таким ранее «запретным» темам следует отнести темы участия на фронтах Великой Отечественной войны заключенных ГУЛАГа НКВД СССР.

Официальное признание того, что бывшие заключенные принимали участие в войне, произошло с началом процесса реабилитации жертв сталинских репрессий. К настоящему времени по материалам Коми АССР изданы публикации Н.А.Морозова и В.Н.Копытина [1]. В них

выявлены причины призыва в действующую армию граждан из числа репрессированных, выделена нормативно-правовая основа мобилизации заключенных из ГУЛАГа, приведены примеры патриотического подъема в лагерях в годы войны.

Целью настоящей работы является исследование проблем, возникавших в системе ГУЛАГа в связи с мобилизацией заключенных с целью пополнения вооруженных сил в ходе Великой Отечественной войны.

Перед войной в подчинении ГУЛАГа НКВД СССР в 65 лагерях и стройках насчитывалось свыше 2,3 млн. заключенных. Численность контингента, прошедшего спецперепись по линии НКВД (спецпереселенцы и заключенные), в Коми АССР составляла 93,4 тыс. чел. [2]. По специальным постановлениям ГКО только в течение одного года (1942–1943 гг.) Великой Отечественной были досрочно освобождены по целевым разнарядкам с направлением в ряды Красной Армии 157 тыс. чел., что составило свыше 10% от общего числа лишенных свободы [3]. Всего же за период с 1941 по 1944 гг. в армию были призваны 975 тыс. бывших заключенных [4]. Из общего количества направленных в действующую армию заключенных более 100 тыс. чел., т.е. свыше 10% приходится на Коми АССР.

По мнению ряда исследователей, массовый призыв заключенных начался в конце 1941 г., когда мобилизационные ресурсы гражданского (вольного) населения Коми АССР были исчерпаны [5]. Вопрос привлечения лагерного контингента для участия в боевых действиях возник практически сразу после нападения Германии на СССР. Уже в середине августа 1941 г. проводилась работа по выявлению «надежных контингентов». В первую очередь к таким из среды заключенных относились бывшие военнослужащие, а также бывшие члены ВКП(б) и ВЛКСМ, исключенные из рядов данных организаций в связи с арестом. После проверки выяснилось, что в местах заключения по СССР бывших военнослужащих содержалось 16 тыс. 577 чел., в их числе «за опоздание в часть» – 9 тыс. 933, «за маловажные преступления» – 5 тыс. 822, «дезертиров» – 822 чел. В лагерях Коми АССР отбывали сроки наказания 2 тыс. 582 бывших военнослужащих [6].

Освобождение осужденных по некоторым категориям преступлений (в соответствии с Указом ПВС СССР от 24.11.1941 г.) началось в ноябре 1941 г. Согласно докладных записок Оперчекотделов лагерей, на тот момент только по Коми АССР подлежало освобождению 29 тыс. 469 заключенных мобилизационных возрастов. Из них по состоянию на 10 января 1942 г. было призвано в РККА более 30,6% [7]. В поиске дополнительных людских ресурсов для фронта было издано распоряжение ГКО от 13.12.1941 г., в соответствии с которым досрочному освобождению с

последующей мобилизацией подлежала многотысячная армия заключенных из числа осужденных за бытовые преступления. По Коми АССР из отбывавших наказание на ее территории 134 тыс. чел., более 50% было осужденных по статьям за бытовые преступления на небольшие сроки, около четверти были осуждены по политическим мотивам, остальные – за тяжкие преступления. Однако сразу механизм призыва этой категории граждан не был до конца отработан. До конца 1941 г. из мест заключения с территории Коми АССР на фронт ушло около 30 человек и то среди них были преимущественно те, у которых заканчивался срок наказания. Направлялись они в обычные линейные части [8]. В последующем, в течение 1942 г. ежемесячно в армию из лагерей призывали до 3 тыс. заключенных. В год лагеря Коми отправляли в действующую армию более 30 тыс. чел. [9].

Прием людей из числа заключенных проводили райвоенкоматы, на территории которых находились лагеря. Исследователь В.Н.Копытин отмечает, что механизм призыва заключенных был максимально упрощенным. Начальники учреждений получали разнарядки на освобождение определенного количества годных по состоянию здоровья осужденных, а военные комиссариаты одновременно получали задание на их призыв. Параллельно с освобождением, теперь уже бывшие заключенные, получали направление в военкомат, где им вручалась повестка на призыв или предписание для прибытия на отправочный пункт. Зачастую при прибытии в военкомат или на отправочный пункт эти люди не имели при себе ни паспортов, ни справок с полными демографическими данными. Списки отправляемых составлялись с их слов, порядок хранения списков долгое время не определялся руководящими документами. Отметим, что подобное происходило в то время, когда в день военкоматы формировали маршевые роты по 150-200 человек. Отправлялись команды в Архангельск или Вологду, а оттуда – на фронт [10]. Не удивительно, что цифра людей, призванных военкоматами Коми АССР, чья фронтовая судьба не установлена, остается достаточно высокой. Из 179 тыс. 929 имен, занесенных в десять томов «Книги памяти Республики Коми», о том, куда были направлены, где служили, погибли или остались в живых 75 тыс. 758 чел. не известно.

Мобилизация из лагерей осуществлялась при полном согласовании действий с руководством ГУЛАГа НКВД СССР и при его непосредственном контроле. При проведении мобилизационных мероприятий возникали проблемы в связи с несогласованностью действий между местными органами военного управления и администрациями лагерей. В январе 1942 г. Управление Севжелдорлага направило в высшие республиканские инстанции партийного, советского и военного управления, а

также в Архангельский военный округ письмо об имевших место явлениях, когда из-за недостаточно интенсивной работы военкоматов и отсутствия нарядов на отправку людей в части, в лагере было задержано большое количество призванных, но не отправленных в воинские части. Все это вызвало как недовольство людей, так и вынуждало лагерь затрачивать продовольствие на их содержание в течение продолжительного времени и нарушило работу лагеря по выполнению продовольственного плана.

По установленному порядку все заключенные, освобождаемые из лагерей и колоний за отбытием сроков наказания, годные к строевой службе, передавались в армию [11]. Однако следует отметить, что система учета военнообязанных, работавших в лагерях НКВД СССР на территории Коми АССР, не соответствовала требованиям «Руководства по учету военнообязанных рядового и младшего комначсостава». Осенью 1941 г. Усть-Цилемский, Ухтинский и Усть-Усинский райвоенкомы зафиксировали факты грубых нарушений правил учета военнообязанных администрациями лагерей. В результате райвоенкоматы взамен одних военно-учетных специальностей часто вынуждены были призывать военнообязанных других военно-учетных специальностей, как писалось в документах «в ущерб боевой мощи Красной Армии» [12]. Вышеперечисленные военкоматы провели разовые проверки по воинскому учету и констатировали, что «отделы кадров лагерей и начальники отделений не интересуются в достаточной степени, кто у них работает и состоят ли они на воинском учете, есть ли отметка в военном билете о принятии на воинский учет» [13]. Проведенные проверки показали, в частности, по Ухтинскому району, что 33 человека вовсе не состояли на воинском учете. Кроме того, выяснилось, что военнообязанные из числа работников Ухтижемлага, Севжелдорлага, Воркутлага и других лагерей часто переводились с одного места работы на другое и не только единицами, но и целыми отделениями и предприятиями. При этом, как правило, военнообязанные с воинского учета по месту состояния на учете не снимались. Преднамеренное введение в заблуждение осуществлялось и в вопросах бронирования. Администрации лагерей, при переводах военнообязанных, состоявших на спецучете в пределы других райвоенкоматов, удостоверения о предоставлении отсрочек на время войны не изымали. Подобное происходило даже в тех случаях, когда военнообязанные переводились на должности, не дававшие им права на отсрочки: удостоверения, как правило, оставались на руках у военнообязанного [14].

Основной задачей ГУЛАГа НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны являлось укомплектование ИТЛ и ИТК заключенными,

занятыми на строительстве важнейших предприятий оборонного значения, сохранение заключенных в качестве рабочей силы. К 1944 г. заключенные работали на 650 предприятиях страны и принимали непосредственное участие в выпуске танков, самолетов, пушек, боеприпасов и другой военной продукции [15]. Лагерь Коми АССР играли решающую роль в создании и развитии горнодобывающего комплекса и железнодорожного строительства, значительную – в развитии лесозаготовительной отрасли. Мобилизация людских ресурсов явилась одной из причин острого недостатка рабочей силы на предприятиях ГУЛАГа. О ситуации, сложившейся в Коми республике было доложено наркомом внутренних дел СССР Л.П.Берия. В частности, в докладной записке указывалось на тот факт, что после освобождения заключенных по бытовым статьям согласно Указа ПВС СССР от 24.11.1941 г. основные стройки (лагеря) системы НКВД, (а их в республике насчитывалось семь – прим. авт.), имели недостаток в рабочей силе. Севжелдорстрой для выполнения программы 1942 г. по плану должен был иметь среднегодовой списочный состав 58 тыс. чел., на февраль месяц имелось 46 тыс. чел. Производя скоростное строительство Северо-Двинского и Печорского железнодорожных мостов, потребность рабочей силы для их окончания до начала ледохода составляла 22 тыс. 250 чел., однако фактически работали только 5,8 тыс. чел. (26,1%). Дефицит рабочей силы по Севжелдорстрою составлял 12 тыс. чел. среднегодового списочного состава. По Верхне-Ижемскому строительству (Крутая) плановая потребность в 1942 г. составляла 12,7 тыс. чел., имелось 4,7 тыс. чел. (37%) и т.д. В целом, по всем строительным организациям системы НКВД на территории Коми АССР недостаток в рабочих кадрах в 1942 г. составлял 37,5 тыс. чел. [16].

Потери трудовых ресурсов частично компенсировались за счет направления в лагерь более 15 тыс. немцев-трудармейцев (призыв в трудармию начался в начале 1942 г.), освобожденных и прикрепленных к лагерям до конца войны, а также за счет привлечения рабочих и специалистов из других регионов страны (в том числе эвакуированных) [17]. Кроме того, по освобождении заключенных, отбывших наказание за особо опасные преступления, до конца войны практиковалось закрепление их за лагерями для работы по вольному найму, без права выезда с территории лагеря [18]. Так, в качестве вольнонаемных рабочих и служащих в лагерях работали около 50 тыс. бывших заключенных. Все освобожденные были оставлены для работы в лагерях на «положении вольнонаемных без права выезда и с прикреплением до конца войны к району работ лагеря-стройки». К ним относились категории заключенных, которых в связи с особенностями военной ситуации директивами НКВД и

Прокуратуры СССР от 29.04.1942 г. запрещалось призывать в армию (рецидивистов и осужденных по всем пунктам статьи 58-й УК РСФСР (1926 г.)). Таким образом в годы войны было приостановлено освобождение заключенных, осужденных за измену Родине, шпионаж, террор, диверсию, троцкистов, правых и за бандитизм. Даже если срок наказания истекал во второй половине 1941 г. и далее, их оставляли в лагерях до окончания войны [19]. Впоследствии эта директива была дополнена. Согласно указанию НКВД и Прокуратуры СССР от 7 мая 1942 г., не подлежали освобождению осужденные за антисоветскую деятельность «члены антисоветских партий», а также немцы, итальянцы, финны, румыны, болгары, венгры, латыши, литовцы, эстонцы и выходцы из Бессарабии. Эти директивы были отменены только в июне 1946 г. [20]. Всего заключенных, отбывших сроки наказания и подпадающих под действие указанных директив, в лагерях и колониях СССР до конца войны было задержано 17 тыс. чел. [21].

Обеспечение производственных предприятий истроек лагерей рабочей силой и квалифицированными кадрами осуществлялось также и за счет бронирования. Вопросы бронирования рабочей силы решались в нескольких инстанциях. Как правило, руководители предприятий направляли списки в вышестоящие организации о бронировании специалистов с тем, чтобы они ходатайствовали перед местными органами военного управления. Однако военные комиссариаты, выполняя возложенные на них мобилизационные задачи, тщательно перепроверяли правильность предоставления отсрочек. Разбронирование явилось практически единственным средством при изыскании необходимых людских ресурсов для покрытия задаваемых военкоматам нарядов по поставке людских ресурсов на фронт. Процесс разбронирования шел трудно. Как отмечал А.Н.Чулков, в частности по Печлагу в феврале 1943 г. разбронирование затянулось. Попытки включить в состав мобилизованных команд лиц, осужденных даже по ст.58 п.10 не достигли ожидаемых результатов. Среди данной категории оказалось много людей ограниченно годных к строевой службе и в возрасте старше 40 лет, что приводило к большому отсеvu и неоднократным заменам, следовательно, задержкам сроков формирования команд [22]. Как бы то ни было Кожвинскому РВК за период с 1 февраля по 28 февраля 1943 г. удалось отправить 2625 чел., с 1 по 20 марта 1943 – 1095 чел. По договоренности с военным комендантом с.Кожвы команды отправлялись с каждым пассажирским поездом или со специальными воинскими эшелонами за номерами 80079, 80075, 80077 до городов Щадринск и Бронницы, а также в Оборонстрой и на предприятия танковой промышленности. Мобилизованные граждане определялись в 29 запасную бригаду, 34 запасной полк [23].

Проблемы с бронированием существовали на протяжении всего периода войны. Так, по Железнодорожному РВК в марте 1944 г. наряд на пополнение рядов Красной Армии военкоматом Коми АССР был дан на 100 человек. Призваны же и отправлены были только 49 человек. Военкоматы, на подотчетных территориях которых находились лагеря, обратились к их руководителям с просьбой о замене некоторых людей, годных к несению строевой службы на негодных (нестроевыми), чтобы годных призвать в Красную Армию. Однако без санкции НКВД СССР им категорически было в этом отказано, так как НКВД СССР производить подобную замену запретил. В связи с постановлением ГКО № 4556 от 13.11. 1943 г., в частности, Устьвымлаг НКВД стал поголовно каждого освобождающегося, годного к службе в Красной Армии, бронировать и брать на спецучет [24].

Самым критическим периодом для лагерей был 1943 год. С 1944 г. численность лагерного контингента быстро возросла, так как с этого года сократился призыв в армию, понизилась смертность, начали поступать новые большие этапы заключенных (в том числе каторжан), военнопленных, направленных на «фильтрацию» в спецлагеря. На начало 1945 г. численность заключенных в лагерях Коми АССР составляла 123,2 (против 99,5 тыс. чел. на начало 1944 г.), в 1946 г. – 138,8 тыс. чел. Особенно значительно она возросла в Воркутинском ИТЛ, ставшим самым большим в Коми АССР – с 39,7 до 52,1 тыс. чел. [25].

В итоге исследования отметим, что порядок мобилизации людских ресурсов из системы ГУЛАГа НКВД СССР был строго регламентирован. В основном досрочному освобождению с последующей мобилизацией на фронт подлежали бывшие военнослужащие, бывшие члены ВКП(б) и ВЛКСМ, а также граждане, осужденные за бытовые преступления. Следует отметить противоречивый и непоследовательный характер мобилизации заключенных на фронт. В ходе реализации мобилизационных мероприятий превалирующей проблемой явилось столкновение интересов различных ведомств, которое выразилось в том, что в военное время, вопреки логике и здравому смыслу наркомат внутренних дел обладал более широким кругом полномочий, нежели наркомат обороны. Мобилизация на фронт лагерного контингента, особенно к 1943 г., явилась одной из причин сокращения численности заключенных ГУЛАГа. Это в свою очередь породило проблему обеспечения важнейших оборонных объектов наемной рабочей силой, обслуживающим персоналом. Одним из источников пополнения кадрового дефицита явились запрещение выезда и закрепление за стройками людей, отбывших сроки наказания за особо опасные преступления. Особенности мобилизационной политики государства выразились, с одной стороны, в «автоматическом»

продлении сроков нахождения тысяч людей в неволе, с другой стороны, посредством призыва на фронт дали возможность многим бывшим заключенным досрочно обрести личную свободу.

Литература и источники

1. Морозов Н.А. Призыв контингента «архипелага» ГУЛАГа в действующую армию (1941 – 1945 гг.) // Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях. Материалы науч-практ. конф. 21 июня 2001 г. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2001. – С. 147-154; Он же. И они защищали Родину. О призыве заключенных ГУЛАГа в действующую армию из Коми АССР (1941-1945 гг.) // Книга памяти Республики Коми. Т.9. – Сыктывкар, 2002. – С. 827-832; Копытин В.Н. Призыв на воинскую службу в системе ГУЛАГа в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Политические репрессии в России. XX век. Материалы региональной научной конференции 7-8 декабря 2000 г. – Сыктывкар, 2001. – С. 112-115.
2. Республика Коми к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Статистический сборник. – Сыктывкар, 1995. – С. 3, 4, 57.
3. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. – М., 1996. – С. 368.
4. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 68. Л. 9-11; То же: ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1918-1960. Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: Изд-во «Материк». – С. 275; То же: Рогачев М.Б. Лагеря Коми АССР в годы войны // Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях. Материалы научно-практической конференции 21 июня 2001 г. – Сыктывкар: КРАГСиУ. – С. 170.
5. Морозов Н.А. Указ. соч. – С. 827; Копытин В.Н. Указ. соч. – С. 113.
6. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1167. Л. 3-5.
7. НА РК. Ф. 605. Оп. 4. Д. 113. Л. 7.
8. Копытин В.Н. Призыв на воинскую службу в системе ГУЛАГ в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Политические репрессии в России. XX век. Материалы региональной научной конференции. – Сыктывкар, 2000. – С. 113.
9. Морозов Н.А. Указ. соч. – С. 828.
10. Копытин В.Н. Указ. соч. – С. 114, 115.
11. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 68. Л. 9.
12. КРГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 822. Л. 90.
13. Там же.
14. Там же.
15. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. – М., 1996. – С. 371.
16. КРГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 880. Л. 21, 22.
17. Рогачев М.Б. Указ. соч. – С. 171.
18. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. – М., 1996. – С. 370.
19. Морозов Н.А. Указ. соч. – С. 827.
20. Рогачев М.Б. Указ. соч. – С. 167.

21. ГА РФ. Ф. 9414 сч. Оп. 1. Д. 68. Л. 43.
22. КРГА ОПДФ. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 11. Л. 126.
23. Там же. – С. 113, 126.
24. Там же. Д. 16. Л. 169.
25. Рогачев М.Б. Указ. соч. – С. 167.

А.А.Башлыков
КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ
ДРЕВНЕРУССКОГО ВОИНА IX–XV вв.

Наука о древнем русском вооружении имеет давнюю традицию: она зародилась с момента находки в 1808 году на месте знаменитой Липецкой битвы (1213) шлема и кольчуги, возможно, принадлежавших князю Ярославу Всеволодовичу. Историки и специалисты по изучению древнего оружия прошлого столетия А.В.Висковатов, Э.Э.Ленц, П.И.Савваитов, Н.Е.Бранденбург [1] придавали немалое значение сбору и классификации предметов воинского снаряжения. Они же начали расшифровку терминологии, включавшей слова как европейского, так и азиатского происхождения. В наше время традицию изучения военного дела и оружия Руси (IX–XVII вв.) успешно продолжили и глубоко основали советские исследователи А.В.Арциховский, Б.А.Рыбаков, Б.А.Колчин, А.Ф.Медведев, М.Г.Рабинович, М.М.Денисова, Н.В.Гордеев, А.Н.Кирпичников и другие. Они посвятили свои труды изучению средств защиты и нападения, их изготовлению и распространению, обратив внимание на способы ведения боя древнерусскими ратниками. Эволюцию оружия они справедливо рассматривали как явление, тесно связанное с экономической базой общества. Оружейное дело сосредоточило в себе лучшие достижения, производства и творческие усилия многих поколений русских ремесленников. По количеству найденного и сохранившегося в музейных собраниях вооружения находки средневековой России имеют международное научное значение [2].

С момента образования древнерусского государства его войско было разнородным по составу, что, несомненно, отразилось на развитии боевой техники. Поэтому на огромной территории древнерусского государства в X в. сформировались и существовали более или менее единообразные формы оружия, что не исключало его некоторых зональных особенностей. Археологические данные, имеющиеся в распоряжении исследователей, позволяют изучить не только боевые средства русской рати в целом, но и вооружение иноплеменных частей русского войска (например, кочевников на Юге Киевщины). Особенно большое значение в военной жизни древнерусского общества на период IX–XV вв. имеет

холодное оружие: колюще-рубящее, ударно-дробящее, ручное метательное и доспех. Это оружие влияло на результат сражения и во многом определяло уровень тогдашней техники [3].

Вооружение, тактика боя, весь строй военного дела с IX по XV век прошли ряд этапов своего развития:

1. В IX–X вв. сложился, по существу, новый комплекс боевых средств, который в течение последующих веков претерпел постепенные изменения. Молодое государство выдвинуло многочисленную и в значительной степени тяжеловооруженную армию, оснащенную всеми видами тогдашних наступательных и защитных средств. На полях сражений появились отряды-полки, сражавшиеся в организованном боевом порядке, по определенным тактическим правилам.

В начальный период существования Киевской державы военные действия вела в основном пехота. Все более значительное давление южных соседей Руси – кочевников – и оформление феодальной организации общества приводят в середине и во второй половине X в. к выдвиганию на первый план конницы, в дальнейшем подразделявшейся на легкую (лучники) и тяжеловооруженную (копейщики). Главнейшее оружие всадника – копье, лук и стрелы, меч и сабля.

Растущее преобладание кавалерии не означало, однако, что пехота вовсе исчезла. В оснащении пехотинцев, также часто подразделявшихся на лучников и копейщиков, особенно популярным был топор.

2. В XII – первой половине XIII в. убыстряется темп развития боевой техники. С XII в. начинается постепенное утяжеление вооружения, как всадника, так и пехотинца. Появляется шлем с полумаской и круговой бармицей, полностью закрывавшими лицо, массивная длинная сабля (длиной до 120 см и весом достигающая 1200 г), тяжелый меч с длинным перекрестием и иногда полуторной рукоятью.

Об усилении защитной одежды свидетельствует распространившийся в XII в. прием таранного удара копьем. Утяжеление снаряжения не было таким значительным, как в Западной Европе, ибо сделало бы русского ратника неповоротливым и превратило бы его в верную мишень для степного кочевника.

В 1237–1241 гг. на Русь обрушились полчища хана Батыя. Завоевание затормозило развитие страны, но не подавило самостоятельности русского военного дела и, более того, способствовало его ускоренному прогрессу. Военные перемены того времени характеризуются усилением значения пехоты, растущим применением средств дальнего боя, ускоренным преобразованием кольчатой защитной одежды в пластинчатую.

3. Во второй половине XIII–XIV вв. сохраняется, во многом восходящая от до монгольского периода, общеевропейская линия развития

русского вооружения. Появились колющий меч, более изогнутая, чем веком раньше, сабля, создается законченная система наборного доспеха, распространяются треугольный щит, топоры-булавы, шестоперы, само-стрелы [4].

Около 1380 г. на Руси появилось огнестрельное оружие. Однако традиционное холодное оружие ближнего и дальнего боя и защитное снаряжение сохранили свое значение. Пики, рогатины, шлемы, панцири, круглые щиты, булавы, кистени, шестоперы и в период употребления огнестрельного оружия, в течение двухсот лет, практически без существенных изменений сохраняются на вооружении [5].

Шесть столетий (с IX по XV век) над созданием и усовершенствованием защитного и наступательного вооружения трудились мастера-оружейники русских городов. Разнообразное и совершенное вооружение немало способствовало ратным подвигам и боевой славе русских воинов течение веков отстаивавших свободу и независимость своей Родины.

Литература и источники

1. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие IX – XIII вв. // Вопросы истории. – 1970. – № 1. – С. 41.
2. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси XIII – XV вв. – М., 1969. – С. 5.
3. Колчин Б.А. Оружейное дело древней Руси (техника производства) // Проблемы советской археологии. – М., 1987. – С. 57.
4. Разин Е.А. История военного искусства. Т. 2. – СПб., 1994. – С. 138.
5. Кирпичников А.Н. Куликовская битва. – М., 1990. – С. 89.

Н.И.Сурков ЗАЩИТНИК СЕВАСТОПОЛЯ

Семен Ефимович Попов родился в 1827 г. в с.Шошка Усть-Сысольского уезда, происходил из государственных крестьян. В январе 1847 г. его призвали рекрутом в 16 стрелковый батальон, а в декабре того же года зачислили стрелком [1]. Более тринадцати лет прослужил он в одном и том же батальоне, который стал ему родным. Только 10 августа 1860 г. Семена Попова уволили во временный отпуск, и он был причислен на казенное содержание при Усть-Сысольской команде. На основании приказа Военного Министерства с 1 января 1868 г. «передан Гражданскому начальству».

Относительно походов и сражений Семена Ефимовича Попова в документе записано: «В походах и сражениях в войну с англо-французскими и турецкими воинами в 1854, 1855 и 1856 годах» [2]. С 15 февраля 1854 г. походным порядком следовал из Москвы в Крым. При транс-

портной системе того времени от Усть-Сысольска до Вологды по установленному маршруту в пределах 880 верст новобранцы шли 54 дня. Из Москвы до Крыма поход, можно предположить, длился не менее пяти месяцев. Через 20-25 верст останавливались на станциях на ночлег, через две станции полагался суточный отдых. Солдаты приводили себя в порядок, ремонтировали одежду, обувь, кому-то могла потребоваться медицинская помощь.

Семен Попов находился в сражениях до 20 марта 1856 г. Как видно из документов, он принимал участие практически во всех сражениях Крымской войны. Первое боевое крещение он получил 8 сентября 1854 г. в сражении при р.Альма. За несколько дней до этого англо-франко-турецкая армия в количестве 62 тыс. чел. и 134 орудий высадилась в Евпатории. Русские войска в Крыму насчитывали 33 тыс. чел. и 96 орудий [3].

Семен Попов, как мы уже отмечали, являлся стрелком. Это дает право утверждать, что он был промысловым охотником, отличался меткой стрельбой. Но стрелять русским солдатам тогда приходилось из гладкоствольного ружья, пуля которого не всегда достигала противника. А войска союзников имели на вооружении дальнобойные ружья – штуцеры. Тогда как во всей русской армии их было всего 1600 штук [4], то есть один штуцер приходился на 23 солдата [5]. Это явилось одной из причин поражения русских войск при р.Альма, а другой важной причиной была бездарность русского командующего, любимца императора Николая I, А.С.Меншикова.

Хотя союзники победили, но они испытали на себе необыкновенную стойкость русской пехоты. Семену Попову вместе с другими солдатами до смертельной усталости пришлось поработать штыком, отбрасывая интервентов во время контратак. Противник понес значительные потери, что дало повод одному британскому военачальнику заявить, что если еще одна победа достанется англичанам так дорого, то они останутся с двумя победами, но потеряют все войско [6].

13 октября 1854 года Семен Ефимович участвовал в сражении под Балаклавой. Русские солдаты отбили атаку английской кавалерийской бригады под командованием лорда Кардигана, а уланы почти полностью ее уничтожили. Но успех не был развит. Очередной раз русские солдаты столкнулись с англичанами в сражении при Инкерманских высотах, С.Попов тоже в нем участвовал. Дивизия генерала Каткарта попыталась обойти два русских полка, захвативших вражеский редут, но на выручку русским подошел третий полк, окруживший англичан. И они были разгромлены, а генерал Каткарт погиб. Подоспевшим французам русские солдаты оказали стойкое сопротивление, но поступил приказ отступить. Победа снова досталась противнику.

Закаленному солдату Семену Попову довелось участвовать и в непосредственной обороне Севастополя, что документально зафиксировано. В частности, указано, что он в период с 21 по 25 октября 1854 г. был в составе Севастопольского гарнизона. За эти четыре дня обороны Севастополя ему прибавлено один месяц и четырнадцать дней к общей службе [7].

4 августа 1855 г. Семен Попов снова в сражениях – при р.Черной и на Федюхинских горах (Федюхины высоты) [8]. «В середине августа (новый стиль) русские войска, перейдя речку Черную, впадавшую в Большую бухту, атаковали занятые врагом Федюхины высоты» [9]. Но силы были распылены, отряды действовали не согласовано, не включили резервы. В итоге русские снова понесли потери и отошли назад. Стойкий, мужественный и умелый солдат Семен Ефимович Попов с горечью воспринимал поражения России, героическую гибель руководителей обороны Севастополя – В.А.Корнилова, П.С.Нахимова, своих товарищей-однополчан. Без сомнения, он слышал об искусном докторе Н.И.Пирогове, мог встретиться с молодым офицером Л.Толстым и многими другими.

С.Е.Попову посчастливилось остаться живым, вернуться на родину. Война помнилась ему до конца жизни. О ней напоминали также награды, полученные солдатом за свой ратный труд. Он получил серебряную медаль за оборону Севастополя, в память войны 1853–1856 гг. удостоен светло-бронзовой медали на Андреевской ленте, имел одну Высочайше установленную нашивку из желтой тесьмы на левом рукаве полукафтана за 10-летнюю беспорочную службу.

В возрасте 40 лет, когда он уходил в отставку, зафиксировали его приметы: рост 2 аршина 5 вершков (164 см), лицо чистое, глаза и нос обыкновенные, волосы на голове и бровях русые [10]. «У него Попова жена Устинья Егорова и сын Николай, родившийся при жительстве его, Попова, на родине в селении Шошкинском 1 марта 1863 г., о чем по просьбе его того селения приходской Шошкинской Михаило-Архангельской церкви священнослужители с приложением церковной печати и свидетельствуем. Февраля 6 дня 1874 г. Священник Николай Петров Касаткин, пономарь Андрей Иванов Попов» [11].

Перенесенные в период войны лишения пагубно сказались на здоровье солдата. К 60-летнему возрасту значительно ухудшилось зрение (по заключению врачей до 60%), он нуждался в казенном пособии. Умер старый солдат 23 ноября 1897 г. Причтом Усть-Сысольского Троицкого собора 25 ноября погребен на городском кладбище при Градской кладбищенской Вознесенской церкви. Обряд погребения выполнили протоиерей Андрей Попов и псаломщик Сергей Попов [12]. Устинья Его-

ровна Попова пережила мужа на пять лет, она умерла 24 декабря 1902 г. [13].

В заключение хотелось бы высказать следующее. Целесообразно было бы на месте старинного кладбища при восстановленной Вознесенской церкви г.Сыктывкара установить мраморные плиты, на которых указать имена покоящихся там славных людей. В их числе должна быть и фамилия мужественного воина Семена Ефимовича Попова.

Литература и источники

1. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 329. Л. 68.
2. Там же.
3. Советская историческая энциклопедия. Т.8. – М., 1965. – С. 200.
4. История СССР. Т. IV. – М., 1967. – С. 540.
5. История России. 1682-1861 / Под общей редакцией В.Шелохаева. – М., 1996. – С. 443.
6. История СССР. Т. IV. – С. 540.
7. НАРК. Ф.36. Оп. 1. Д. 329. Л. 68 об.
8. Там же.
9. История СССР. Т. IV. – С. 553.
10. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 329. Л. 68.
11. Там же. Л. 68 об.
12. Там же. Л. 70.
13. Там же. Л. 67.

Н.С.Калинин

ПЕРВЫЙ ПОБЕГ НА НЕМЕЦКОМ САМОЛЕТЕ

За годы Великой Отечественной войны более 5 миллионов советских солдат и офицеров попали в плен. Сталин всех объявил изменниками Родины. В случае побега из плена каждый из них рисковал жизнью как на немецкой, так и на советской стороне. И все-таки люди бежали из плена. Николай Кузьмич Лошаков первый среди советских летчиков совершил побег на самолете противника.

Н.К.Лошаков родился 17 декабря 1923 г. в дер. Малиновка Краснодарского края. Учился в школе. С 10-го класса начал заниматься на курсах пилотов Осоавиакима. 30 мая 1942 г. закончил военно-авиационную школу пилотов в звании сержанта, стал летчиком-истребителем. Приняли его кандидатом в партию. Затем продолжил летную учебу в Вологодской области. 18 ноября 1942 г. 18-летний юноша начал военную службу в звании младшего лейтенанта в 14-м гвардейском Краснознаменном истребительном авиаполку 13-й армии, обороняющей

Ленинград. В более ста воздушных боях он сбил немало вражеских самолетов.

27 мая 1943 г. состоялся 121-й боевой вылет молодого пилота, и он оказался для него роковым. В паре с другим летчиком ему предстояло ликвидировать два «Мессершмидта», корректировавших огонь немецкой артиллерии по Ленинграду. В пылу яростного боя самолет Николая зашел вглубь вражеской территории, и там на него напали два «Фокке-Вульфы» – сбили колпак кабины, повредили приборную доску, пробили мотор самолета. Раненый в руку и ногу летчик еле дотянул горящую машину до линии фронта, выбросился на парашюте и ... потерял сознание. Встречный ветер отнес парашют к немецким окопам. В полку посчитали Лошакова погибшим. Родным отправили похоронку: «Ваш сын 27 мая 1943 г. погиб в воздушном бою под Ленинградом».

Придя в сознание, Лошаков увидел людей в белых халатах. Это были русские пленные врачи, они делали Николаю операцию на раненой ноге. После операции Лошаковым занялись гестаповцы. Пошли допросы, пытки, били его мастера этого дела. Немцы пытались выведать у него сведения о нашей авиации на Ленинградском фронте. Чтобы не отвечать, Николай притворился, будто снова впал в беспамятство. Придя в себя, он стал прощупывать свое тело и в заднем кармане прощупал уголки партийного документа и воинского билета. Ночью он перепрятал их в перевязочных бинтах, а позже хранил под стелькой немецкой обуви.

В немецком плену Лошаков пробыл 2,5 месяца. Сначала держали в пересыльном пункте военнопленных около станции Сиверская. Здесь Лошаков вместе с двоими пленными летчиками – Михаилом Казновым и Геннадием Кузнецовым – предпринял первую попытку побега. Но едва троица начала собирать нужные сведения, кто-то их выдал. Летчиков перевели в «партизанский домик» – пыточную избушку, кишевшую клопами. Через 13 дней М.Казнову ампутировали ногу и оставили на съедение клопам, Г.Кузнецова отослали в Псков, а Лошакова – в г.Остров. Здесь для Лошакова начались допросы уже с «музыкой». Били так, что вместе с кровью пленный сплевывал зубы, требовали называть цифры, фамилии, координаты аэродрома. Лошаков отвечал, что летать ему почти не пришлось, сбили его в первом бою после прибытия на фронт, и о фронтовой авиации ничего не знает. Ему верили и не верили. На всякий случай свозили к «специалистам» в Ригу. Там за него взялись серьезные дяди, знавшие толк в «особом обращении». Тщетно. Подследственный держался своей версии даже во время «усиленных допросов». Заключение № 3264 отвезли обратно в Остров и поместили в лагерь военнопленных. Там пленных гоняли на строительство дороги, ведущей к аэродрому.

На строительстве дороги Лошаков познакомился с пленным сержантом бронетанковых войск Иваном Денисюком, будущим напарником по побегу. Немцы доверяли Денисюку подвозить бензин для заправки самолетов. После нескольких встреч и осторожных разговоров летчик и солдат удостоверились, что думают об одном и том же. Однажды Иван упомянул, что у коменданта аэродрома есть небольшой хороший самолет. На нем и решили бежать. Готовились тщательно. Иван по заданию Николая запомнил и рисовал ему схему расположения приборов управления самолетом, стащил из бани немецкую форму-куртку и пилотку – и спрятал ее в придорожных кустах.

Первая попытка, намеченная на 10 августа, в обеденный перерыв, не удалась – помешал охранник, обходивший территорию аэродрома с собакой. На следующий день условились повторить попытку вечером, на закате. В условленное время Лошаков спрятался в придорожных кустах, надел куртку и пилотку немецкого летчика. В этот момент к заправочной как раз подрулил только что приземлившийся комендантский самолет, за ним – второй. Летчики подозвали Денисюка для заправки, а сами двинулись в столовую ужинать. Этим воспользовались наши ребята. Денисюк на совесть заправил комендантский «Шторх-1» и дал сигнал лежавшему в кустах Лошакову. Тот, отбросив палку, и стараясь не хромать, решительно направился к самолету. В кабине впился в приборную доску. Денисюк, выбив колодки из-под шасси, запрыгнул в кабину сзади пилота. Еще теплый после недавнего полета, двигатель завелся сразу.

В первый момент никто на аэродроме не обратил внимание на взлетающий самолет. Очухавшись, немцы открыли шквальный огонь по улетающей машине, но время было упущено. А до линии фронта 300 км. Все время, пока беглецы находились в воздухе, их самолет находился под прицельным огнем сначала немецких зениток, затем – советских. За три часа полета машину пробило в девяти местах, повредило двигатель... Лошаков вновь был ранен, но сумел посадить самолет уже в потемках, на колхозном поле. Это случилось в районе д.Бритвино Мало-Вишерского района Новгородской области. Первыми их заметили мальчишки, пасшие лошадей. Они сообщили председателю колхоза о немецком самолете и летчиках в немецкой форме, говоривших по-русски. Председатель немедленно сообщил в штаб ближайшей войсковой части. Там удивились тому, что летчик Николай Лошаков предъявил партийный билет. Так в ночь на 12 августа 1943 г. был совершен первый в истории Великой Отечественной войны побег из фашистского плена на вражеском самолете.

Но беглецам недолго удалось дышать воздухом свободы. 12 августа Лошакова и Денисюка арестовали работники НКВД. Начались допросы,

которые оказались похлеще немецких допросов. Денисюка довольно быстро обработали, он подписал все документы на себя: изменил Родине, добровольно перешел на сторону врага и т.д. Особая «тройка» его приговорила к 20 годам каторжных работ. Лошаков оказался крепким орешком, он не подписал ни один поклев на себя. К тому же предъявил следователю сохранившиеся документы – кандидатскую книжку и воинский билет. Это ему помогло. Суд приговорил Лошакова к трем годам лагеря, отправили его в Воркуту, но и там этот срок ему скостили за недоказанностью вины. В 1945 г. Лошакова освободили из-под стражи. Однако полная реабилитация и восстановление в партии произошло лишь в 1959 г. – 14 лет спустя.

Лошаков около 40 лет работал в Коми АССР. Он мечтал вернуться в авиацию, но из-за раненой руки путь в небо был закрыт. Правда, два года служил начальником аэродрома авиаотряда МВД и в этой должности принял участие в спасении людей со льдины после аварии транспортного самолета в Байдарацкой губе Карского моря в январе 1957 г. Затем перешел работать на шахту, окончил курсы при учкомбинате, вечернее отделение Воркутинского горного техникума. Работал начальником очистного участка на шахте № 40, был профсоюзным лидером, 13 лет (1970–1983 гг.) возглавлял Воркутинский территориальный совет ВОИР.

Многие годы никто в Воркуте, кроме начальника шахты № 40 (ныне «Воркутинская»), не знал о побеге Лошакова из немецкого плена. И только в 1959 г. начальник шахты Е.Г.Разварин рассказал воркутинским журналистам о героическом поступке Лошакова. Затем состоялась встреча журналистов с Николаем Кузьмичем в домашней обстановке. Зав. корпунктом республиканской газеты «Красное знамя» М.Рошал опубликовал в газете «Известия» блестящий очерк о нем. Когда очерк этот попал на глаза кинодокументалиста Соломина, он приехал в Воркуту, познакомился с Лошаковым и в 1960 г. снял фильм о нем. В 1961 г. на экраны кинотеатров Советского Союза вышла картина Георгия Чухрая под названием «Чистое небо». Главного героя фильма – летчика Астахова (прототипа Лошакова) – сыграл Евгений Урбанский, детство и школьные годы которого прошли в Коми АССР – г.Инте.

Так люди впервые узнали о подвиге Н.К.Лошакова – в печати и на экране. Казалось бы, справедливость должна восторжествовать, подвиг должен быть оценен по достоинству. Но этого не случилось. Правда, в марте 1961 г. главнокомандующий военно-воздушными силами СССР, главный маршал авиации К.Вершинин пригласил Лошакова в Москву и подарил ему ... охотничье ружье.

А вот по-настоящему высоко оценили мужество Лошакова немцы, против которых он воевал. Как это случилось? В 1969 г. живую легенду

пригласили в Германию – ГДР. Здесь гостя ждал сюрприз. После одной из встреч к Николаю Кузьмичу подошли двое: немецкий летчик Густав Хойлер и охранник Отто Блатт – свидетели его побега в 1943 г. Хойлер оказался вторым пилотом комендантского самолета. Он сказал, что после угона этого самолета комендант застрелился, а сам он в 1945 г. перелетел на советскую сторону. Охранника аэродрома Отто Блатта по законам военного времени ждал расстрел, но он прикинулся глухонемым и таким образом избежал наказания.

Конечно, Лошаков тяжело переживал несправедливость, совершенную в отношении его. Он знал, что летчик М.Девятаев, седьмым из десяти совершивший побег из немецкого плена, в 1957 г. был удостоен звания Героя Советского Союза. В 1999 г. Татарстан отметил 80-летие своего национального героя, устроив в его честь грандиозный воздушный парад в Казани.

О Лошакове до сих пор молчат в Москве. Полный материал о нем опубликован лишь в 1998 г. после того, когда сын героя, Геннадий, передал в Национальный музей Республики Коми архив отца: документы, фотографии, публикации. Общественность республики подготовила ходатайство о присвоении Н.К.Лошакову звания Героя России (посмертно – умер в 1984 г.). Наградные документы подписал Глава РК Ю.Спиридонов, и они были направлены в администрацию Президента в марте 2000 г. Через год администрация Главы Республики Коми вновь отправила документы в Москву. Ответа нет до сих пор.

Лошаков Николай Кузьмич за 40 лет работы в Воркуте стал знатным человеком: ветеран войны и труда, заслуженный работник народного хозяйства РК, заслуженный горняк РСФСР, Почетный член ДОСААФ СССР, полный кавалер знака «Шахтерская слава», награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Создается впечатление, что в данном конкретном случае не хотят создавать прецедент, когда участнику Великой Отечественной было бы присвоено звание Героя России. Может быть, опасаются, что таких незаслуженно забытых героев окажется слишком много. Как бы там ни было, в судьбах участников войны надо разобраться по справедливости.

Литература и источники

1. Ильин В. На грани жизни и смерти. История одной сенсации // Красное знамя. – 2000. – 6 мая.
2. Соболева Г. Чистое небо Николая Лошакова // Молодежь Севера. – 2002. – 4, 10 янв.
3. Михайлов Н. Герои живут вечно // Красное знамя. – 2002. – 9 янв.

**«ПАМЯТЬ ЗАБЫТОЙ ВОЙНЫ»
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: РОССИЯ И КОМИ КРАЙ***

М.В.Таскаев

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КОМИ КРАЕ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

1 августа 1914 г. началась для России Вторая Отечественная война (или Великая война, как называли Первую Мировую на Западе). Каких-либо идеологических предпосылок (как, например, противостояние коммунизма и фашизма в годы Второй Мировой войной) для ведения военных действий не было ни у Тройственного Союза, ни у Антанты. Все причины Первой Мировой ограничивались банальным переделом мира – борьбой за новые колонии и сферы влияния (например, по новейшим публикациям в прессе, Российская империя в случае победы стран Антанты получала, наконец, вождеденный Константинополь (Стамбул) и контроль над проливом в Средиземное море). Война была непонятной для населения (как и русско-японская война в начале века), хотя поначалу повсеместно в России состоялись огромные патриотические демонстрации и митинги. Известный русский полководец Первой Мировой войны А.А.Брусилов писал: «Даже после объявления войны, прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову – как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотят обидеть сербов. Но кто же такие сербы – не знал почти никто, что такое славяне – было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя». Может быть, именно из-за неприятия идеи войны впервые для России в тылу врага не разворачивалось народное партизанское движение...

В годы Первой Мировой войны Россия испытала всё – великие победы и унижительные поражения. И столь известная советскому народу песня «Вставай, страна, огромная...» прозвучала впервые именно в годы

**Публикуются материалы совместного заседания Ученого совета Национального музея Республики Коми и Коми отделения Академии военно-исторических наук.*

Первой Мировой войны, и колонны пленных немцев под конвоем провели для демонстрации публике по Невскому проспекту в столице империи (в 1943 г. повторяют этот демарш, только уже в Москве). В прифронтной области и тылу появились огромные массы беженцев, в частности, из Царства Польского (слово «беженец» будет на слуху в России отныне раз и навсегда), на страну обрушился голод (нередко специально инспирированный) и продовольственные карточки также впервые стали равноценны деньгам, развернулись по губерниям реквизиции в пользу фронта, появились концентрационные лагеря, остро проявился национальный вопрос. Антигосударственные политические силы использовали все трудности войны в своих целях. Война плавно перетекала в революцию, и этого было уже не избежать...

Мобилизация в Коми крае развернулась в конце июля 1914 г. Только в Яренском уезде по первому призыву было мобилизовано 3508 чел. Помимо мобилизованных, имелись и «охотники», т.е. добровольцы, желающие встать на защиту Отечества от «германца». Причем «охотники» наблюдались не только в первые месяцы войны, но и в тяжелом 1915 г., когда русская армия терпела сплошные военные неудачи и несла большие потери.

По данным управления Усть-Сысольского воинского начальника, к 1917 г. коми солдаты из Усть-Сысольского уезда воевали и служили в следующих армейских формированиях: стрелковые полки (3 Финляндский, 16 Кавказский, 53 Сибирский, 17 Российский, 3 и 29 Туркестанские, 23 Сибирский, лейб-гвардейский стрелковый, 7, 10, 11, 12 и 32 стрелковые и др.), пехотные полки (71 Белевский, 118 Шуйский, 32 Кременчугский, 117 Ярославский, 247 Мариупольский, 90 Онежский, 9 Ингерманландский, 98 Юрьевский, 66 Бутырский, 2 Проскуровский, 149 Черноморский, 278 Кромский, 80 Кабардинский, 422 Колчинский, 100 Островский, 37 и 92 Екатеринбургские, 324 Клязьминский, 322 Солигаличский, 718 Разводовский, 603 Нароченский, 541 Вилейский, 138 Болховский, 11 Псковский, 6 Либавский, 608 Волынский, 12 Великолуцкий, 294 Березинский, 215 Сухумский, лейб-гвардии Финляндский, 97 Лифляндский, 312 Васильевский, 407 Черниговский, гвардейский Московский, 99 Ивангородский, 321 Окский, 61 Владимирский, 3 Заамурский, 92 Печерский, 3 Туркестано-Сибирский, 69 Рязанский, 278 Омский, 9 Финляндский, 718 пехотный, 323 Юрьевский и др.), инженерные полки (40, 41 и 53 инженерные, 16 инженерно-рабочая дружина и др.), запасные пехотные полки (14 пешая Архангельская дружина, 54 тяжелая артбригада, 14 кавалерийская дивизия, 1 осадная артбригада, 95 рабочий батальон, 87 пешая Вологодская дивизия, 683 пешая Харьковская дружина, 1 Балтийский флотский экипаж, 5 Сибирский передовой отряд, Свеаборгский флот-

ский полуэкипаж, 90 пешая Вологодская дружина, 3 артиллерийская гренадерская бригада, 6 запасный кавалерийский полк и др.) – всего 335 комм солдат (из них наиболее крупное землячество из 40 чел. сложилось в 202 запасном пехотном полку).

Нередко мобилизация сопровождалась столкновениями с полицией, как это произошло, например, 6 августа 1914 г. В этот день запасные солдаты в Усть-Сысольске совершили нападение на уездного исправника и полицейского надзирателя с конной стражей («из толпы начали бросать в полицию камнями и кирпичами»). В старых публикациях по истории Коми края утверждается, что нападавших на полицию было четыре тысячи человек, в то время, как городской штат полиции насчитывал всего лишь несколько десятков полицейских. Трудно сказать, каким образом столь малочисленная (пусть даже и вооруженная) полиция «успокоила» многотысячную солдатскую массу. По всей видимости, в нападении на полицию принимала участие лишь часть мобилизованных (надо также учесть, что большую роль в инциденте очевидно сыграл сам факт проводов в армию, по-русски широко отмечаемый возлиянием алкогольных напитков).

Мобилизация на фронт оставляла сельскохозяйственный регион, каким являлся Коми край, без значительной массы рабочих рук. Из деревни ушла наиболее социально мобильная часть населения – военно-обязанные мужчины в возрасте до 40 лет. Впервые в истории Коми края, женщины на селе были вынуждены заниматься не только сельским хозяйством, но и участвовать в общественно-политической жизни. Например, женщины Благовещенской (Пажга) волости Усть-Сысольского уезда выступили с протестом против передела земли в 1915 г.

По деревням начались реквизиции лошадей и крупного рогатого скота в пользу фронта, что, конечно же, вызывало напряженность в отношениях крестьянства с администрацией уездов и военных ведомств.

Экономика края стала ориентироваться на фронт. Особенно это было заметно на немногочисленных металлургических заводах края. Появились в годы войны и новые промышленные объекты. В Айкино, например, в 1916 г. разместилась мастерская, изготавливающая части корпуса для автомобилей.

Нювчимский завод с началом войны перешел на производство корпусов и крышек мин. Однако почти вся продукция выходила бракованной, поскольку сами чертежи (шаблоны) мин, имевшиеся на заводе, изначально содержали брак. Поставки мин военному ведомству были сорваны. В 1916 г. механический цех завода, в котором изготавливались мины, сгорел. Сами рабочие, в частности, П.М.Анисимов, утверждали, что был поджог. Накануне пожара в цех был выписан пуд керосина, а в

ходе следствия по пожару выяснилось, что огонь начал распространяться с чердака цеха, облитого керосином. После пожара управляющие заводом братья Гостунские избежали выплаты неустойки военным и кроме того, получили страховку. Подобная история служит яркой иллюстрацией отношения финансовой олигархии (в уездном масштабе) к нуждам страны. Война выступала здесь прежде всего, как источник обогащения, и провинциальные заводовладельцы ничем не отличались от российских банкиров и промышленников в центре, значительно разбогатевших на поставках в армию.

В годы войны продовольственное снабжение Коми края резко ухудшилось. Так, на 1 февраля 1916 г. по всем коми уездам не имелось ни одного запасного пуда хлеба. Голод вынуждал людей идти на обострение отношений с властью и местными промышленниками. При этом не выдвигались какие-либо политические требования. В октябре 1914 г. рабочие Кажимского завода телеграммой требовали у вологодского губернатора хлеба. В феврале – апреле 1915 г. в знак протеста против снижения расценок бастовали рабочие Нювчимского и Кажимского заводов. Весной 1916 г. вновь забастовали рабочие Кажимского завода (пудлиговый цех), требуя повышения зарплаты. В феврале 1917 г. по требованию рабочих на Нювчимском заводе были повышены расценки. По воспоминаниям нювчимских рабочих, большую роль в рабочем движении в поселке по-прежнему играли члены Партии социалистов-революционеров (ПСР), организация которой впервые появилась в Нювчине в годы первой российской революции и была распущена в 1908 г.

Коми областная газета «Югид туй» в номере от 7 ноября 1927 г. писала о событиях на Нювчимском заводе в первой половине 1917 г.: «Февральская революция застала рабочих на выработке военных снарядов, начатой во время империалистической войны. С большим подъемом ими были восприняты сообщения о падении династии Романовых. Управление заводом, по доверенности владельца Бутлерова, находилось тогда в руках братьев Гостунских. Взаимоотношения их с рабочими были крайне обостренными. Они поставили завод на боевую ногу и требовали во всем выполнения строжайшей дисциплины. Малейшие пререкания рабочих с администрацией сопровождались применением к провинившимся административного воздействия... При появлении в цехе Гостунский командовал: «Встать!». Это рабочих особенно возмущало. 19 марта 1917 г. в Нювчине был организован временный революционный комитет. В состав его были избраны преимущественно рабочие и часть служащих заводской конторы. Первым делом революционного комитета было увольнение от управления заводом Гостунских. Это было в половине апреля 1917 г. Гостунский был обязан подпиской о немед-

ленном выезде из пределов Нювчима. Требование комитета было выполнено. Положение завода к маю месяцу было крайне напряженное. Рабочие не получали заработной платы за несколько месяцев. Хлеба не было. Рабочие послали делегацию в Петроград. Делегация докладывала в ряде министерств об отчаянно скверном материальном положении рабочих, требовала содействия в выплате уже заработанных денег, но никаких положительных результатов не получила. Получила лишь обещание о направлении в Нювчим правительственной комиссии для обследования состояния дела на месте...»

П.М.Анисимов в своих воспоминаниях о событиях 1917 г. в Нювчине пишет, что эсеров в поселке было «довольно много». Лидером нювчимской эсеровской организации в 1917–1918 гг. являлся Д.Д.Улитин (впоследствии он вступил в партию большевиков, стал членом Коми ОКК ВКП(б), а в 1935 г. был исключен из ВКП(б) «за активное участие в эсеровской организации и скрывание от партии об этом до 1935 г.»). В июле 1917 г. Нювчимский завод инспектировала большая комиссия Временного правительства, были представители ряда министерств, в том числе военного. Эсеры немало сделали для того, чтобы завод продолжал функционировать и выполнять правительственные заказы, прежде всего военного значения, необходимые для нужд фронта. Управляющим заводом оставался В.Гостунский.

Появлялась в поселке на короткое время (по всей видимости, в 1917 г.) группа анархистов, возглавляемая В.Ф.Рычковым (впоследствии ставшим большевиком). «Они (анархисты – М.Т.)», по словам П.М.Сokolova, в Нювчине «особой поддержкой не пользовались».

Каких-либо политических организаций в Коми крае накануне и во время войны (до 1917 г.) не было (во всяком случае, пока они мне неизвестны). Политическая ссылка в Коми прекратилась в 1914 г., и все административно-высланные «враги государства» покинули край (исключение составляет небольшая группа ссыльных социал-демократов в Пижемской и Усть-Цилемской волостях Печорского уезда, организовавшая артель т.н. «оселочников» и выбывшая из Коми края после Февраля 1917 г. Артель «оселочников» почти не занималась политической деятельностью). «Политическая тишина», воцарившаяся в крае после отъезда политссыльных, хорошо иллюстрируется архивным документом. В рапорте в Вологодское губернское жандармское управление (ВГЖУ) яренский уездный исправник так характеризует обстановку по Яренскому уезду в 1916 г.: «... настроение населения вверенного мне уезда... было спокойное и никаких проявлений враждебного характера по отношению к царствующему дому, правительству, государственному и общественному строю не было. Массовых беспорядков и выступлений

со стороны крестьян, равно как и волновавших крестьянские массы ложных и неосновательных слухов, выдающихся случаев забастовочного движения, преступной пропаганды или агитации в среде и со стороны интеллигентских слоев общества, прессы, лиц свободной профессии и учащейся молодежи не замечалось. Случаев проявления недовольства действиями властей... не было. Среди интеллигентного общества нет никаких проявлений левого направления. Самовольные лесные порубки крестьян не выходят из разряда обыкновенных и при этом никаких насилий со стороны крестьян произведено не было». В то же время, из Усть-Сысольска в ВГЖУ писали, что «рабочие и крестьяне требуют принятия более усиленной меры со стороны правительства против дороговизны жизни».

Некоторую долю политической напряженности в Коми крае внесла ссылка в регион массы подданных Тройственного Союза, находившихся на момент объявления войны на территории России (так, в Яренском уезде в 1916 г. насчитывалось 554 ссыльных иностранцев, в основном немцев). С 1916 г. в Коми крае стали размещать военнопленных, для содержания которых весной 1917 г. в пределах Усть-Сысольска был размещен по-существу первый в истории края концлагерь (официально называвшийся Усть-Сысольским контрольным пунктом размещения пленных). Другим местом массового содержания пленных в Коми крае стала деревня Канава Усть-Сысольского уезда, где в 1916–1917 гг. несколько сотен австрийцев были заняты на работах по очистке Екатерининского канала. Военнопленные получали продпайк и вещевое довольствие от уездной администрации, имели контакты с местным населением. Общение с иностранцами значительно расширило мировоззренческие горизонты коми народа. В то же время, наличие иностранцев в крае автоматически вело к политическим дискуссиям на уровне уездного земства и городской думы, депутаты которых добивались от военных властей вывода иностранного контингента за пределы края.

Подводя итоги социально-политическим процессам в Коми крае в годы Первой Мировой войны, надо заметить, что несмотря на «политическую тишину» (вызванную отсутствием какой бы то ни было общественно-политической организации) в крае нарастала напряженность, связанная с ухудшением экономического положения (в первую очередь, плохим уровнем продовольственного снабжения). Реквизиции в пользу фронта, низкая зарплата, массовый уход на непопулярную войну мужского работоспособного населения, постоянный рост цен и общая дороговизна жизни – все это вело к обострению социально-политической ситуации в крае, политизировало население.

Н.И.Сурков
СУДЬБЫ СОЛДАТ – УЧАСТНИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(по материалам Национального архива Республики Коми)

Воины Коми края, выносливые, физически сильные, закаленные в суровых северных условиях, участвовали практически во всех военных кампаниях, которые вела Россия.

Во второй половине XIX в. их насчитывалось по несколько десятков человек. В русско-японской войне 1904–1905 гг., можно сказать, что уже несколько сотен солдат и матросов из далекого северного края находились в действующей армии и военно-морском флоте на Дальнем Востоке. Семьдесят один человек из них погиб или пропал безвестно. В Первой мировой войне счет идет уже на тысячи. По-разному сложились их судьбы. Одни отдали свои жизни за чуждые им интересы, другие были искалечены и стали инвалидами. Кому-то пришлось сполна испытать горечь плена. Были и такие, кто попал в категорию без вести пропавших. Проследим судьбы лишь некоторых солдат.

Трагически сложилась жизнь Рочева Григория Ивановича. Он был призван в русскую армию в конце 1896 г. К этому времени призывник достиг двадцатилетнего возраста. Срок службы начался у него с 1 января 1897 года [1]. Направили служить солдата на Дальний Восток. В 1900 г. он участвовал в походе в Китай. Дело в том, что годом раньше там вспыхнуло восстание против иностранных государств, стремившихся воспользоваться слабостью Китая и разделить территорию страны на сферы влияния.

В этой акции участвовали Англия, Франция, Германия, Италия, Россия и Япония. Войска упомянутых стран совместными усилиями подавили восстание китайцев, в результате чего Россия захватила Маньчжурию. Русские солдаты, в числе их и Григорий Рочев, были награждены светло-бронзовыми медалями «За поход в Китай в 1900, 1901 годах». После похода он вернулся домой.

Когда началась русско-японская война, Григория Рочева снова призвали в действующую армию. Во второй раз он оказался на Дальнем Востоке. За участие в боевых действиях против Японии был награжден малой серебряной медалью.

В июле 1914 г. его призвали в третий раз. К этому времени он имел звание младшего унтер-офицера. Сначала зачислили в 18-й стрелковый Сибирский полк, но вскоре перевели в 25-й стрелковый Сибирский полк.

Видимо, Григорий Рочев, как опытный солдат, был на хорошем счету у командования, что подтверждается присвоением ему в июне 1915 г. очередного звания – старший унтер-офицер.

Но 1 октября 1916 г. произошло несчастье. Он лишил себя жизни посредством удушения в разрушенном доме местечка Логишин Пинского уезда Минской губернии, и там же похоронен.

Что же сломало, что подтолкнуло свести счеты с жизнью много повидавшего и пережившего солдата Григория Ивановича Рочева, проходившего к тому же третью военную кампанию? Ответ на этот вопрос мы никогда не получим.

С фронтов Первой мировой войны не вернулся в свою семью бомбардир Освецкой крепостной артиллерии Михаил Павлович Голосов.

23 июля 1914 г. его зачислили в списки 5-й батареи 2-го дивизиона 3-й тяжелой Артиллерийской бригады [2]. Участвовал в боях против австрийцев и германцев под г.Сандомиром. Спустя двадцать лет название этого города снова упоминалось в военных сводках, но это была уже Вторая мировая война. Отличился бомбардир Михаил Голосов с 24 сентября по 1 октября и с 4 октября по 5 декабря 1914 г. под деревнями Залесье, Антоново и Боров. С 6 декабря 1914 г. по 25 марта 1915 г. он сражался под городом Питчевом. С 31 марта по 6 апреля 1915 г. воевал в Карпатах у деревни Красноброды.

6 апреля 1915 г. тяжелым неприятельским снарядом Михаил Павлович Голосов был убит на позиции и похоронен на Русиновском кладбище. На следующий день погибший солдат был исключен из списков дивизиона, а семье направили извещение о его гибели.

Ровесником Григория Рочева был рядовой Прокопий Васильевич Колегов. В одно время их призывали на военную службу, начало которой считалось с 1 января 1897 г. Прокопия Колегова призывали и на русско-японскую войну. Но участвовать в военных действиях ему не довелось. После окончания войны его уволили из 1-го маршевого батальона.

Когда началась Первая мировая война Прокопия Колегова снова призвали в действующую армию. 7 августа 1914 г. его зачислили в 10-ю роту 215-го пехотного Сухаревского полка. Полк направили в Восточную Пруссию. Участвовал в боях при деревне Витгирине и Вальтеркене 29 и 30 августа 1914 г. В сентябре того же года зачислен в 4-ю роту 111-го пехотного Донского полка. В составе этого полка Прокопий Колегов воевал в течение недели. 16 сентября 1914 г. в бою у местечка Симно он был тяжело ранен. Спустя одиннадцать дней его исключили из списков полка, как умершего от ран [3].

22 мая 1915 г. у деревни Загороди был убит рядовой Семен Михайлович Кирушев [4]. Он служил в армии еще в начале XX в., его увольняли со службы в 1908 г.

24 июня 1915 г. в сражении с неприятелем убит солдат Петр Иванович Мороков [5]. Он владел портняжным мастерством. Срочную

службу проходил за несколько лет до Первой мировой войны. В составе 10 гренадерского Малороссийского полка был в походах и боях против Австро-Венгрии и Германии в 1914–1915 гг. Контузий и ранений не имел, не успел и знаков отличия получить.

На войне солдат мог погибнуть не только от вражеских пуль и снарядов, но и от болезней. Вследствие антисанитарных условий в войсках часто вспыхивали эпидемии. Вот, к примеру, солдат Степан Степанович Жаков умер от брюшного тифа [6].

Члены семьи солдата были в постоянной тревоге за его судьбу. Приведем только один пример. Солдатская жена деревни Выставки Кочергинской волости (Летка) Анастасия Ивановна Попова 2 февраля 1915 г. обращалась к Усть-Сысольскому уездному воинскому начальнику: «Покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие не найдете ли возможным узнать о местонахождении моего мужа-солдата запасного нижнего чина Петра Васильева Попова, находящегося в Действующей армии на войне... были слухи, что он убит, но недостоверные, а писем от него давно нет». Солдат Петр Попов служил 12-й роте 175 пехотного Императорского полка [7].

По-разному складывалась судьба раненых солдат. Если ранение было легкое, то лечили в лазаретах при воинских частях. При тяжелых ранениях солдат отправляли в тыловые госпитали. На каждого раненого составляли свидетельство о болезни, которое при увольнении из армии выдавали на руки солдату. Приведем один из многих подобных документов. Его получил Стефан Яковлевич Иевлев запасной ефрейтор 117-го пехотного Ярославского полка [8]. 11 декабря 1914 г. его освидетельствовала врачебная комиссия Царскосельского особого эвакуационного пункта. Ему было 32 года, происходил он из крестьян Вологодской губернии Усть-Сысольского уезда. При освидетельствовании оказалось: жалобы на отсутствие большого пальца левой руки – отсутствовала ногтевая фаланга, на мякоти 2-го и 3-го пальцев той же руки рубцы от огнестрельных ранений; на передней поверхности живота 5 круглых рубцов: три от входных отверстий на правой половине живота; два от выходных – на левой. 5 октября 1914 г. в бою у станции Пружково он был ранен пятью шрапнельными пулями. Далее отмечали, что повреждение получено вследствие обстоятельств, связанных с прохождением военной службы. Это повреждение ограничивало трудоспособность и что утрата трудоспособности окончательна и переосвидетельствованию не подлежит. В итоге освидетельствования выносилось заключение. В данном случае «Стефан Иевлев признан подлежащим увольнению вовсе от службы, как совершенно к ней не способный. Носить оружие не может. Следовать пешком не может. В провожатом не нуждается».

Игнатий Ефимович Безносовых рядовой 5-го стрелкового полка вследствие огнестрельного ранения был «одержим отсутствием 2-х фалангов указательного пальца правой руки и одной фаланги среднего пальца той же руки» [9]. 7 ноября 1914 г. его уволили вовсе от службы.

Петр Максимович Безносовых, мл. писарь Пишпекского войскового лазарета, 41 года, из крестьян Шиловской волости находился на излечении в Пишпекском воинском лазарете с 22 июня по 7 июля 1915 г. Был одержим отсутствием 16 зубов в обеих челюстях, страдал хроническим катаром пищеварительного тракта и упадком питания [10]. Был по состоянию здоровья уволен со службы.

Рядовой солдат 12 стрелкового Сибирского полка Урван внебрачный Остяков, 42 лет, начало службы с 1 января 1897 года был одержим глубоким рубцом в левой подколенной впадине, что препятствовало движению. Так же был вовсе уволен со службы 22 декабря 1915 года. Происходил из Печорской волости¹¹.

Рядовой солдат 254-го пехотного запасного батальона Григорий Васильевич Торопов, 43 лет, находился на излечении с 17 декабря 1915 по 7 января 1916 г. в г. Ярославле. Был одержим эмфиземой легких и хроническим бронхитом. Медицинская комиссия признала, что данное заболевание получено не вследствие обстоятельств, связанных с прохождением военной службы [12]. К труду признали не способным, со службы уволили.

Некоторым солдатам, раненым или больным, предоставляли отпуск домой, где они могли поправить свое здоровье. Бомбардиру Кузнецову Алексею Петровичу 6 июля 1917 г. предоставили отпуск по болезни на два месяца [13].

Ефрейтору Мезенцеву Ивану Тимофеевичу, служившему в 57 стрелковом Сибирском полку 4 апреля 1915 г. предоставили отпуск на 6 месяцев. Он был одержим тугоподвижностью правого коленного сустава вследствие контузии [14].

Многие лишения переносили русские солдаты, находившиеся в плену. Бараки были плохо приспособлены к жизни, спутником были антисанитарные условия, болезни, скудное питание. Порой пленным приходилось переносить издевательства, а порой и избиения со стороны местных жителей, особенно женщин, в частности, на территории Австро-Венгрии. По линии земских органов предпринимались попытки облегчить их судьбу. Так, по стране был организован сбор сухарей. 10 апреля 1917 г. из Усть-Сысольского уезда в Вологду было послано 10 деревянных ящиков общим весом 26 пудов 11 фунтов. В девяти ящиках были сухари, а в десятом – белье.

В пользу солдат, находившихся на фронте, готовили белье. Так, в конце 1915 г. – начале 1916 г. в Усть-Сысольском уезде в 60 земских училищах, по нашим подсчетам, сшили 800 кальсон и 870 рубашек, 569 пар рукавиц [15].

Исследователям предстоит кропотливая работа по изучению многих страниц Первой мировой войны. Не известно, сколько же военнослужащих из Коми края было мобилизовано на фронты, сколько их пало на полях сражений. Что касается военнопленных, то мы и здесь не располагаем исчерпывающими данными. Правда, по нашим подсчетам, на основе документов Усть-Сысольского уездного отдела социального обеспечения из плена к июню 1919 г. вернулось примерно 1150 солдат [16].

Литература и источники

1. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 530. Л. 226.
2. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 530. Л. 169.
3. Там же. Л. 223, 224.
4. Там же. Л. 187.
5. Там же. Л. 202.
6. Там же. Л. 192.
7. Там же. Л. 155.
8. Там же. Л. 143.
9. Там же. Л. 153.
10. Там же. Л. 221.
11. Там же. Л. 219.
12. Там же. Л. 220.
13. Там же. Л. 228.
14. Там же. Л. 222.
15. Сурков Н.И. Благотворительная деятельность земских училищ Усть-Сысольского уезда в годы Первой мировой войны // *Общественность и архивы: проблемы и пути сотрудничества*. – Сыктывкар, 1997. – С. 30, 31.
16. Сурков Н.И. Социальная защита населения Коми в 1918–1960 гг. – Сыктывкар, 2000. – С. 40.

О.Е.Бондаренко

«ПИСЬМО ПИШУ НА РОДИНУ»

Многие из жителей Коми края в годы Первой мировой войны получали известия о том, что их мужья, отцы, сыновья, братья в ходе военных сражений пропали без вести. Сведения поступали в Главный Алексеевский комитет, семьи пропавших без вести продолжали получать продовольственные пособия. Можно представить радость этих людей, когда в селения приходили письма из далекой Германии и Австрии, в

которых пропавшие сообщали, что они живы и находятся в плену. Так, например, Григорий Серафимович Шевелев, ратник ополчения второго разряда призыва 1910 г., пропал без вести в бою 21 июля 1916 г., а уже 1-го августа он шлет жене Клавдии Васильевне восточку: «августа 1-го дня письмо от вашего мужа здравствуйте многоуважаемая дорогая супруга Клавдия Васильевна и дорогие любезные сыновья Андрею Григорьевичу и Михаилу Григорьевичу и Петру Григорьевичу и Алексею Григорьевичу и я вам во-первых желаю от Господа Бога доброго здоровья и всякого благополучия и посылаю Вам с любовью низкий поклон еще я вам уведомляю, что я попал в плен Австрию 21-го июля и пока я нахожусь живъ и здоров того и вам желаю» [1]. О своем пленении сообщал родным и Н.А.Чугаев: «Здравствуйте дорогие и любезные мои родители Татьяна и Маменька. Посылаю я вам сыновское Почтение. Посылаю по нискому поклону. Кланяйтесь всем родным братьям, сестрам и Гатерине Гавр. Крѣсной Матушки. Нахожусь плену Австрии. Остаюсь жив здоров» [2]. Ф.С.Михайлов, информируя жену о своем пленении и нахождении в одном из лагерей германии, предупреждал родных: «я теперь прошу от вас письмо... пошлите только секретной не пишите вы пишите про своей жизни» [3].

Отчаяние звучит в письме И.М.Михайлова из Нившерской волости: «...уведомляю вам попал плену 30 апреля было отступление я остался заблудился покорнейше прошу пожалуйста денег Ниодново копейки нету без денег плоха не оставите меня чужой земле» [4].

Письма отправленные уроженцами Коми края из лагерной Германии и Австрии в годы мировой войны, впервые выявлены и введены в научный оборот автором. Необходимо отметить, что их должно быть достаточно много, так как было пленено несколько сот человек, некоторые из них находились по несколько лет вдали от дома. Удалось выявить 20 писем, но текст на двух открытках невозможно прочесть, поэтому речь пойдет о восемнадцати. Почти все они отложились в фонде устьсысольского воинского начальника. Возникает вопрос, каким же образом частная переписка попадала в этот фонд. Волостные правления информировали воинского начальника о том, что лица, числившиеся как пропавшие без вести, находятся в плену, в подтверждение своих слов они прикладывали письма, полученные родными. Просьбы жен о возвращении им писем обратно, как правило, не выполнялись.

Большинство писем написано на почтовых карточках, на одной половине которых были адреса назначения и отправления, на другой – размещалось само содержание письма. Одно письмо было написано на почтовой карточке издания Австрийского общества Красного Креста. Исключение составляет письмо Ф.С.Михайлова, написанное на простом

листе бумаги. Текст писался простым и химическим карандашами, в редких случаях фиолетовыми и черными чернилами. Со временем строки вытерлись, поблекли, стали малоразличными и неудобочитаемыми, во многих случаях часть карточки уходит в переплеты архивных дел, что также затрудняет знакомство с содержанием писем. Почтовые карточки отправлялись из лагерей для военнопленных Альтдамма, Хайльсберга, Мюнстера и других, обозначались номера барачных и военнопленных.

Бывали редкие случаи, когда в одном лагере находились земляки. Рядовые 59-го пехотного Люблийского полка Чугаев Николай Александрович (из крестьян деревни Тебеньково Визингской волости) и Раевский Александр Иванович (из крестьян деревни Коршуновской этой же волости) пропали в бою без вести 7 июня 1915 г. А.И.Раевский сообщал из Австро-Венгрии своей матери, что он вместе с Чугаевым из Визинги, просил половину открытки переслать его родным. В Вольденсберге в лагере содержались Ф.С.Михайлов, а также Михаил, Григорий, он не обозначил их фамилии. В Германии в лагере № 57 (Лютрингене) В.И.Тимушев был вместе, как он писал, с одним зырянским Егором из Киберской волости. Это позволяло им обращаться на родном языке, обмениваться новостями из писем, полученных из дома.

Письма из плена писали Н.А.Кочанов, Е.А.Липин, И.М.Кузнецов, С.И.Тимушев (Устькуломская волость), Г.С.Шевелев, В.Н.Шаманов (Мординская волость), Н.А.Чугаев, А.И.Раевский (Визингская волость), Ф.С.Михайлов, И.М.Михайлов (Нившерская волость), Г.Р.Козлов, Ф.М.Исаков (Подбельская волость), И.Д.Уляшов (Помоздинская волость), З.Б.Попов (Сторожевская волость), В.Шешуков, С.Я.Мальцев, П.Игнатов – внебрачный (Устьнемская волость), М.П.Тюрин (Деревянская волость).

Выявленные сведения на воинов, попавших в плен, представленные в Алексеевский Главный Комитет, позволяют дать более подробную характеристику некоторых из них. К Устькуломской волости были приписаны Тимушев Семен Иванович и Кочанов Николай Алексеевич. Жена Тимушева – Мария Васильевна, детей не было. Жена Кочанова – Нина Михайловна, при матери находились дети: сын Александр (рождения 8.03.1914) и дочь Клавдия (рождения 13.03.1909). К Устьнемской волости были приписаны Мальцев Стефан Яковлевич и Игнатов Петр (внебрачный). Жена Мальцева – Акилина Исаковна, с ней сын Андрей (рождения 10.0.1912). Жена Игнатова – Людмила Григорьевна. Эта семья была самой многодетной – общий сын Николай (рожд. 1.12.1913), дети от первой жены Андрей (рожд. 25.11.1903), Анна (рожд. 25.11.1906). Все четверо мужчин были ратниками ополчения I разряда Шуйского полка, пропали без вести в бою 10 июля 1915 г. Козлов Гаврил Романович

приписан к Подъельскому обществу, состоял ратником ополчения 2 разряда Великоусюжского полка, пропал без вести в бою 8 августа 1916 г. При жене Федосье Яковлевне находились дочери Анна (рожд. 6.09.1912) и Вера (рожд. 9.09.1915).

Географическое распределение писем следующее: четыре – Усть-куломская волость (с. Усть-Кулом – два, д. Носим, д. Кутская, д. Дон), три – Устьнемская (Усть-Нем), по два письма было получено в волостях: Мординской (с. Мордино, д. Лопид), Визингской (д. Тебенькова, д. Коршуновская), Нившерский (д. Тистовская, с. Нившера), Подъельской (д. Керовская, д. Першинская), по I письму в Деревянской (с. Деревянск), Помоздинской (д. Кузьслудобож), Сторожевской (с. Сторожевск). Основная часть писем (II) датируется 1916 г., одно 1917 г. и 5 – 1915 г. Девять писем было отправлено из Германии, семь – из Австро-Венгрии, на двух не удалось установить страну отправления.

Письма были небольшими по содержанию; как уже отмечалось, весь текст нужно было уместить на половине почтовой карточки. Из 18 писем девять были посланы на имя жен. Адресованные женам, они начинались с выражения супружеского «мужского» почтения, супруга и дети именовались по имени, отчеству, встречается обращение к родителям «любезные родитли и папаша и мамаша». А.И. Раевский пишет своей матери: «...во-первых прошу от вас родительское благословение которое поможет существовать в моей жизни и кланяюсь от белого лица и до серой земли» [5]. Во всех письмах содержатся многочисленные поклоны родным, отцовское благословение детям, пожелание всем здоровья и терпения. Стиль изложения является традиционным, и на этом фоне явно выделяется письмо из Австрии З.Е. Попова, которое проводим полностью.

«Христос Воскрес.

Дорогая супруга Пелагея Никифоровна, поздравляю я тебя с Высокопраздником Свят. Христовым Воскресением и желаю тебе дорогоуважаемая доброго здравия, Еще кланяюсь сестрице Дарье Ивановне. Желаю быть здоровыми и с детками Вашими. Эх! Милая женушка когда Бог велит нам увидиться и зажечь прежней любовью. До свидания. Я жив и здоров. Жду вашего ответа» [6].

Об условиях своей жизни в плену, работе военнопленные писать не могли, так как содержание написанного просматривалось цензорами в Германии, Австрии, России. На почтовых карточках ставился штамп с указанием номера цензора, встречаются подписи «вскрыть военной цензурой». В одном из писем несколько строчек текста вымарано чернилами.

В 10 письмах воины сообщали об их пленении, в восьми писали о посылках, сообщали об их получении или же просили о высылке новых.

Причины этого вполне понятны, питание в лагерях было скудным, недостаточным, «пища была скверная» и пленные спешили воспользоваться правом их получения. Ф.С.Михайлов в своем первом письме жене сообщал, что можно пересылать «табаку, хлеба, вату». Просьба послать посылку содержалось в письме Н.А.Кочанова: «мне деньги не нужно только пошли посылка что-нибудь хлеба» [7]. Об этом же пишут и М.П.Тюрнин своему тестю в Деревянск: «Дорогой мой тесть я ваши деньги и посылку получил и написал ответ получили или нет я прошу что шлите мне посылки чаще...» [8], и В.Н.Шаманов матери: «Мама пришли посылку 12 фунт съестного сухарей» [9]. Очевидно, не все родные могли посылать что-либо в лагерь. П.М.Исаков жалуется жене: «...я вам извещаю что я второй год в плену ничего не получая ни письма, ни посылки люди все получают...» [10].

Военнопленные дорожили возможностью получить весточку из дома, хотели получать письма, с нетерпением их ждали, перечитывали по многу раз, обижались, когда письма запаздывали или приходили редко. Обида звучит в письме И.Кузнецова его жене Елизавете Андреевне в д. Кужскую: «Я на вас очень обижаюсь потому что я от вас писем не получаю популочению письма прошу ответить. Ваш муж...Иван Матвеевич К.» [11]. Аналогично и содержание письма С.Я.Мальцева в с.Усть-Нем: «...дорогая супруга я давно уже не получал от тебя писем и посылок больше не шлете если нельзя то...пишите хоть письма почаще» [12]. Иногда в почтовых карточках содержалось подтверждение получения писем, так, М.Тюрнин сообщал домой: «...я получил ваши 5 писем и от крестного одно, а вам уже пишу каждый месяц» [13].

Понятие Родина для авторов писем было связано с родными деревнями, селениями, некоторые из писем так и начинаются со слов «письмо народину», «народину письмо от мужа вашего», «письмо пишу на Родину». Все письма написаны на русском языке. Примечательно, что они писались непосредственно самими авторами, что свидетельствует о наличии у них навыка письма, но в то же время следует отметить, что очень много в тексте грамматических ошибок, отсутствует согласование слов, фактически нет знаков препинания, все это подтверждает плохое владение русской речью местного населения.

Адресаты писем не заглядывали в будущее, хотя, наверное, их не покидала мысль о возвращении в родные края. Во многих письмах встречались слова «пока остаюсь жив здоров тоже и вам желаю жить. До свидания всем» [14].

Литература и источники

1. НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 293. Л. 45 об.
2. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1165. Л. 1599.
3. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1165. Л. 1450-1450 об.
4. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1164. Л. 717-719 об.
5. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1165. Л. 1590.
6. Там же. Л. 1084.
7. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1208. Л. 162.
8. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1233. Л. 1235.
9. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1248. Л. 7-7 об.
10. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1165. Л. 1585.
11. Там же. Л. 1088.
12. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1208. Л. 179.
13. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1233. Л. 1235.
14. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1208. Л. 162.

И.Ю.Моисеева
«ПАМЯТЬ ЗАБЫТОЙ ВОЙНЫ»

24 сентября 2004 г. в Национальном музее Республики Коми открылась выставка «Память забытой войны. (Первая мировая война: Россия и Коми край)».

Сегодня практически в каждом небольшом западногерманском, бельгийском, люксембургском или французском городке есть памятники павшим героям Первой мировой войны, и их благодарные потомки до сих пор свято чтут их память. В России же, которая понесла в этой войне самые большие людские потери – 5 млн. человек, нет ни одного памятника – ни героям, ни жертвам.

Война 1914–1918 гг., вошедшая в официальную советскую историю как война «империалистическая» и «несправедливая», освещалась в историографии крайне недостаточно и необъективно. Не получила должного развития тема Первой мировой войны и в музейном пространстве. Она показывалась фрагментарно, чаще всего в рамках постоянных экспозиций, причем сама война изображалась лишь как предпосылка Октябрьской революции 1917 г., показывались и ее участники – революционно настроенные солдаты и матросы, будущие герои Гражданской войны, да и о тех, нигде не упоминалось как о солдатах русской армии, выполнявших воинский и гражданский долг в 1914–1918 гг. О выставочных проектах, посвященных «несправедливой» и преданной забвению войне, не было и речи.

Выставка «Память забытой войны. (Первая мировая война: Россия и Коми край)» – это дань памяти героям и жертвам Первой мировой войны, выступившим за Веру, Царя и Отечество, погибшим в боях, попавшим в плен, пропавшим без вести, умершим от ран, всем патриотам России, выполнившим свой долг перед соотечественниками. Большинство материалов будет представлено для широкой общественности впервые.

Идея выставки – представить в экспозиции памятники периода Первой мировой войны, попытаться с их помощью воссоздать объективную историю войны 1914–1918 гг. и, что наиболее важно, реконструировать исторический портрет Человека в условиях военного времени.

В экспозиции представлены разнообразные документальные источники, как официальные (циркуляры, распоряжения, памятки, свидетельства, увольнительные билеты, списки добровольцев (охотников), извещения об убитых и без вести пропавших, удостоверения об увольнении, послужные и посемейные списки, приказы, наряды, журналы, объявления, прокламации, явочные карты, инструкции, акты освидетельствования, материалы периодической печати тех лет и др.), так и источники личного происхождения (записные книжки, письма, открытки, почтовые карточки, воспоминания, дневник); фотоматериалы, в т.ч. ряд коллекций подлинных фотографий военной поры; вещественные памятники (предметы фронтового быта, обмундирования, оружие, награды, медицинские инструменты и др.).

Материалы фондов Национального музея РК и Национального архива РК позволили проследить судьбы некоторых участников Первой мировой войны. Наиболее интересными и уникальными экспозиционными материалами выставки, не экспонировавшимися ранее и не публиковавшимися в печати, являются фотографии из коллекции участника Первой мировой войны Василия Степановича Мелехина, уроженца д.Чойыв с. Пажга, на которых отчетливо и ясно запечатлены самые разнообразные сюжеты фронтового бытия, фотографии и документы уроженца г.Усть-Сысольска Е.И.Попова, участника Первой мировой войны, репрессированного в 1938 г. за то, что являлся в 1916–1917 гг. «царским офицером», подлинные листовки 1916–1917 гг., содержащие информацию австро-венгров для русских солдат, и листовки русской армии, письма коми солдат русской армии с фронта, дневник усть-куломского крестьянина И.С.Рассыхаева, в 1915–1917 гг. участвовавшего в военных событиях.

Уникальным источником, повествующим о небывалом патриотическом подъеме, проявлении лучших человеческих качеств российской интеллигенции, являются иллюстративные художественно-литературные

журналы «Искры» за 1914 г. и альбом «Русской армии – артисты Москвы. Автографы московских артистов, собранные комитетом артистов Москвы по сбору табака для армии в 1915 г.». Альбом состоит из 16 листов, исписанных с обеих сторон разными почерками. Содержит тексты, рисунки, карикатуры известных русских актеров, в том числе М.Ермоловой, А.Яблочкиной, В.Качалова, О.Книппер-Чеховой, А.Балашовой, Е.Гельцер, Г.Бурджалова, Л.Нелидова, В.Максимова и др.

Первостепенным для авторов проекта было показать Человека военной поры – солдата русской армии, нижнего чина и офицера, солдатскую жену (солдатку), сестру милосердия, российского интеллигента, беженца, военнопленного, особенности психологии и менталитета человека военных лет.

Выставка «Память забытой войны» – это и рассказ о героизме солдат русской армии в годы Первой мировой войны, о готовности к самопожертвованию, милосердию, состраданию российского народа, это и стремление вернуть незаслуженно забытые имена, это и напоминание о том, что война всегда несет горе, страдания, разочарования...

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

И.Л.Жеребцов, М.В.Таскаев
КОМИ КРАЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ХРОНИКА СОБЫТИЙ.

Июль 1914 – ноябрь 1918 г.

1914

15 (28) июля – Австро-Венгрия объявила войну Сербии.

19 июля (1 августа) – Германия объявила войну России. В Коми крае началась мобилизация в связи с началом I Мировой войны. К 1917 г. в армию были призваны более половины трудоспособных мужчин.

Начало августа – Организовано Усть-Сысольское городское попечительство по призрению семейств нижних чинов. К концу 1914 г. были созданы попечительства во всех волостях уезда. В их состав входили местные священники, учителя, крестьяне, иногда должностные лица. Попечительства занимались вопросами оказания материальной помощи семьям призванных в армию жителей края.

6 августа – В Усть-Сысольске произошли столкновения между запасными солдатами (около четырех тысяч) и полицией. Запасные начали бросать в полицию камнями и кирпичами, полиция применила оружие. С обеих сторон были ранены.

Сентябрь – Установлен телеграфный аппарат в нижнепечорском селении Росвино.

Октябрь – Открыт класс ручного труда при Ношульском высшем начальном училище.

11 октября – Освящено новое каменное здание Александринской женской гимназии в Усть-Сысольске.

23 октября – Собравшиеся на заводской площади рабочие Кажимского завода решили отправить телеграмму губернатору с требованием немедленно отправить заводчанам хлеб. Телеграмму подписал местный священник.

Ноябрь – Открыто высшее начальное училище в Усть-Куломе.

1 ноября – При уездной земской управе создано Усть-Сысольское уездное попечительство по призрению семейств нижних чинов и ратников ополчения, призванных по мобилизации на войну.

18 ноября – Образовано Усть-Сысольское отделение Романовского Комитета, на который было возложено «воспособление делу беспри-

зорных сирот сельского населения без различия национальности, состояний, сословий и вероисповеданий». Председатель отделения Н.О.Пахарь, зам. председателя и казначей И.В.Булатов, секретарь А.З.Алюхин.

28 ноября – Образована Усть-Сысольская уездная комиссия для оказания благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Председатель комиссии А.Я.Колясников, зам. председателя – И.В.Булатов, члены А.Е.Суханов, Н.П.Чеусов и другие.

1915

– Построено новое здание для высшего начального училища в Мохче.

– Построена новая деревянная Троицкая церковь в селе Лыаты.

– Яренское земство предприняло первую попытку организации курорта в Серегово. Вода из Серегово была направлена в Москву для исследования и признана лечебной.

– Коллекция углей и вмещающих пород из района реки Инты доставлены в Геологический музей Санкт-Петербургской Академии наук.

– Произошло землетрясение в Печорском уезде.

– Завершено строительство моста через реку Кылтовку.

– Организованы Слудское, Ижемское и Коквицкое потребительские общества.

Февраль – В знак протеста против снижения расценок состоялась экономическая забастовка литейщиков Ньючимского завода.

Апрель – Состоялась экономическая забастовка на Кажимском заводе.

Лето 1915 – Н.И.Эрасси и И.М.Шмигонов вели поиск месторождений свинцовой руды в верховьях Печоры.

– Керосиновый завод А.Гансберга на Варваринском промысле дал первую продукцию.

1 июля – Открыты высшие начальные училища в Визинге и Помоздино.

1916

– Ю.Вихман издал в Хельсинки свою книгу «Коми-зырянская народная поэзия».

– Завершилось строительство специального каменного здания для усть-сысольской больницы, начатое по проекту Е.Г.Сорокина в **1910–1911 гг.** (ныне – городской родильный дом)

– Открыта земская типография в Яренске.

– Проведены сельскохозяйственные переписи в Усть-Сысольском и Яренском уездах, зафиксировавшие количество населения, занимав-

шегося сельским хозяйством, уровень развития земледелия и животноводства в крае. В Усть-Сысольском уезде, по данным этой переписи, проживало 112,4 тыс. человек.

– Построена деревянная Стефановская церковь в деревне Кыроч Княжпогостского прихода.

– Организованы Пажгинское, Лозымское, Ужгинское, Межадорское, Помоздинское и Княжпогостское потребительские общества и Печорское объединение кооперативов в Усть-Цильме.

Январь – Вологодское губернское земство поддержало ходатайство Усть-Сысольского земства о строительстве железной дороги Усть-Сысольск–Никольск–Буй, но этот проект не был осуществлен.

1 января – Усть-Сысольское земство упразднило в уезде должности агрономов, сочтя их работу малоэффективной. Их заменили 2 сельскохозяйственных старосты. Но в **1917 г.** вновь был приглашен на работу один агроном.

1 февраля – Забастовка рабочих на лесозаводе «Стелла Поларе».

7 февраля – В Усть-Сысольском уезде создан военно-спортивный комитет.

Весна 1916 – Состоялись две забастовки с экономическими требованиями на Кажимском заводе.

– В Усть-Сысольск прибыли пленные военнослужащие австро-венгерской армии (около двух десятков офицеров).

16 апреля – В порту французского города Марсель высадилась 1-я Особая пехотная бригада Русского экспедиционного корпуса, в рядах которой были и воины из Коми края А.Г.Надуткин, С.М.Рочев, Е.И.Турбылев, Савин, Третьяков, Фомин, Чукичев и др. Они участвовали в кровопролитных сражениях, многие погибли или получили ранения.

Лето 1916 – Начались подготовительные работы на трассе строительства Камско-Печорской железной дороги силами нескольких тысяч пленных австрийцев.

– Около 500 пленных австрийцев направлены на расчистку Северо-Екатерининского канала.

– В здании ремесленной школы в Усть-Сысольске начала работать первая в городе электростанция.

Июнь-сентябрь – Массовая реквизиция крупного рогатого скота и лошадей на военные нужды у крестьян Яренского уезда (изъято 1180 голов скота и несколько сот лошадей).

1 июля – Открыта Усть-Сысольская мужская учительская семинария. Директором семинарии стал М.П.Успасский.

Сентябрь – При Мохченском высшем начальном училище открылись двухгодичные педагогические курсы для подготовки учителей начальных училищ.

Ноябрь – Ф.П.Чукичев и Ф.Д.Малахiev на общем собрании крестьян села Айкино выступили против реализации правительственного военного займа.

26 декабря – усть-сысольский воинский начальник подполковник С.Д.Колпаков запретил издание журнала австрийских военнопленных «Pur la Rate» (журнал размножался на гектографе и выходил полулегально, всего вышло три номера), а полиция конфисковала все номера и гектограф.

1917

– В Печорском уезде проведена сельскохозяйственная перепись. На территории Печорского уезда, расположенной в границах современной Республики Коми, насчитывалось 168 населенных пунктов, в которых имелось 5745 дворов, 35266 жителей.

– Организованы Шошкинское, Сизябское, Деревянское, Небдинское, Вотчинское, Кунибское, Гамское, Зеленецкое, Спасское (Койгородское), Косланское и Сереговское потребительские общества.

– Яренское земское собрание решило ввести в уезде участковую агрономию, разделило уезд на пять участков и введя три должности участковых агрономов.

– В Будапеште издана книга Д.Фокош-Фукса «Коми тексты». Во время I мировой войны Д.Фокош-Фукс изучал коми язык и культуру, беседуя с коми военнопленными в лагерях на территории Венгрии, позднее опубликовав собранные материалы в новой книге «Фольклор коми (зырян)».

Февраль – В Усть-Сысольск прибыла партия австрийских военнопленных (более 400 человек).

Весна 1917 – В Усть-Сысольске организована «Трудовая группа» – политическая организация, близкая партии народных социалистов.

Март – Образована организация партии народных социалистов (энесов) в Яренске (распалась **осенью 1918 г.**).

6–7 марта – Состоялись выборы в уездные Временные комитеты в Яренском и Усть-Сысольском уездах. Комиссарами Временного правительства назначены К.Е.Добряков (Яренский уезд), Н.И.Митюшев (Усть-Сысольский уезд), А.Б.Фукс и Г.Г.Недашковский (Печорский уезд).

7 марта – В Усть-Сысольске по случаю свержения самодержавия прошла городская манифестация.

19 марта – Организован Временный революционный комитет в Нювчиме.

20–21 марта – Создан Временный комитет солдатских депутатов в городе Яренске.

23 марта – В день погребения в Петрограде жертв революции в Усть-Сысольске на Рыночной площади в 11 часов дня отслужили панихиду по павшим жертвам революции.

Апрель – Создан Совет солдатских депутатов усть-сысольского гарнизона.

– Созданы Советы рабочих и служащих на Кажимских заводах.

– Рабочие Сереговского солеваренного завода отстранили управляющего И.Г.Осетрова от руководства завода и избрали комитет для управления заводом.

– В Усть-Сысольске состоялось чрезвычайное уездное земское собрание. Переизбрана земская управа, состав которой расширился с трех до шести человек, председателем управы избран врач Н.А.Бронников.

8 апреля – Состоялось собрание коми солдат Петроградского гарнизона. Участники собрания рекомендовали создать политическую организацию для сплочения демократических сил, рекомендовали в качестве одного из лидеров такой организации А.М.Мартюшева. Резолюция собрания была издана отдельной брошюрой и разослана по волостям Коми края.

14 апреля – Усть-Сысольский и Яренский временные комитеты получили телеграмму Вологодского губернского комитета: «Временное правительство считает настоятельно необходимым охранять работу земского и городского самоуправления, не допуская ее перерыва и расстройств, ведя к согласованию с деятельностью вновь создавшихся общественных организаций до замены ныне действующих органов самоуправления новыми».

17 апреля – Временное правительство приняло «Временное положение о создании милиции (Красной гвардии) при местных органах власти», в соответствии с которым в Коми крае ликвидирована полиция, создана милиция во главе с уездным комиссаром, обязанности которого исполнял председатель земской управы.

19 апреля – Прошла демонстрация рабочих на Нювчимском заводе, вызванная систематическими задержками с выплатой зарплаты.

22 апреля – Нювчимский Совет рабочих и служащих создал «собрание уполномоченных по управлению Кажимскими заводами» в составе трех служащих и шести рабочих. Временным управляющим стал бывший мастер Б.С.Головин.

30 апреля – По инициативе В.Ф.Попова, А.М.Мартюшева, А.Н.Вешнякова основано «Общество обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда». Председателем общества избран В.Ф.Попов.

Май – Под Усть-Сысольском устроен лагерь для военнопленных.

– В Яренске и Усть-Сысольске возникли уездные организации эсеров.

– В Усть-Сысольске под руководством Н.Богословского поставлен первый спектакль на коми языке по пьесе Н.Гоголя «Женитьба». Перевод на коми был осуществлен коллективно.

1 мая – Прекращена деятельность волостных попечительств по призрению семейств нижних чинов, их функции переданы волостным временным комитетам.

18 мая – Вышел первый номер газеты «Известия Общества обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда». Это была первая газета в Коми крае.

30 мая–3 июня – Состоялся первый съезд Советов крестьянских депутатов Яренского уезда.

Лето 1917

– На средства П.П.Рябушинского была организована геологическая экспедиция по изучению Тимана. Руководил работами А.А.Чернов, в экспедиции участвовала В.А.Варсанофьева.

2 июня – Усть-Сысольская земская управа обратилась к волостным комитетам с предложением выбрать представителя от каждой волости для участия в заседаниях уездного земского собрания с правом решающего голоса.

7 июня – Газета «Известия Общества обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда» впервые назвала леса Коми края национальным достоянием.

12 июня – Военнопленный австрийский офицер Г.Хиргинер обратился к усть-сысольскому уездному воинскому начальнику с просьбой о наказании чешского военнопленного рядового А.Свободы, пытавшегося бежать с целью вступить в Чешско-Славянскую бригаду, сформировавшуюся для войны с немцами и австрийцами за независимость Чехословакии.

17 июня – Временное правительство приняло наказ о проведении выборов земских глазных в тех уездах, где ранее не было земств, в том числе и в Печорском уезде Архангельской губернии.

18 июня – В Печорском уезде состоялись выборы уездной земской управы. Председателем избран Н.И.Стародубровский, членами – А.Б.Фукс,

А.В.Попов, Т.А.Синицын, Н.К.Чупров. Из-за отсутствия средств управа к работе не приступила.

20 июня – Вышел первый номер «Яренской газеты».

Июль – На Кажимских заводах побывала комиссия, созданная Временным правительством «для обследования дел на месте».

19 июля – Председатель Усть-Сысольского уездного Временного комитета И.П.Петроканский потребовал от С.Д.Колпакова усилить караулы в лагере для военнопленных и запретить их общение с «посторонними лицами».

23 июля – Состоялись выборы в городскую думу Усть-Сысольска; ее председателем стал В.Ф.Попов.

– На основе Временного комитета солдатских депутатов возник Яренский Совет солдатских депутатов.

24 июля – Проведено общее собрание солдат усть-сысольского гарнизона, по решению которого отстранен от должности начальник усть-сысольского лагеря для военнопленных Соколов.

26 июля – Яренский Совет солдатских депутатов объединился с «Союзом рабочих и служащих г. Яренска и уезда» в Яренский Совет солдатских и рабочих депутатов.

27 июля – Начала работу Печорская уездная земская управа обновленного состава: председатель – А.В.Попов, члены – Н.И.Стародубровский, П.И.Кириллов, Н.К.Чупров.

Август – Начался отъезд военнопленных из усть-сысольского лагеря на родину.

1 августа – Избран Усть-Сысольский городской Совет земледельцев (мещан); председателем исполкома Совета выбрали В.Ф.Попова.

2 августа – В Яренске открылся уездный съезд эсеров (присутствовали 48 человек с правом решающего голоса), создан уездный комитет партии в составе семи человек (председатель – А.А.Черепанов, казначей – М.Ванеев).

6 августа – Открылся второй съезд крестьянских депутатов Яренского уезда. На съезде П.А.Сорокин выдвинут кандидатом в депутаты Учредительного собрания от Яренского уезда.

6–10 августа – Состоялся первый съезд Советов крестьянских депутатов Усть-Сысольского уезда. На съезде П.А.Сорокин выдвинут кандидатом в депутаты Учредительного собрания от Усть-Сысольского уезда. Избран уездный исполком Совета крестьянских депутатов под председательством С.О.Латкина.

14 августа – В Усть-Цильме был организован Печорский уездный избирательный комитет по выборам в волостные земства.

15 августа – Образована кадетская группа под руководством И.П.Петроканского в Усть-Сысольске.

Осень 1917 – Пленных австрийцев, работавших на трассе строительства Камско-Печорской железной дороги и расчистке Северо-Екатерининского канала, отпустили на родину, все работы прекращены.

Сентябрь – Состоялись выборы в уездные земские собрания в Усть-Сысольском и Яренском уездах. Власть в уездах перешла к земствам. С.О.Латкин стал председателем Усть-Сысольской уездной земской управы. В Печорском уезде прошли выборы в волостные земства.

– Во Франции в результате пятидневных столкновений с применением артиллерии в военном лагере Ля-Куртин подавлено выступление 1-й Особой бригады Русского экспедиционного корпуса, требовавшей прекращения военных действий на фронте и отправки в Россию. Одним из организаторов протеста был Савин из Усть-Сысольского уезда. В числе наиболее активных бунтовщиков, арестованных и отправленных в тюрьмы и африканские лагеря, были и уроженцы Коми края (Д.А.Попов из с. Глотова и др.).

– В Кодзильской волости под Усть-Сысольском И.С.Юрьев создал пробольшевистскую солдатскую группу – «ячейку советской власти и партии большевиков».

Октябрь – Состоялись выборы в уездное земское собрание в Печорском уезде.

25 октября (7 ноября) – Общее собрание солдат 90-й Вологодской пехей дружины, сформированной из жителей Усть-Сысольского уезда, высказалось за поддержку Всероссийского съезда Советов, созыв Учредительного собрания, провозглашение перемирия на фронте, отмену смертной казни, рабочий контроль на предприятиях, обложение налогами крупных капиталистов.

27 октября (9 ноября) – В Коми крае узнали о большевистском перевороте в Петрограде. Усть-сысольское уездное земское собрание, городская дума, исполком уездного Совета крестьянских депутатов и представители других организаций приняли на собрании резолюцию, где заявили, что «все действия большевиков толкают Россию к кровавой гражданской войне и анархии», и выразили «решимость не останавливаться в борьбе с захватчиками власти перед самыми суровыми и решительными мерами».

28 октября – Русское товарищество «Нефть» (из Баку) сообщило Яренской уездной земской управе о прекращении поисков нефти на Ухте «ввиду крайней бедности и не дающей особой надежды на промышленную нефть».

29 октября – Состоялось заседание усть-сысольской городской думы «с представителями духовенства». Комитету спасения Родины и революции в Петроград направлена телеграмма: «...гибель России, на которую ведут ее большевики, может быть устранена только единением живых сил страны вокруг комитета спасения Родины и революции и восстановлением коалиционного Временного правительства, – что городская дума ставит себе священным долгом и неотъемлемой обязанностью».

– В Керчомье по инициативе группы бывших военнослужащих создан «Рабочий комитет», занявший пробольшевистскую позицию. Видную роль в его создании и деятельности играл А.П.Гичев.

11 ноября – В Керчомье организован Комитет солдатских депутатов.

12–14 ноября – Проведены выборы в Учредительное собрание. За список кандидатов № 1 (от Совета крестьянских депутатов и партии социалистов-революционеров) в Усть-Сысольском уезде проголосовало 83% избирателей, в Яренском уезде – 87%.

Ночь на 30 ноября (13 декабря) – В Яренске для проведения политики Советского правительства образован Военно-революционный комитет, сместивший начальника милиции и приступивший к учету товаров в магазинах.

30 ноября (13 декабря) – Усть-Сысольский уездный временный комиссар Н.И.Митюшев предложил организовать в Усть-Сысольске военно-народную охрану на случай возможных выступлений пробольшевистских сил.

Декабрь – Ликвидирован лагерь военнопленных в Усть-Сысольске. Часть военнопленных перевели в Яренск, остальных вывезли в другие города.

– Н.И.Соловьев, один из авторов проекта национализации нефтяной промышленности, представил председателю Совнаркома России В.И.Ленину докладную записку, в которой предложил начать промышленное освоение Ухтинского района с организации разведки и добычи нефти. В.И.Ленин поручил заместителю председателя Высшего совета народного хозяйства России Г.И.Ломову передать докладную записку на рассмотрение специалистов.

2 (15) декабря – В Усть-Сысольск для сплочения местных сторонников нового российского большевистско-левоэсеровского правительства по поручению Московской солдатской секции приехала небольшая группа во главе с М.Ф.Зайковым (по партийной принадлежности – «сочувствующий левым эсерам»).

5 (18) декабря – Общее собрание служащих Усть-Сысольска выразило протест против захвата власти в стране большевиками. Текст резолюции подготовили В.Ф.Попов и А.Н.Вешняков.

8 (21) декабря – Председатель Усть-Сысольской уездной земской управы С.О.Латкин распорядился «ввиду протеста против власти большевиков... немедленно изъять из употребления всю большевистскую литературу» в библиотеках.

9 (22) декабря – Союз служащих казенных и общественных учреждений Усть-Сысольского уезда решил не подчиняться указам и декретам большевистского правительства.

11 (24) декабря – Чрезвычайное собрание Усть-Сысольской городской думы с участием представителей земства, воинских частей и представителей горожан постановило организовать народно-охранную дружину под руководством прапорщика И.И.Евтушенко.

14 (27) декабря – Усть-Сысольская уездная земская управа постановила «лишить права поступления на службу в Усть-Сысольское земство» бывшего земского служащего ветеринарного фельдшера М.Ф.Зайкова из-за его политических взглядов, лишить пособия его семью.

19 декабря (1 января 1918) – В Усть-Сысольске группа демобилизованных солдат при участии некоторого числа жителей городских окраин объявила о своей поддержке Октябрьского переворота в Петрограде, о переизбрании Совета солдат местного гарнизона и потребовала передачи власти избранному на этом собрании новому Совету солдатских депутатов. Секретарь нового Совета А.Хатанзейский сообщил о произошедшем в Совнарком и попросил: «Просим указать, куда нам обращаться за помощью о свержении старого Совета?»

Между 20 и 22 декабря (2–4 января 1918) – В Усть-Сысольске появился пробольшевистский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов во главе с С.П.Малыгиным и И.С.Юревым, организованный на собрании жителей пригородных слободок (где жила, в основном, беднота).

24 декабря (6 января 1918) – В Керчомье создали волостную организацию большевиков под председательством А.П.Гичева – первую большевистскую организацию в Коми крае.

25 декабря (7 января 1918) – Керчомские Рабочий комитет и Комитет солдатских депутатов объединились в Комитет рабочих и солдатских депутатов, позднее взявший на себя функции волостного Совета. Отправлена телеграмма Усть-Сысольскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с просьбой помочь оружием.

26 декабря (8 января 1918) – В Керчомье организован отряд Красной гвардии.

27 декабря (9 января 1918) – В Важгортской волости 87 граждан (из 1520) на своем собрании переизбрали состав волостного земства.

31 декабря (11 января 1918) – Керчомский «Комитет рабочих и солдатских депутатов» направил В.И.Ленину телеграмму: «...Решено немедленно произвести перевыборы всех старых гласных, как противников нового строя, выбрать новых из солдат. Просим дать распоряжения. Ждем скорого ответа».

Конец 1917 – Состоялся I съезд представителей кооперативов Усть-Сысольского уезда.

– В Усть-Сысольске открылась первая общественная пекарня, располагавшаяся на улице Никольской (позднее – Пролетарской, ныне – Пушкина), дом 3. Эта пекарня действовала до 1949 года.

1918

– На базе нескольких библиотек Усть-Сысольска была создана уездная общественная библиотека.

– Возобновлена работа Усть-Сысольского музея; его общественным директором являлся А.В.Холопов.

– В Усть-Сысольске открылся детский сад.

– Открылась учительская семинария в Усть-Выми.

– Впервые в советский период демонстрировались кинокартины в Усть-Сысольске (в клубе «Звезда» по инициативе М.В.Петрова) и Выльгорт. В Усть-Сысольске и уезде имелось три кинопередвижки.

– Из Мезенского уезда выделился Усть-Вашский уезд, в состав которого вошла и Пысская волость.

– Село Кипиево стало центром волости.

– Организованы Диюрское и Пижемское потребительские общества.

Январь – В Красноборской волости Печорского уезда демобилизованные солдаты создали группу большевиков численностью около 40 человек; председатель – И.А.Семяшкин.

17 января – Проведен Учредительный съезд Советов Усть-Сысольского уезда, избран уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как высший орган власти в уезде, установлена советская власть в уезде. Председателем Совета избран А.М.Мартюшев. В конце работы съезда Д.Я.Попов заявил: «Сегодня... я могу свободно сказать вам о чрезвычайной важности автономии для нашего края, по примеру других автономных единиц. Богатство нашего Севера и открывающиеся после войны перспективы позволяют нам создать свою автономную единицу. Нам, зырянам, имеющим особые условия быта, мировоззрения и языка, надо стремиться к этому, не считаясь с требованиями и интересами других... Мы должны... заявить о самостоятельности края. В будущем у нас должен быть собственный маленький парламент, устроенный по типу, принятому в Американских Соединенных Штатах».

18 января – Состоялось организационное собрание Усть-Сысольского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, избран исполком Совета в составе 16 чел. Председателем исполкома избран А.М.Мартюшев.

19 января – Нарком внутренних дел России Г.И.Петровский прислал в Керчь ответ на телеграмму местного Комитета рабочих и солдатских депутатов: «Проявляйте больше революционной инициативы, действуйте в принятом вами направлении».

23 января – В селе Ижма состоялось организационное собрание по выборам в волостной Совет (в состав оргкомиссии входили Ф.П.Попов, М.Филиппов и Канев; организация Совета шла по указанию Н.И.Зыкова). Был организован первый в Печорском уезде Совет под председательством Ф.П.Попова. **24 января** Совет приступил к работе. Волостная земская управа сдала ключи Совету. Организована милиция из 6 человек.

14 февраля – В губернской газете «Северо-Двинский край» появилась публикация о возможности создания автономии для зырян. Это было первое выступление в органах массовой информации о Коми автономии.

25 февраля – В селе Мохча по инициативе Н.И.Зыкова организован Совет.

Весна 1918 – В.А.Молодцов завершил работу над созданием коми алфавита.

– Усть-Ухтинский Совет поставил вопрос о национализации ухтинских нефтепромыслов и конфисковал имевшиеся там запасы нефти.

Март – III Яренский уездный съезд крестьянских депутатов объявил об установлении советской власти в Яренском уезде. Уездный исполком Совета оставался на меньшевистских позициях.

– В Усть-Цильме состоялся I Печорский уездный съезд Советов крестьянских депутатов, избран исполком, но власть осталась у земских органов.

– Арестованы и заключены в тюрьму председатель Усть-Сысольской земской управы С.О.Латкин и заместитель председателя Усть-Сысольского уездного исполкома Совета крестьянских депутатов А.В.Старцев, обвиненные в выступлениях против советской власти.

1 марта – В Усть-Цильме по инициативе А.А.Хатанзейского создана Печорская уездная фракция большевиков.

3 марта – Россия заключила сепаратный Брестский мир с Германией и ее союзниками.

– Священник Д.Я.Попов организовал в Усть-Сысольске манифестацию с красными флагами.

5 марта – В селе Вильгорт создано «Общество обновления жизни Коми» под председательством А.А.Чеусова.

5–14 марта – В Яренске прошел III уездный съезд крестьянских депутатов, объявивший об установлении Советской власти в уезде. Главным уездным органом власти стал Совет крестьянских депутатов и его исполком, стоявшие на небольшевистских позициях.

16 марта – В Керчомье волостной Совет потребовал от волостной земской управы передачи всех дел и власти в его руки. Произошли вооруженные столкновения между сторонниками Совета и земской управы.

17 марта власть в волости перешла в руки Совета.

18 марта – На Нювчимском заводе организована контрольная комиссия рабочих для наблюдения за производственной деятельностью.

23 марта – 2 апреля – Состоялся I съезд Советов Усть-Сысольского уезда, принявший решение ликвидировать земские органы.

31 марта – Усть-Сысольское уездное попечительство по призрению семейств нижних чинов преобразовано в Усть-Сысольский отдел по призрению семейств воинских чинов, подчинявшийся уездному комиссару социального обеспечения. (В июне 1918 отдел реорганизован в подотдел пайка при уездном отделе социального обеспечения).

Апрель – Жители Нижегородского уезда П.Иванов и Н.Киселев направили В.И.Ленину сообщение о наличии нефти в Ухтинском районе, описание района и историю разведки нефти на Ухте. В.И.Ленин направиł письмо в ВСНХ с предложением организовать производство «жидкого топлива».

– Организован культурно-просветительский кружок в Помоздино.

9 апреля – В селе Корткерос организован первый культурно-просветительный кружок «Народный дом».

14 апреля – В Усть-Цильме состоялся II уездный съезд Советов, провозглашена советская власть и ликвидированы земские органы в Печорском уезде. Уездный исполком Совета оставался на небольшевистских позициях.

19 апреля – В Пустозерске на волостном съезде Советов выдвинуто предложение об объединении Пустозерской волости с частью селений Усть-Цилемской волости (относившихся к Бугаевской, Росвинской и Ёрмицкой сельским управам) и выделении их из Печорского уезда в самостоятельный Нижне-Печорский уезд. Предполагалось решить этот вопрос на объединительном съезде, намеченном на 25 апреля 1918 г. в селе Великовисочном.

24 апреля – Исполком Усть-Сысольского уездного Совета депутатов распорядился «принять меры к изъятию из надписи на здании женской

гимназии слова «Александринской», а на бланках это слово зачеркивать». С **июня 1918 г.** это – 2-я гимназия города Усть-Сысольска.

26 апреля – В селе Корткерос состоялось первое театральное представление на коми языке в Коми крае – пьеса А.Островского «Бедность не порок», поставленная культурно-просветительским кружком; перевод А.А. и И.А.Сухановых.

27 апреля – Вышел первый номер газеты «Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов».

Май – В Усть-Сысольск прибыла О.Л.Керенская (жена премьер-министра Временного революционного правительства) с детьми.

– Пермский университет предложил ВСНХ исследовать лесные, рыбные, пушные и минеральные богатства в бассейне Печоры, организовав специальную Печорскую экспедицию.

13 мая – Организован Усть-Сысольский уездный военкомат (военкомы И.М.Елькин и Н.В.Цивилев).

15 мая – Организован Усть-Сысольский городской Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

– Усть-Сысольский уездный исполком «ввиду острого продовольственного кризиса» запретил въезд в уезд «ищущим работы и желающим поселиться»; «прибывающие без разрешения... будут выселяться принудительным порядком обратно».

27 мая – Убит председатель Мохченского Совдепа Н.И.Зыков.

– ВЦИК принял «Закон о лесах», предусматривавший увеличение лесозаготовок на Севере и вывоз лесопроductии за границу через Архангельск и устье реки Печоры.

28 мая – Архангельский губисполком решил направить на нижнюю Печору через Усть-Сысольск отряд под руководством С.Н.Ларионова, назначенного военным комиссаром Печорского края.

– Из Усть-Сысольска в Устюг в распоряжение губернского военкома направлен первый отряд добровольцев (29 чел.).

Май–июнь – Состоялось усть-сысольское учительское совещание, на котором выступил коми лингвист В.А.Молодцов, он ознакомил его участников с разработанным им алфавитом коми языка и коми грамматикой.

Лето 1918 – Ликвидирован лагерь военнопленных в Яренске; военнопленных вывезли в Ярославль.

– Проведена первая национализация речного транспорта на Печоре; после падения советской власти речной флот вновь перешел в частное владение.

– Московские геологи вели работы в Коми крае: О.К.Ланге – в бассейне Выми, А.Б.Миссуна – в бассейне Вишеры, И.Д.Пазиллов – на Вычегде, С.В.Обручев – на Южном Тимане.

– В бассейне Печоры работала геологическая экспедиция А.А.Чернова, организованная на частные средства. В экспедиции участвовали Е.Д.Сошкина, Д.М.Раузер, Н.А.Емельянова.

– Главный нефтяной комитет провел исследования Ухтинского нефтеносного района и принял решение в 1919 г. заложить здесь две разведочные скважины.

Июнь – Экспедиционный отряд пермских чекистов расстрелял в Савиноборе В.К.Мезенцева и А.Е.Попова, обвиненных в принадлежности к врагам советской власти. По тому же основанию арестован председатель Савиноборского волисполкома А.П.Мезенцев.

– В Усть-Сысольском и Яренском уездах были образованы левозерские парторганизации.

– Упразднена земская почта; почтово-телеграфная контора передана в подчинение Северо-Двинского губернского почтово-телеграфного управления.

– Сгорел лесозавод «Стелла Поларе» в низовьях Печоры.

4 июня – Из Усть-Сысольска в Красную Армию направлен второй отряд добровольцев (25 чел.).

– Ученый И.М.Губкин предложил коллегии Главного нефтяного комитета организовать разведку нефти на Ухте; принято решение совместно с Геологическим комитетом послать на Ухту экспедицию.

6 июня– 29 добровольцев из Усть-Сысольского уезда направлены в Архангельск для службы в Красной Армии.

10 июня – Из Усть-Сысольска отправлены еще 29 человек, пожелавших вступить в Красную Армию.

– Вышел первый номер газеты «Зырянская жизнь» (редактор Д.С.Попов).

13 июня – П.А.Сорокин прочитал в Яренске лекцию «О текущем положении».

13–14 июня – Жители одной из окраин Усть-Сысольска попытались захватить имение Кузьбожевых в Човью. Произошли вооруженные столкновения между ними и представителями уездной советской власти. Погиб председатель земельного отдела Усть-Сысольского горсовета Х.Ф.Кудинов.

15 июня – По инициативе командира прибывшего в Усть-Сысольск красноармейского отряда С.Н.Ларионова был отстранен от власти председатель уездного Совета А.М.Мартюшев и несколько членов испол-

кома. В исполком ввели нескольких большевиков и сочувствующих им; начальником милиции назначен русский большевик И.П.Андреанов.

– Создано Усть-Сысольское уездное управление милиции.

16 июня – По инициативе С.Н.Ларионова была создана большевистская организация Усть-Сысольского уезда под председательством И.П.Андреанова.

17 июня – В Великом Устюге съезд представителей Сольвычегодского, Велико-Устюжского, Никольского, Яренского и Усть-Сысольского уездов большинством голосов решил образовать Северо-Двинскую губернию, в состав которой должны были войти названные уезды. Представители Яренского и Усть-Сысольского уездов отказались от вхождения в новую губернию.

18 июня – Участники учительских курсов в Яренске поставили первый в Яренском уезде спектакль на коми языке по пьесе К.Лукашевича «Веселые дни» («Гажа лунъяс»). После спектакля дан концерт коми народных песен.

20 июня – Организована Корткеросская ячейка РКП(б).

22 июня – В Яренске (возможно, по инициативе П.А.Сорокина) создано общество «Коми котыр» («Союз содействия материальному и духовному развитию Зырянского края»). В его состав вошли А.С.Сидоров (председатель оргкомитета), В.А.Молодцов, Д.А.Батиев, В.И.Лыткин и другие.

– Газета «Зырянская жизнь» начала печатать материалы на коми языке; опубликовано стихотворение Н.А.Шахова «Водзо».

28 июня – Принят декрет Совнаркома РСФСР о национализации, в соответствии с которым в Коми крае был национализирован Сереговский солеваренный завод.

30 июня – Ликвидированы земства в Яренском уезде.

Июль – В Усть-Сысольске для политического воспитания и организации полезного досуга, направленного «на выработку стройного и цельного пролетарского классового самосознания», открылся клуб «Звезда»; членами клуба являлись коммунисты (позднее – также комсомольцы и красноармейцы), посещать заседания могли все желающие; деятельностью клуба руководило правление.

– Инженер В.И.Стукачев, руководивший бурением скважин на Ухте в 1910–1913 гг., высказался за разработку ухтинской нефти.

– Экспедиционный отряд С.Н.Ларионова расстрелял в селе Мохча зажиточных крестьян Хозяинова и Терентьева, обвиненных в подготовке убийства Н.И.Зыкова.

– Состоялся IV яренский уездный съезд крестьянских депутатов, который отверг статью Конституции РСФСР о лишении избирательных прав лиц, пользующихся наемным трудом.

4–10 июля – В Усть-Сысольске проходил II уездный съезд Советов. Съезд осудил смещение А.М.Мартюшева с поста председателя исполкома, отверг декрет о комбедах, избрал исполком, в котором коммунисты не получили большинства.

6 июля – Из Вологодской губернии выделена Северо-Двинская губерния в составе 5 уездов, в том числе Усть-Сысольского и Яренского.

7 июля – Чрезвычайное яренское уездное земское собрание постановило передать дела и имущество земской управы уездному Совету.

10 июля 1918 – В Москву (в Красную Армию) из Усть-Сысольска отправлены 10 добровольцев.

12 июля – 17 крестьян-бедняков из деревни Талица Слудской волости Орловского уезда Вятской губернии образовали в урочище «Черная парма» одну из первых коммун на территории Коми края «Выль моз (По-новому)». Коммуна просуществовала до **1931 г.**

13 июля – Председатель СНК РСФСР В.И.Ленин подписал постановление Малого Совнаркома от 12 июля о невозможности снаряжения Печорской экспедиции в 1918 г. Постановление предлагало ВСНХ составить смету расходов на предварительные обследования нефтяных и угольных месторождений Печорского края.

18 июля – Из Усть-Сысольска для службы в Красной Армии отправлены 4 добровольца, **19 июля** – еще 28.

21 июля – Усть-сысольские большевики приняли решение взять власть в уезде в свои руки, создали специальную чрезвычайную комиссию по подготовке переворота.

22 июля – Большевики захватили власть в Усть-Сысольском уезде, отстранили председателя уездисполкома А.Ф.Богданова и нескольких членов исполкома.

– В селе Корткерос арестованы пять крестьян, обвиненных в игнорировании распоряжений советской власти, оскорблении членов волисполкома и волостной милиции.

23 июля – Образована Усть-Сысольская уездная ЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

27 июля – В губернский военкомат в Устюг отправлены 15 добровольцев из Усть-Сысольского уезда.

31 июля–5 августа – Состоялся первый съезд Усть-Сысольского уездного совета по народному образованию, высказавшийся за введение преподавания в школах на коми языке.

Июль–август – По указанию В.И.Ленина на Ухте работала экспедиция Геологического комитета ВСНХ (геологи Г.П.Калицкий и А.А.Стоянов), которая, по оценке И.М.Губкина, проделала большую работу и вернулась с ценными результатами.

Август – Началась гражданская война на Севере. Образован Печорский район Северного фронта белых под командованием полковника П.Ф.Естифеева.

– Создан общегородской комбед в Усть-Сысольске (председатель Н.П.Багин).

– В Коми крае завершилось создание трех уездных и 105 волостных военных комиссариатов.

– Первый коми летчик П.А.Истомин участвовал в перегонке двух аэропланов для Северного фронта из Петрограда в Котлас в качестве командира экипажа.

– Главный нефтяной комитет РСФСР решил направить в 1919 г. новую экспедицию на Ухту для организации буровых работ и постройки керосинового завода.

– Руководство Северо-Двинской губернии выделило 150 тыс. рублей «для усиления эксплуатации ухтинской нефти, покупки инструментов и на другие расходы».

– Организованы Гривенская и Шокинская ячейки РКП(б).

1 августа – Усть-Сысольская уездная ЧК расследовала дело по обвинению бывшего редактора «Зырянской жизни» Д.С.Попова в анти-советской агитации и постановила: «Суду революционного трибунала не предавать, но впредь предупредить, чтобы в газетных статьях не умалять значение Советской власти».

3 августа – Получено подтверждение Наркомата внутренних дел РСФСР о создании Северо-Двинской губернии и о включении в ее состав Яренского и Усть-Сысольского уездов.

4 августа – Организован комбед в д. Сюзяб.

7 августа – В Красную Армию отправлены из Усть-Сысольска 11 добровольцев.

9 августа – Организована Визингская ячейка РКП(б).

13 августа – III Чрезвычайный съезд Советов Печорского уезда признал белогвардейское правительство Северной области и объявил о ликвидации советской власти в уезде.

– В связи с появлением белых на средней Мезени и нижней Вашке в Усть-Сысольске организован Чрезвычайный революционный штаб.

15 августа – Принято решение большевистского Усть-Сысольского уездисполкома о запрещении публикации журнала работы второго съезда Советов Усть-Сысольского уезда – первая большевистская цензура.

16 августа – В устье реки Печоры из Архангельска на пароходе «Сергей Витте» прибыл первый белогвардейский отряд. Разведав обстановку на Нижней Печоре, произведя аресты нескольких коммунистических и рабочих активистов (некоторые из которых «по их малой виновности» были отпущены на свободу), отряд отбыл в Архангельск.

17 августа – Организована Межадорская ячейка РКП(б).

18 августа – В газете «Зырянская жизнь» появилась первая публикация В.А.Савина – стихотворение «Гёрд звон» («Красный звон»), подписанное Нёбдінса Виттор.

19 августа – В Усть-Сысольск поступило телеграфное распоряжение Котласской ЧК об аресте жены А.Ф.Керенского О.Л.Керенской.

– Организованы комбеды в Деревянской волости.

– В Красную армию из Усть-Сысольска отправлены 27 добровольцев.

20 августа – На квартире Керенской в Кочпоне был устроен обыск в поисках «подозрительного». В **конце августа 1918 г.** Керенская и ее семья были этапированы из Усть-Сысольска в Котлас.

– Из Усть-Сысольска в Котлас в распоряжение командующего Котласским районом направлены 50 добровольцев.

21–22 августа – Произошли первые вооруженные столкновения между красными и белыми в Коми крае у села Усть-Цильма.

22 августа – Чрезвычайный революционный штаб в Усть-Сысольске преобразован в Усть-Сысольский уездный Военный совет (пред. уездвоенком И.Г.Казаков).

23 августа – Усть-Сысольский уездный военкомат опубликовал воззвание «Социалистическое Отечество в опасности!», призвав жителей уезда вступать в Красную Армию.

25–27 августа – В Усть-Выми состоялся зырянский педагогический съезд, на котором обсуждались вопросы преподавания в школах на коми языке, создании коми художественной литературы и коми литературного языка. Делегатами съезда были В.И.Лыткин, А.А.Суханова, А.Н.Надеев, А.А.Маегов и другие.

27 августа – В газете «Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов» появились первые публикации В.И.Лыткина – стихотворения «Сир шог олём» и «Сувталёй, коми йёз, чеччёй».

28 августа – В Усть-Сысольск прибыл отряд корпуса войск советской охраны под командованием М.Мандельбаума.

Конец августа – В связи с началом гражданской войны на Севере вся «буржуазия» Яренска арестована и отправлена на тыловые работы по созданию оборонительных сооружений под Котласом.

Осень 1918 – Установлен рабочий контроль на Кажимском, Нью-чимском и Нючпасском заводах, фактически произведена их национализация (формально акты о национализации заводов были изданы позднее). Отменены сделки и договоры русских и иностранных промышленников с местными подрядчиками и лесопромышленными фирмами, конфискованы лесоматериалы, заготовленные частными лицами; началась ликвидация частной собственности в лесной промышленности Коми края.

Сентябрь – Усть-сыольский уездный съезд Советов признал желательным «изучение зырянского языка во всех средних учебных заведениях города Усть-Сыольска и уезда в качестве необязательного предмета, а в учительской семинарии в качестве обязательного». Преподавателем коми языка в учительской семинарии стал В.А.Молодцов.

– Яренский уездный совет предложил ВСНХ организовать на Ухте нефтяной промысел и нефтеперегонный завод.

– Белогвардейцы арестовали группу советских деятелей Печорского уезда (23 человека, в том числе Б.К.Кендзерского, агитатора Артеева, Торопова, Кычика, красноармейцев из отряда С.Н.Ларионова Терентьева, Вокуева, члена экспедиции «Уралснабжение» Бабина и других) и отправили их по этапу в Архангельск. Во время этапа Б.К.Кендзерский без суда был расстрелян в деревне Оксина.

– Организованы Пыелдинская, Богородская, Ручевская, Озельская и Объячевская ячейки РКП(б).

1 сентября – В Яренске по инициативе С.А.Жавнера (представителя командующего Котласским районом боевых действий) возникла коммунистическая ячейка.

2–7 сентября – В Великом Устюге состоялся первый съезд коммунистов Северо-Двинской губернии. 52 из 98 делегатов представляли Усть-Сыольский уезд. Съезд выдвинул на должность председателя губернской ЧК представителя Усть-Сыольского уезда В.И.Сорвачева.

5 сентября – Расстрелян «за агитацию против Советской власти» священник из села Мордино В.Н.Юшков.

– Организована Лозымская ячейка РКП(б).

6 сентября – В деревне Граддор убит активист комбеда А.В.Сивков.

– Жавнер, Хуппонен-Мурзин и Вороновский создали в Яренске уездную ЧК.

– В с. Черныш организован временный комитет Чернышской группы партии коммунистов из 5 чел. (ячейка зарегистрирована **9 сентября**).

7 сентября – Организована Койгородская ячейка РКП(б).

8 сентября – На берегу реки Вычегды у местечка Озел советский командующий Печорским краем М.Мандельбаум расстрелял трех жен-

щин Н.П.Кузьбожеву, Н.А.Кузьбожеву и И.И.Макарьину, причем последней было всего 17 лет. Поводом для расстрела послужил отказ владельцев имения «Човью» Кузьбожевых выдать лошадей для экспедиции.

– Организована Маджская ячейка РКП(б).

9 сентября – В Керчомье убит советский активист А.П.Гичев.

– Организованы Ношульская и Додзская ячейки РКП(б).

11 сентября – В Керчомье отрядом М.Мандельбаума расстреляны крестьяне А.С.Жикин, А.В.Самарин и М.С.Тарабукин, ошибочно обвиненные в убийстве А.П.Гичева. В селе арестовано около 30 человек, жители обложены контрибуцией в размере 30 тыс. рублей.

– В Гарьинской волости по инициативе зажиточных крестьян проведены перевыборы Совета, но посланный из Усть-Сысольска вооруженный отряд отменил их результаты и восстановил у власти бедноту. Два инициатора перевыборов расстреляны.

12 сентября – Организована Пожегодская ячейка РКП(б).

13 сентября – Организована Усть-Немская ячейка РКП(б).

13–14 сентября – При Усть-Сысольском уездном отделе народного образования создано первое коми литературное общество «Асья кыа». В оргкомитет общества вошли Д.Я.Попов, С.М.Рочев, А.А.Маегов, Д.С.Попов, И.М.Коданев, В.П.Юркин.

14 сентября – Захват большевиками под предводительством Хупонена-Мурзина и братьев Покровских власти в Яренском уезде. Пять членов Яренского уездисполкома (в числе которых председатель уездисполкома Д.И.Козлов, комиссар земледелия А.А.Айбабин, комиссар финансов А.А.Соколов и другие) арестованы по обвинению в «саботировании перед Советской властью».

– Усть-Сысольский уездный исполком принял предложение уездного отдела народного образования от 13 сентября и постановил «возбудить ходатайство перед Наркомнацем о принятии представителя от зырян Яренского и Усть-Сысольского уездов и разрешении ему организовать при Наркомнаце зырянский отдел».

15 сентября – В селе Усть-Нем отрядом М.Мандельбаума за «проповеди против Советской власти» расстрелян священник Д.Спасский.

– Организованы Большелугская и Сюзябская ячейки РКП(б).

16 сентября – Организованы Слободская, Спаспурбская и Важкурская ячейки РКП(б).

17 сентября – Организована Киберская ячейка РКП(б).

– В Красную армию из Усть-Сысольска отправлены 25 добровольцев.

19 сентября – Организована Носимская ячейка РКП(б).

20 сентября – Организована Позтыкеросская ячейка РКП(б).

22 сентября – Организованы Сторожевская и Мыелдинская ячейки РКП(б).

24 сентября – По приговору Котласского полевого ревтрибунала расстреляна группа общественно-политических деятелей из Усть-Сысольского уезда, среди которых были бывший комиссар Временного правительства в Усть-Сысольском уезде Н.И.Митюшев, И.П.Петроканский, А.Веллинг, Л.А.Ленин, С.С.Клочков, А.Г.Харьюзов, В.Городецкий, В.И.Сидоров.

– Создан комитет бедноты в Троицко-Печорске.

25 сентября – Организована Вомынская ячейка РКП(б).

26 сентября – Экспедиция Путиловского завода под руководством А.Ф.Вайполины прибыла из Петрограда на реку Ухту, обследовала буровые скважины, собрала коллекцию горных пород, взяла пробы нефти и газа.

– На Удору для конфискации крестьянского хлеба отбыл яренский продотряд Н.И.Ворсина.

27 сентября – Усть-Цильму захватил сводный красный отряд под командованием М.Мандельбаума и братьями Э.Ф. и Ф.Ф.Аппога. Симпатизировавшие белым лица, в том числе правительственный комиссар Г.Козлов, судья Г.Филиппов, священник И.Суровцев, инспектор народных училищ Долинов, председатель продкомитета В.М.Воробьев, казначей Семиряков и другие (точное число не установлено) были расстреляны.

28 сентября – Организована Нювчимская ячейка РКП(б).

29 сентября – Болгария подписала акт о капитуляции.

– Общее собрание жителей с. Межадор постановило прекратить в селе самогонование. «Все лица, замеченные в винокурении или пьяными после 3 октября с.г., будут немедленно арестовываться и направляться в Усть-Сысольск на суд революционного трибунала».

– На Северо-Двинский фронт из Усть-Сысольского уезда отправлена коммунистическая рота им. Куликова (223 чел., из них 91 чел. из Шошгинской волости).

Октябрь – Подпоручик Н.Калининский стал издавать рукописную газету «Важгортский листок».

– Ученый И.М.Губкин высказал мнение о наличии в Коми крае газовых месторождений.

– Образован Усть-Сысольский уездный лесозаготовительный округ для организации лесозаготовительных работ, обеспечения дровами жителей и учреждений города Усть-Сысольска (упразднен в августе 1921 г.).

– В Савиноборе помощник М.Мандельбаума В.Е.Исаков убил члена местного комбеда.

– По постановлению Яренской ЧК в Яренске расстреляны член Яренской земской управы Ф.И.Мартюшев и торговец А.Е.Вурдов.

– Организованы Нючпасская, Читаевская и Вольдинская ячейки РКП(б), официально зарегистрирована Керчемская ячейка.

1 октября – Организованы Пезмогская и Небдинская ячейки РКП(б).

1 и 6 октября – В Котлас в коммунистическую роту им. Куликова направлены 155 коммунистов из Усть-Сысольского уезда.

2 октября – В Красную Армию из Усть-Сысольска отправлены 73 добровольца.

5 октября – Образован отдел уголовного розыска Усть-Сысольской уездной милиции.

6 октября – Организованы Гарьинская, Чухломская и Ыбская ячейки РКП(б).

7 октября – Усть-Сысольским уездным советом по народному образованию организованы школьно-санитарный отдел и комиссия о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях (в России эти комиссии стали создаваться с 14 января 1918 г.).

8 октября – Комиссар Усть-Сысольского продовольственного отдела Е.М.Мишарин телеграфировал из Москвы в Усть-Сысольск о выделении Наркомпродом по личному указанию В.И.Ленина продовольствия для голодающего Коми края в размере 105 тыс. пудов хлеба. Однако хлеб так и не был доставлен в Коми край.

– Организована Мординская ячейка РКП(б).

9 октября – В Усть-Сысольске по постановлению уездной ЧК расстреляны А.В.Чудов и Е.Г.Чудов из села Гарья, обвиненные в организации незаконных перевыборов Гарьинского волисполкома.

– Организована Пажгинская ячейка РКП(б).

10 октября – Организована Вочевская ячейка РКП(б).

14 октября – Организована Вильгортская ячейка РКП(б).

15 октября – Организованы Кажимская и Деревянская ячейки РКП(б).

16 октября – Произошел бой под селом Важгорт между красным отрядом Н.И.Ворсина и белым отрядом подпоручика Н.Калининского.

– В распоряжение губернского военкома в Устюг отправлен 51 доброволец из Усть-Сысольского уезда

18 октября – В Помоздинской волости организована ячейка коммунистов.

19 октября – Организована Скородумская ячейка РКП(б).

20 октября – В с. Пожег организована ячейка коммунистов.

21 октября – Усть-Сысольский комитет РКП(б) направил волостным партиейкам, Советам и комбедам указания о недопущении впредь наложения контрибуции на середняков.

23 октября – Произошло покушение на секретаря Лозымского вол-исполкома Н.Макарова, группа покушавшихся арестована, один из них ранен.

24 октября – В распоряжение 1-го Советского полка отправлены 82 добровольца из Усть-Сысольского уезда.

25 октября – Организована Аныбская ячейка РКП(б).

– Коллегия Усть-Сысольского отдела народного образования постановила переименовать гимназию № 2 (бывшая женская гимназия) «в советскую школу II ступени № 2».

27 октября – Организованы Усть-Куломская и Подъельская ячейки РКП(б).

– В Пустозерске состоялся съезд кооператоров нижнепечорских селений.

28 октября – Усть-Сысольский уездный отдел народного образования утвердил устав Тентюковского культурно-просветительного кружка «Коми кыа».

29 октября – Организована коммунистическая ячейка в Усть-Немской волости.

30 октября – Турция подписала акт о капитуляции.

– В Подъельске объединенное заседание ячейки большевиков, Совета и комбеда постановило отобрать церковные земли вместе с хозяйственным инвентарем и домами и передать их Совету.

Октябрь–ноябрь – Вспыхнула эпидемия «испанки» на Печоре.

Ноябрь – Из Усть-Цильмы в низовья Печоры отправлен для установления советской власти красногвардейский отряд П.Ф.Артеева. Нижнепечорское население организовало свои вооруженные отряды и оказало сопротивление красногвардейцам. После боя у села Великовисочного П.Ф.Артеев вынужден был отступить в сторону Усть-Цильмы. По дороге его отряд почти полностью был уничтожен местным населением.

– Белая газета «Северное утро» сообщила, что большевики утопили в проруби двух арестантов из усть-цилемской уездной тюрьмы. Всего в тюрьме содержалось около 40 узников. Часть арестованных подверглась пыткам, как, например, Георгиевский кавалер К.Филиппов. Всего на Печоре до прихода белых содержалось в тюрьмах около 100 человек.

– В Усть-Сысольске открылась артельная мастерская дамских и детских нарядов.

2 ноября – В Архангельске по приговору Особого военного суда расстреляны С.Н.Ларионов и члены его печорского советского экспедиционного отряда комиссар В.Шарыгин, красноармейцы М.Георгиевский, И.Комаров, Я.Якубчик, И.Дьячков. 11 красноармейцев были приговорены к бессрочной каторге.

2-4 ноября – В лесу под Керчомьей расстреляны С.В.Самарин и В.С.Самарин, обвинявшиеся в убийстве А.П.Гичева и волостного дружинника В.А.Жикина. В качестве доказательства исполнения приговора у убитых были отрублены кисти рук и представлены вышестоящему начальству.

3 ноября – Австро-Венгрия подписала акт о капитуляции.

– Яренский уком РКП(б) постановил «произвести чистку рядов партии в городских и волостных ячейках от негодных для партии элементов».

4 ноября – В распоряжение Вологодского полка отправлены 108 добровольцев из Усть-Сысольского уезда

7 ноября – В с. Палауз поставлена пьеса «Раздор» на коми языке. «Население очень сочувственно отнеслось к спектаклю».

7–11 ноября – Первая годовщина Октябрьского переворота в Усть-Сысольске, отмеченная поголовным пьянством городской и уездной администрации и арестами недовольных этим коммунистов (около 20 человек). Инициаторы «празднования» М.М.Ляпунов, В.П.Осипов, А.А.Кузнецов, В.И.Чуистов и другие впоследствии сняты с должностей и отданы под трибунал. К празднику улицы и площади города Усть-Сысольска переименованы следующим образом: Спасская – в Советскую, Трехсвятительская – в Коммунистическую, Предтечная – в Трудовую, Покровская – в Республиканскую, Троицкая – в Ленина, Георгиевская – в Интернациональную, Западно-Загородная – в Коми-грезд, Никольская – в Пролетарскую, Сухановская – в Рабочую, Южная-Загородная – в Крестьянскую, Базарная площадь – в Народную, Стефановская площадь – в Красную. Старыми остались только названия Набережной и Северо-Загородной улиц.

9 ноября – В селе Скородум арестована группа крестьян из 9 человек (по другой информации, 23 человека), обвиненных в контрреволюционном заговоре. Волостной комиссар Корнаков запросил уездное руководство: «Ввиду распутицы, препятствующей препровождению их в уезд, может ли местная власть вынести осуждение вплоть до расстрела после произведения следствия?» Судьба арестованных неизвестна.

11 ноября – Германия подписала акт о капитуляции.

А.В.Юркин
ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК

Александр Васильевич Юркин родился 11 сентября 1926 года в с. Слобода Сыктывдинского района (территория совр. Эжвинского района г. Сыктывкара). Служил в Красной Армии с 23 февраля 1943 года по 23 марта 1950 года. Умер 28.03.1984 г. в г. Сыктывкаре.

Война !

Находимся в городе с младшей сестрой и слушаем по радио выступление Молотова о том, что в нашу страну вероломно вторгся Гитлер. Народ стоит под репродуктором изо всех сил напрягая слух, чтобы уловить каждое слово, выходящее из репродуктора, кругом слезы, крик, рев – всё смешалось. Буквально на следующий день пароход за паромом отправляют на бойню живых людей, появились и «герои» своего рода.

Один хвастун, наш сосед, выхвастывал по пути, когда провожала его семья и другие родные, что, мол, «попадет пуля в руку – отшвырну, в ногу – пну, а в голову попадет – сама соскочит», но от такого хвастуна даже родные не могли получить ни одной весточки, куда пропал, неизвестно.

Были очень сдержанные, многосемейные, уходившие на фронт, будущие бойцы Красной Армии, защитники Родины. Оставались по семь и более детей на попечении женщин и старух. Что думали беспомощные женщины с оравой детей в то время? Можно с уверенностью сказать только одно, что они ни о чем абсолютно не мечтали, был только немой вопрос в их глазах: зачем, куда и почему отрывают их мужчин от тихой и спокойной жизни. В первые месяцы войны были мобилизованы мужчины от 20 лет до 45 лет.

Во вторую военную весну остались у нас в Слободе одни женщины и дети, всех мужиков забрали на фронт. Вся мужская работа легла на женские плечи, трудно им было очень. До войны в бригаде работали примерно 50 мужчин и 60 женщин, сейчас же работу выполняли в том же объеме и даже больше только 60 женщин. Приходили извещения некоторым о смерти.

Осенью меня призвали на всеобщую. Учил прибывший без ноги кадровый командир, но не долго он был военруком, запянствовал и вынужден был сам себя застрелить из мелкокалиберного ружья, хотя в вообще парень был славный. Зимой окончательно собрали нас, как заправских вояк, и стали учить военному делу, как убивать людей, одновременно работали на сплотке и вывозке древесины. Работа была

не из легких. С утра до вечера работа с бревнами, а вечером маршировка в строю и изучение оружия – винтовки.

Лето 1943 года. Рост мой не велик, всего навсего 148 см и весом был обижен, ведь не секрет, росли почти что на голодном пайке, недоедали, недосыпали, но призвали. Вот и вояка – 148 см роста и 46 кг веса, 17-летний боец Красной Армии. В первых числах октября собираемся одногодки возле нашего дома на окраине Слободы. Некоторые приехали на рысаках, с гармошками, двое или трое призывников хорошо играли на гармошке. На проводы пришли знакомые, друзья, подруги. Ростом никто не отличался, все были коротышками, просто дети. Гордились тем, что нам доверяют защищать Родину. Из одногодков не были приняты три человека, им даже было обидно, ведь позор – не годе. Тронулись в путь с песнями, вроде довольны, уже «взрослые», едем в армию.

Когда уже выстроили у ворот пристани, стоять там пришлось порядочно и получился чуть ли не казус. Призывники, почти что бойцы, а свои вещмешки не в состоянии держать, сзади поддерживают свои близкие. Плачет мама, плачет сестра, но я еще не чувствовал и не представлял, что такое война. Почти деревенский, забитый парень и вот – иду на фронт. Последние слова родной матери, сестры – и на пароход... Холод, уже плывут льдины крупными пластами. Пароход не прибывает до назначенного места, пересадка на буксирный. Наконец доехали. По прибытии, на третий день, сажают в телячий вагон и поехали по железной дороге. Как телята на остановках выскакиваем и куда попало отправляемся. На шестые сутки привозят в северный город на большой реке, морской порт. Город мрачный, попал под бомбежку, изуродовали 4-этажный дом под госпиталем, жилой дом и другие объекты.

Заперли нас в карантин. Помещение холодное, голые нары, и столько набили новобранцев, как обычно в бочку огурцов. Скоро отправили в «баню», а температура примерно 4-6 градусов, только что вода не замерзает. Свои шмотки, барахло направили дезокамеру, а после этой «бани» за обмундированием стояли в очереди часа два. Народу, таких как мы, тысячи, все такие же маленькие, худенькие и трясутся, как «мокрые курицы», без волос. Дождались, выдали нам белье, гимнастерку, брюки старые поношенные х/б, шинель, вроде как 20 лет находилась в использовании. Ботинки выдали 42 размера, хотя я носил 37 размер, к ним портянки х/б полметра. После такого наряда трудно было узнать друг друга.

Ночью повели в казармы, до отбоя немного поели, что у кого осталось в уголках мешка, сухарики, крошки хлеба. На утро подъем в 6 часов – и на физзарядку, на умывание, политучебу и наконец-то на завтрак! Давали 200 гр черного хлеба, 12 гр сахару и немного бурды (это было в

8 часов). На занятие в поле прицепили противогаз, лопату, дали винтовку, примерно нашего роста, а я даже меньше винтовки со штыком оказался на 25 см, а без штыка винтовку носить не разрешалось. Вот так занимались до двух часов. Затем обед: 250 гр хлеба, фасолевый суп и немного картофельного пюре. После обеда на один час отбой – «мертвый час». После «мертвого часа» опять занятия до восьми часов. В восемь часов ужин: 200 гр хлеба и 150 гр каши или пюре гороховое, только как бы намазали тарелки.

Жутко спать, когда желудок пустой, и вот таким темпом учебы и кормления «до отвалу» наши солдаты начали окончательно терять в весе, появилась куриная слепота, и начали искать дополнительное питание, а где их найдёшь? Тогда все были голодные, рабочий у станка получал 400 гр хлеба, а наши солдаты получали 650 гр. Картофельная лепешка грамм на 50 стоила 10 рублей, 200 гр хлеба – 70 руб.

Однажды снарядили всех в полной боевой готовности, дали в руки по 10 заряженных винтовочных патронов и направили за 15 км на стрельбище. Дошли на место не все, ведь на себя нацеплено около 15 кг аммуниции. Отстрелялись: кто удачно, а кто и совсем не попал. Я же из 10 пуль в цель попал шесть раз, и это удача, так как в первый раз из боевой винтовки стрелял. Как все отстрелялись, отправились в обратный путь, но путь был очень трудный, без еды были почти восемь часов. Не помню как прибыл в свою казарму.

А получилось так: пока сколько было силы, двигались по возможности, никто уже не подгонял. Но я оказался среди двух «гор», а горы были такие: ж/д полотно и бугорок, куда покатали лыжи, когда я уже был бессильный, два шага шагну и валит с ног, клонит ко сну. Боролся примерно часа два. Выбор был или замерзнуть с голоду на холоде, или ползти, выбросить винтовку и противогаз. Если выбросишь военное снаряжение, то окажешься куда в худшем положении, чем останешься живым – военный трибунал. Решение принял такое: немного заснуть только стоя, если ляжешь, то сможешь вполне замерзнуть, ведь температура была градусов 20 ниже 0. Прошло немного времени, вроде пришла сила, кое-как пополз на полотно ж/д. Стемнело, стало еще хуже, хорошо что попал на тропу, которая вывела на дорогу. Потерял сознание. Оказалось, что в казарму прибыли меньше половины солдат из целого учебного батальона из 700 человек.

После принятия военной присяги направили меня в военный порт для разгрузки судов, прибывавших из Англии, Америки. Привозили свиную тушенку, разные крупяные изделия, медикаменты, были и танки типа «Валентин». Самое главное, в этом порту нам было организовано

питание по первой норме, кормили лучше гораздо, чем в строю и притом перепадало внутри порта, то схватишь печенье, то галет пачку.

Однажды направили на работу по разгрузке свиных тушек из вагона. Проголодались, измучились на этих тушках весом по 100 кг. Недалеко от нас англичане грузили вагон со своим продовольствием. В деревянных бочках у них были замешаны в сахарном песке галеты и вдруг они выронили с трапа одну бочку, которая разбилась при падении. Наша «братва» бросилась подбирать по карманам рассыпанные галеты, и получилась свалка у этого места, кого-то повалили, чуть не придавили до смерти. После оказалось, что столкнули бочку нарочно те англичане. Они сверху смотрят на нас, кричат, смеются, фотографируют, но разве голодному до этого.

В марте трудолюбивых солдат отправили обратно на обучение в казарму. Опять скудный паёк солдатский, но радовались тому, что скоро обучение закончится и отправят на фронт. Учились семь месяцев, из одного села нас было восемь человек, почти целое отделение. При распределении к отправке на фронт был выстроен батальон и мне присвоили звание «ефрейтора», такое звание получили только четверо из 700 человек.

Односельчан растолкали по разным ротам. Строем с песнями отправились, как заправские солдаты, на станцию. Загнали нас в товарняк по 36 человек в маленькие вагоны. В пути началась бомбёжка по составу, все разбежались, как бараны при пожаре. Рядом стоящие составы начали гореть, но наш состав остался цел. Слышны стали взрывы, наверно, были некоторые вагоны с боеприпасами. Нас учили по-пластунски ползать и стрелять, а здесь сверху бомбят, хоть ты куда ползи. Хорошо, что хоть первое боевое крещение застало ночью. Днём немцы боялись появляться, т.к. это был ещё глубокий тыл, до передовой линии фронта было около 100 км, но уже стали попадаться по пути стационарные госпитали и немецкие военнопленные, сидящие за проволочными заграждениями.

Выгрузили состав солдат ещё в Смоленской области, и мы пешком топали до основного пункта, куда прибыли для пополнения одной из воинских частей, прибывшей из Крыма. Все загорелые смуглые, большинство было из среднеазиатских республик. Среди них были участники боев и только что прибывшие из освобожденных районов, были и такие, которые раньше отбывали тюремное заключение и, как наши солдаты, прошедшие курс бойца-освободителя.

Поселили в лесу – прощай солдатская постель и военная казарма! С этого момента матрацем стала шинель, подушкой – шинель и одеялом – шинель, крышей стало небо. Небо одно и шинель одна, и земля одна. Фронтные товарищи стали учить, как себя нужно вести в действи-

тельности на фронте, как в бою, а не учебном пункте. Здесь были старики лет под 45 и 17-летние юноши.

В строю, когда шли с песней, был слышен и бас и тенор. «Старики» рассуждали, что бойца узнают по голосу, если грубый – значит вояка. Нас же, 17-летних, считали за детей. Взводного командира у нас не было, был один старик-сержант, но перед выходом в бой назначили одного молодого, неопытного, не понюхавшего еще запаха пороха. Даже еще борода не росла у него, а были вместо бороды одни пушинки. Был он на год старше нас. «Разве он командир», – думали мы.

После 10-дневного перерыва дивизия отправилась в путь, ближе на фронт к передовой. Путь был очень трудный, жара стояла невыносимая. Нагрузили на меня винтовку, две гранаты, 50 шт. патронов, лопату, противогаз, шинель и вещмешок с разными пожитками скудными. Был там и НЗ (неприкосновенный запас), сам голодный, а не смеешь дотронуться до него. Идти приходилось сутки, двое, трое. Впервые испытал, как можно спать на ходу: ноги двигаются, а голова спит. Некоторые сослуживцы набили на ногах мозоли, не могли двигаться. Я же шел в первых рядах, ничего у меня в этот раз не болело. Находил иногда времена и на такие проделки: потрошил улей, забирался в оставленные дома и находил там съестное.

Однажды в местечке Н. предупредили, что передовая уже близко, чтоб мы готовились к бою. На утро вступили в бой – это было июльское утро. На сердце неловко, что-то скребет или молодость, или глупость, или трусость, но скребет.

Надо форсировать речушку, есть мост, но к мосту нельзя было пройти, противник бил из крупнокалиберной винтовки и пулемёта, просто спасу не давал. И сзади крик: немцы! Оказалось, что и немцы были сзади, но наш взводный растерялся, не зная, что делать, кричит: «Ложись!» – и сам первый бросается в яму. Впоследствии оказалось – в тылу были только три мотоциклиста, они сразу же повернули и удрали. Оставили один взвод охранять лесную дорогу в том числе был и я, а остальных кинули на форсирование реки и взятие городка.

Так шли многие дни через Смоленскую область, затем Калининскую, все кругом было разорено и разбито. В деревнях торчали только печные трубы, а в городах оставались только каменные стены и замощенные камнями улицы, но большинство городов мы обходили стороной.

Что я понимал тогда? Все мы были, как толпа баранов. Вели нас, а куда? Знали – на бой и только. Тут еще командир сам неопытный необстрелянный. Из-за неправильных его действий погибло много рядовых, не зная за что и почему они должны погибать, тонули в болотах, утопали

на льдинах. Об этом знало и высшее командование, но не принимали никаких мер.

Однажды при форсировании реки шириной около 30-35 м, но не очень глубокой, командир дал приказ наступать. Батальон с криком: «Ура!» еще не дойдя до воды бросился вперед. На другом берегу немцы, услышав этот крик, застрочили из пулеметов, так и остались сотни солдат в реке, не добравшись до другого берега, а остальные вынуждены были выйти из реки обратно под шквальным огнем и окопаться.

Я думаю, можно было по-другому эту высоту захватить: вечером в темноте вплавь перебраться тихо и спокойно. Навести панику на немцев (они это очень не любили), тем временем перебраться остальным и дать немцам жару – меньше было бы жертв и больше удачи.

Впервые в разведку меня и еще одного солдата взял помощник командира взвода, пожилой мужчина, это было в конце июля. Ранним утром собрались и пошли в разведку, с опытным командиром разведка удалась и получилось удачно взяли «языка» и притащили пулемет ручной. Но вскоре помкомвзвода был ранен, и его отправили в госпиталь. Молодой же командир взвода невзлюбил меня и всячески придибался.

Однажды при отступлении меня оставили с одним молодым солдатом в дозоре в лесу, и мы с ним оказались в окружении. Как выбраться из лесу? Немцы уже впереди бегут, сзади них танки, наши танки, которые стояли на опушке леса, восемь штук, все сгорели. И как-то два танкиста оказались возле нас, и мы все четверо выбрались из окружения. На другой день после окружения начали договариваться куда идти дальше. Решили искать свои части. К вечеру того же дня наткнулись на своих, пришли, а оказалось совсем мало людей осталось во взводе. Уцелел молодой «командир», по вине которого погибло столько людей, встретил меня недружелюбно, надеялся, что уже не вернусь. В роте, где я служил при формировании и вступлении в бой было 144 бойца, через месяц боев осталось всего-навсего 17 солдат.

Очень обидно было, всего два месяца на фронте – и столько пришлось пережить. Контузия с первых дней боев (это по неопытности), хорошо еще, что «старики» каждый день меня учили, показывали пример, вместе шли в атаку, немного подучили, а сами головы положили.

Молодой командир приказал однажды быть его телохранителем, т.е. ординарцем, но я от этого отказался, не хотел быть холуём. И бывают же такие моменты: приходит счастье или само провидение направляет. Встречается тот танкист, с которым вместе выходили из окружения и я ему рассказал про свое положение. Он же, Саша Зоткин, сибиряк посоветовал обратиться вместе к его командиру. Отправились к нему,

командир оказался волевым, умным человеком, сразу принял решение оставить меня при его части. Поставили на довольствие, дали сапоги (в пехоте все время ходили в ботинках). Так я стал служить в отдельной танковой бригаде.

Зачислен был в ту самую роту, где находился командиром машины Саша Зоткин. И сразу договорились, что он будет меня учить вождению танка. В первое время все давалось с трудом, так как силенок не хватало, рычаги же танковые требуют большую силу и ловкость, чтобы управлять такой громадиной, и скорость танк развивает более 70 км в час. Но постепенно я всему научился.

Командиром роты разведки был очень молодой, красивый, плотный, маленького роста юноша Величко ст. лейтенант, но не капризный по своей молодости, командовал спокойно и выполняли его приказания беспрекословно даже в два раза старше его по возрасту солдаты.

На «пайках» танкистов я быстро стал поправляться. Разведчики получали дополнительный паек – командирский. На одного разведчика выдавали на полмесяца масло сливочное, печенье, курящему папиросы, часто выдавали спирт. В танковых частях народ дружный, спаянный, я нашёл среди них настоящих товарищей.

Наши войска продвигались с крупными боями вперед. Наша же бригада была прорывная при армии. Однажды на самой границе Белоруссии и Литвы была маленькая речушка за которой укрепились немцы при отступлении. Противник находился на высоте, следовало форсировать плацдарм с речушкой, а погода была паршивая, глина, грязь, машины утопают, танки вязнут по башню, орудия утопают, подвоз боеприпасов прекращён, питание отсутствует и вот в такой критический момент осенью 1944 года был отдан приказ наступать и занять рубеж за рубежом. Немцы же тем временем рассчитывали отстоять свои позиции, вызвали авиацию, артиллерию, мотопехоту и пошла свалка.

Наши войска пододвинули всю технику к переправе, и в тот самый момент прилетели самолеты немецкие. Наша техника стояла на грязной дороге, по сторонам вдоль речушки росли сплошь ивняки, как обычно растут при ложбинах. Вот здесь то и начался бой. Я насчитал 58 немецких бомбандировщиков, они бомбили колонну, стреляли из пулемета и делали по несколько заходов. Тут начала артиллерия противника бить, и все перемешалось буквально в течении часа. Колонна горит, кони ржут, люди стонут, дым, копоть, огонь, взрывы! Я ощупал себя, вроде остался на этот раз еще живым, крикнул своим друзьям, отозвался помощник командира взвода разведки Иван Маркович Зайцев, был жив Николай Долгушин, остальные пока неизвестно. Оглянулся на «белый» свет, все было как при большом урагане. На ивняках нет ни одного листочка, а

на ветках висят и кишки, и тряпье. Вроде стихло, самолеты улетели после «удачного» налета, артиллерия перестала бить. Наши войска стали потихонечку, как после большого землетрясения, очухиваться.

После этого ужасного налета наша бригада направилась к границам Черниговской области, где сидели и укрепились немцы. Выбили их оттуда, затем направление дали на Белоруссию. Прошли Оршу, Борисов, Минск, вышли опять к границе Литвы. Всё шли с боями, были трудности, временами брал страх, но куда лучше воевать и куда смелее воюешь с хорошими товарищами. Саша Зоткин выучил меня водить танк, ездил я уже как заправский водитель, педали и рычаги уже слушались меня. Однажды на отдыхе возле Каунаса я сдал на вождение танка, и выдали мне права «водителя танка» – сколько радости было. За взятие города Добеле и ст. Дене наградили меня медалью «За отвагу». Воевать гораздо легче, когда войска идут в наступление непрерывно, когда враг в панике. В обороне стоять – это то же самое, что сидеть без дела сложа руки. Правда, в армии сложа руки не сидели. Сразу приказ – окопаться, замаскировать машину, рыть блиндажи и многое другое. А как только все уладишь, новый приказ: «по машинам» и вперед. Николай Долгушин рассказывал, что он за войну до октября 1944 г. перекопал столько земли, чуть ли не длиной четыре км, шириной один метр и высотой 1,5 м.

Наша танковая бригада двигалась все вперед и вперед без особых потерь. Исколесили Украину, Белоруссию, Литву, Латвию, выходили к немецкой границе (Восточная Пруссия) к Либаве. Там немного получили «перцу», на колонну напала авиация и «тигры», бригаде пришлось оставить на подступах к Мемелю четыре танка и 13 человек ранеными, убито было два человека.

Последние годы войны, осенью 1944 и в начале зимы 1945 года, большинство войск, особенно механизированные, почти всё время маневрировали. В обороне не сидели. Редко приходилось устраивать такое удовольствие, как баня. Но однажды разведчики во главе со старшиной решили вымыться как следуют. Дело было к вечеру, баня готова, светит коптилка из гильзы снаряда. В первую очередь отправились старички семь человек, больше не помещались. И что же придумал радист Сальников Иван Ильич?

Было у нас немецкое обмундирование и он посоветовал троим бойцам переодеться в немецкую форму. Те еще не догадались, зачем это нужно, а Иван был большой шутник, знал немецкий язык и Рябцов Иван знал. И что же вы думаете? Направляется с тремя бойцами в баню напугать любителей бани (передовая была в 15 км). Научил, как и что делать. Сальников остается в предбаннике, забирает все вещи моющихся, прячет их, троих направляет в самую парилку, где как раз разгорелась жара,

там кричат, смеются, брызгают и тут заходят «немцы» кричат: «Хенде хох» (Руки вверх). Разведчики так напугались, один пролил чуть ли не кипящую воду на себя, все свое хозяйство ошпарил и давай выходить по-одному голые, а там и вещей их нет. Темно, голых гонят куда-то. А тут на грех случилось так, зам. командира батальона по политчасти узнал, что разведчики истопили баню, а он тоже любитель попариться, немного задержался и пришел как раз в тот момент, когда люди голые стоят, а за ними три немца с автоматами, он и вправду струхнул, кричит: «Тревога!». Тут выбегают остальные бойцы смотрят и удивляются, откуда эти немцы и почему голые стоят, но не выдержала душа Рябцева, засмеялся... Сколько «матов» выпустили наши смелые «голые» герои разведчики надо было видеть. После этого разговор пошел по всему полку, а потом узнала и вся бригада. Смеху было! Но этот смех предшествовал большому горю и неприятностям.

На другой день был приказ двинуться дальше. Немного подморозило, погода ясная. Меня посадили водителем на американскую машину, ее нельзя назвать танком, потому что пушка была 37-миллиметровая, два пулемета и гусеница только на ведущих колесах, передние же были из колес из цельной резины. И вот на такой гроб посадили вместе со мной 12 человек и направились на передовую в бой. В этом бою потеряли командира полка полковника Мацуру, который был душа и герой всего полка. Убили случайно, попала шальная пуля в имение одного купца на польской границе. Осталась любимая полковника, санврач полка Мария Васильевна, молодая только из института. Похоронили в Вильнюсе.

Вместо него назначили командовать полком Данилина, это был замполит по строевой части, любил выпить излишне, а военного искусства у него было очень мало. От радости наш новый командир изрядно хлебнул коньячка и был навеселе. А полк должен был следовать с боями по своему маршруту, указанному штабом армии. Но пьяный командир недосмотрел карту и ошибочно изменил маршрут. В полку насчитывалось 19 танков, 17 – Т-34 и две американские «Валентин», в одном из них находился и я.

Дело было к вечеру. Заезжает полк в первый немецкий город Найденбург. В городе немецкие военные устраиваются на ночлег, повара заняты своим делом, дымит кухня, рокохут машины, огней в жилых домах горит мало, видно, жители уже покинули город, но нас еще не ожидали. Без единого выстрела подняли панику, немцы с криком «Русс!» – кто куда удрали. Откуда ни возьмись, сзади выползает «тигр», проходит между машинами и скрывается за городом. Город небольшой, взят без единого выстрела, на первый взгляд – удача. Дома все целые, богатство

все на месте. Солдату-вояке что надо? Во-первых, покушать плотно и если есть возможность, выпить. Не тут-то было. Перед тем, как пересечь немецкую границу, подписали все бойцы и командиры на воззвании советских людей мстить фашистам за гибель, убийства, насилия, грабежи и угнетения! Бойцы должны это обещание выполнять. Город через час стал пылать весь в огне! Все тянут кто что, целыми ящиками натащали коньяк, яиц, мёд, и чего только не было. После такой «победы» командир, а смотря на него и бойцы напились, прогуляли, пошумели всю ночь.

На завтра подкрепились и команда: «По машинам!». Приказ был один: «Вперед!». Команда дана – выполняй! А подсказать нашему командиру-самодуру было некому. На этот раз получилось так. Надо было обмозговать, раз немцы вышли без боя из города, то они должны были где-то занять рубеж и обороняться, устроить засаду. Об этом шальная голова командира не подумала. Только «вперед»! Ох, Данилин!

Тут еще к нам присоединились, вроде, из нашего полка «голозадые фердинанды» (их так называли потому голозадыми (а то и покрепче выражались), что были они на гусеничном ходу, пушка 76 мм, самоходная установка, но как спичечная коробка, зад был открыт, просто накрыт брезентом – американский танк), тоже заблудились. Выстроилась колонна по команде. В первую машину залезает сам командир с экипажем, во вторую машину, которую вел я, залезает комбат и экипаж. Так выстроилась целая колонна из 19 машин и дополнительно приблудные присоединились 4 приблудные машины (фердинанды). Отъехали с полкилометра, за городом наши «приблудники» догадались, что не туда ведет наш командир, и поворачивают назад. Командир первой машины Саша Зоткин доложил, что «приблудные» повернули назад, но командиру не до этого – вперед и все!

Отъехали примерно два километра от этого города, заметно где-то вблизи должен быть опять населенный пункт. Но тут как залпом бабахнут по колонне в первую машину, танк и загорелся, поворачивать некуда, справа и слева ров, а впереди виднеется противотанковый ров, обнесенный проволочным заграждением. Влипли порядочно, и сказать нечего. Моментально зажигают последнюю машину, дорога, на грех, узенькая попалась, ни туды ни сюды. Выскакивает командир из машины, куда делся хмель, совсем трезвый. Тем временем немец строчит из пулемета, не дает головы высунуть. Наш танк еще цел, договариваемся, что предпринять. Повернуть нельзя, назад тоже, все горит, начали взрываться снаряды. Одно решение – выскочить поочередно, и текать, но бьет слева и справа, оборону правильно заняли немцы.

Выскочили благополучно, решили машину оставить в целом виде. Хорошо, что приняли решение выскочить на левую сторону, где прово-

лочное заграждение. Оказалось, что справа уже подобрался немцы, и мы как могли, доползли до сарайчика, который стоял совершенно пустой. По кювету держим направление в город. Командир чешет первым – трус!

Тем временем окружили немцы всю колонну. Добрались мы до окраины города. У командира глаза, как у пуганной вороны, круглые, мутные, дрожит, не может на ногах стоять. Собрались все, кто успел уйти – 42 человека, и командир додумались пойти с автоматами на выручку попавшим в плен, а там остались из полка 120 солдат и командиров. Разве 42 человека выручат?

Посоветовали ему связаться с бригадой, доложить и попросить подкрепление. Только таким путем могли освободить, попавших в плен друзей и товарищей. У меня был хороший друг-москвич Володя Коган, он тоже оказался в окружении. Все это происходило утром, вечером подошло подкрепление: пехота, артиллерия и танкисты. Всех оставшихся живых сажают на танки – и вперед на выручку!

Как только немец заметил нас, начал палить со всех сторон. Оборона была крепкая, но враг заметил, что силы неравные, и стал понемногу отходить. Немцев оказалось немного, человек 300, и техники немного. Местечко, где находились наши пленные, взяли через два часа с небольшими потерями. Захватили врагов в плен, некоторые из них оказались французами, итальянцами, были два венгра. Но своих не видим пока. Командир одного взвода спрашивает: «Где русские?». Один француз пленный показывает во двор имения. И что там они натворили?

За один день, который наши бойцы провели в плену, как только над ними не издевались! Кололи глаза, обрывали ногти, у кого были ордена, на их месте на теле вырезали знаки, вешали на одной ноге вниз головой. Несколько бойцов сумели спрятаться, кто в уборной сидел целый день, кто где сумел. Убитыми оказалось 39 человек. Я видел во время войны много ужасного: встречались сгоревшие в зданиях по 100 и больше человек, как угольки, встречались убитые, над которыми издевались немцы, встречались и такие, которые умерли с голоду, но такое издевательство встретил впервые.

На завтра 39 человек опустили в могилу всех вместе, на земле врага! Дали залп из пушек, и всё! Вот что дает один неразумный приказ! Командира убрали сразу, его судьбой не интересовался никто. В полку остались в живых 82 бойца и командира. Машин оказалось целых только четыре. На мое счастье, моя машина осталась цела.

Дня три опраивались, дали из резерва 10 машин, и с этим направились на Варшаву. Бойцы грустные, и здесь Коля Долгушин и Иван Маркович показали свой талант. У них был чудесный голос, за голос

Кольку называли цыганом. Спели они песню «Бродяга». В то время это было как раз к месту.

На подступах Варшавы наши войска находились в обороне примерно шесть месяцев, погибло наших уйма! Несколько сот могил, тысячи бойцов сложили свои головы. Польша страна отсталая, бедная, без техники, но народ был готов предать любого нашего бойца, боялись колхозов. Хотя некоторые полячки оказывали нам внимание.

После Вашавских боев бригада наша вышла на 10-дневный отдых – здесь вручали награды. Многие получали за заслуги, а некоторым, особенно штабникам, давали за подхалимство. Заслуженно или нет, но вручили и мне медаль «За отвагу».

Варшава взята, а Кенигсберг пока в руках немцев, перебрасывают туда. Опять поход. Хорошо, когда все время в походе, но холодно, зима. Правда, европейская зима вроде спокойная, но влажная. В последнее время я очень вырос, стал поправляться, сменился голос, подход к людям. Меня фронтовые товарищи уважали за откровенность и справедливость, не умел подхалимничать.

При подходе к Кенигсбергу на моих глазах был ранен командующий III-м Белорусским фронтом генерал армии Черняховский. А случилось это так: при переправе откуда ни возьмись приехал командующий, вышел из машины, высокий, черный в бурке, какому-то генералу дал «перцу» за устройство такой переправы и в этот момент ударил из «Ванюши» проклятый немец, и сразу Черняховский повалился, его подхватывают и в машину положили, сразу с места срываются три машины и уехали. На второй день сообщили, что Черняховский умер после тяжелого ранения.

После Кенигсберга взяли Гдыню на побережье Данцигской бухты. Хорошие места, в то время действовали там «бардаки» – прихожие дома. С берега Данцигской бухты было видно, как тонули под нашими бомбами немецкие торговые и боевые корабли. Тонут медленно, но тонут. Потопили порядочно и ежедневно, это было весной 1945 года.

После Гдыни и Сопота нашу танковую бригаду направили на Берлин. У бойцов и командиров настроение радостное, все веселые ходят, появились во взводах и ротах аккардеоны и гармошки. С питанием стало лучше.

Немцы – народ аккуратный, везде у них порядок. Зайдешь в скотный двор – чистота и уют для скота. Много держали гусей, уток, поросят, везде сады яблони и вишни. Дороги ровные все асфальтированные.

Шли с боями, но раз враг в панике, бежит без оглядки и вместе с ним бегут жители. Оставляли все, что было дома. А наготовлено у них было для себя всяких варений, солений и настоек видимо-невидимо. Вот

уж мы там лакомились всякими сладостями. Попадались целые спиртные заводы. «Русский Иван» как заберется туда, дует просто из котелка, дурной наш брат. Немец пьет из рюмочки; если средний палец вставить в эту рюмку, то не поместится. Немцев не видели пьяных на улицах, хотя у них на сердце было горя не меньше нашего, но они воздерживались.

Так мы дошли до реки Одер. Немец задумал там удержаться, но на четвертый день Одер был форсирован. Форсирована река Одер, теперь близко до Берлина. Наша танковая бригада в лобовую на Берлин не попала, направление дали правее Берлина. Всем тогда хотелось попасть на Берлинское направление.

6 мая 1945 года встретились с американцами. Последние дни в разведку почти не ходили. «Языка» взять стало просто, иногда они сами приходили, рассказывали все даже любому солдату, кто остановит. Случалось, сдавались ротами, даже целыми полками. И вот на 6 мая прекратилось движение немцев и пленных. В чем дело? Все знали, что победа будет скоро. Все радостные, на каждой остановке пляска, песни, танцы, разные игры. И вдруг команда: «По машинам!». Смотрим, по шоссе мчится мотоциклист. Моя машина стояла как раз у кювета; повернул быстренько и закрыл дорогу. Мотоциклист немного растерялся и на всей скорости упал в кювет. Сам упал, а мотор работает, мы заглушили. Сразу вокруг собралось много бойцов. Смотрим, он вроде не немец, на каске три звездочки. Спрашиваем: «Ты кто?» Отвечает: «Америка». Удивление!? На ремне развешено шесть американских пистолетов. Подняли его, подошли высшие командиры, а по-английски никто говорить не умеет.

Разыскали лейтенанта Беляева из г.Горького, он немного знал по-английски.

Американец начал лепетать. Оказывается они со вчерашнего дня отступают, а сами врага еще не видели, ох, и трусы. Жизнью дорожат! Примерно с час он побыл, поговорили кое-как, потом доложили по рангу и чинам, приехали за ним из бригады. Посадили на «виллис» Беляева, сели майор Малиновский, два сержанта из штаба бригады и с этим американцем направились к американцам. Они, оказывается, стояли за рекой Шпреей. Там наши побыли часа четыре, вернулись радостные, немного навеселе, наверное, немного угостили американцы.

К вечеру подошли еще наши войска: мотопехота, артиллерия и другие части. Все переоделись в новое обмундирование, как же, встреча с союзниками! Вечером дали команду расположиться в городе Н., там разместились наши войска, американские и английские части. Американцы – очень разгульный народ, ведут себя свободно, вроде и не в

армии. Было много негров среди них, народ этот крупный, белозубые, черные, говорить не могли, но понимали, что мы с ними на равных, хлопали по плечу, пожимали друг другу руки.

В этом городе сидеть долго не дали, на завтра получили приказ перебазироваться в м.Шупер. Там и встретили день Победы 9 мая 1945 года. В 4 часа утра огласили приказ о победе. Тогда уже дали волю: гуляли с утра и до поздней ночи. Прибыли с бригады командиры во главе с комбригом. Плясали, желали долгой жизни друг другу. В саду устроили массовый праздник «День Победы», выпивали сколько хотели только в этот день, а на завтра опять все пошло своим чередом.

Вот так прошел день Победы! Безусловно, много веселились, смеялись и радовались, все не опишешь, а представить можно, все еще перед глазами. Все цветет, благоухает, природа даже радовалась вместе с нами!

После дня Победы на четвертый день тронулись в обратный путь на Штеттин, а оттуда в глубь Восточной Пруссии, м. Константинополь. Хорошее местечко, все в садах, возле озера, близко лес. Все это умиротворяло, жили в домах, где раньше жили немцы. Так воспользовались этой Победой. Но длилось это не долго, военная служба продолжалась, и было еще много потерь – уже после Победы.

Публикация А.Г.Малыхиной

С.В.Жеребцова

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

(зарисовки из жизни сыктывкарцев в военные годы)

Мне было 14 лет, но я четко помню тот ослепительно яркий солнечный день – 22 июня 1941 года. Я была на ул. Интернациональной напротив того места, где ныне находится ресторан «Вычегда», и увидела большую толпу. Стояла странная тишина. Это поразило меня, и я тоже остановилась. Все смотрели вверх, на черную «тарелку» репродуктора, одного из тех, которые обычно висели на деревянных столбах уличного освещения. И я услышала страшную фразу: «Вероломное нападение Германии на Советский Союз» и слово потрясающее – «война!»

На трудовом фронте. В июле директор нашей средней школы № 1 (на ул. Орджоникидзе) Анна Николаевна Кожевина срочно собрала всех школьников с 4-го по 10-й класс и объяснила нашу задачу: «Чтобы победить врага, мы должны помочь Родине!». И с августа 1941 года мы, дети, начали трудиться на колхозных полях Сыктывкара. Эти поля начинались очень близко от школы – от улицы Свободы, в которую

«упиралась» улица Ленина. Сбор колосков, прополка сорняков и вся уборка овощей и картофеля лежали на наших плечах.

Ходили мы и на корчевку леса в районе Давпона и кирпичного завода. Человек восемь-десять цеплялись за ветки и тянули громадные пни с большущими корнями. Потом валились от усталости, но кричали «Ура!» и хохотали от радости, что одолели эти корни, крепко, казалось намертво сидевшие в земле.

В 1942 и 1943 годах по решению Коми обкома ВКП(б) нас, школьников 8–9-х классов, с мая до конца сентября мобилизовали на лесосплавные работы в Трехозерную запань под Сыктывкарком. Там мы, шестнадцатилетние девчонки, заменили рабочих-мужчин, ушедших на фронт. Кто был физически сильнее, тех поставили на сплотку плотов. (Не представляю, как они справлялись с этой тяжелейшей работой?! Уму непостижимо). Слабых и близоруких, вроде меня, направили на сортировку древесины. Надо было стоять на мостике над водой, над каналом, с длинным шестом-багром в руке и сортировать плывущий лес: в правый канал – хорошие, крупные бревна (строительный лес), в левый – плохие (тонкие, неровные, сучковатые); эти шли на дрова. Не сразу, но научились разбираться...

Дисциплина была жесткой, по военному времени. Работали мы в три смены, круглосуточно. 1-я смена, утренняя, длилась с шести утра до двух часов дня, 2-я (дневная) – с двух до десяти вечера, а 3-я, ночная, – с десяти вечера до шести утра. Страшно боялись опоздать, поэтому, чтобы поспеть на свою утреннюю смену, вставали в три часа ночи. Хорошо, что было это летом. Бегом бежали к пристани, к лодке, чтобы не опоздать на перевоз. Затем было еще два перевоза: через «три воды» добирались до Трехозерки и так же – обратно. Считали большим счастьем попасть на буксир «Бородино». Он так дребезжал и скрежетал от старости, что нам казалось – вот-вот развалится на ходу. Мы сидели возле его вонючей трубы на дровах и грелись.

Многие девчата спали после ночной смены прямо на дебаркадере – не было сил возвращаться в город. Ходить взад-вперед – это десять километров, если не больше. Ладони натирали до волдырей. Рукавиц поначалу не было, дали их позже. Бывали случаи, когда с багром и бревном нас затягивало под мост, и мы летели в воду. Приходилось спасать друг друга. И под бону попадали...

Кормили нас, как рабочих, в сплавной столовой. Меню было незатейливое: суп (водичка с капустой), овсяная, перловая, иногда пшенная каша с кружочком постного масла посредине, морковный чай без сахара (или с сахарином) или компот из сухофруктов, маленький ломтик черного хлеба. Порой с кашей давали рыбу. Иногда готовили кашу из

муки. Те, кто сильно голодал, в выходной день специально приходили в Трехозерку из города, чтобы поесть – еда оставалась, поскольку рабочих в этот день было меньше. Из дому брали мы несколько вареных картофеля, либо пареной репы, но обычно по дороге все съедали. Сколько-то нам платили за работу, но сколько именно, я не помню. Да еще «заработала» я ревматизм, который, к счастью, удалось вылечить уже после войны на курорте в Серегово. Вот за эту работу нас через много лет наградили медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». А тогда, в 1943-м, нам, 17-летним школьникам, вручили почетные грамоты, но у меня она не сохранилась.

Выходной день полагался нам, как занятым на тяжелой физической работе, раз в неделю – в воскресенье. А вечером (с восьми до одиннадцати, а то и до полуночи) в парке имени Кирова играл (пока было еще тепло) духовой оркестр. Это были самые счастливые мгновенья нашей жизни тех лет. Нам было всего по 17 лет! Словно на крыльях летели мы на эти призывные, нежные, волшебные звуки вальса, фокстрота, танго, на чудные мелодии Утесова. Это было уже лето 1943 года. Все знали, верили, чувствовали, что мы победим фашистов. Кроме парка, единственными местами отдыха и развлечений были драматический театр и кинотеатр «Родина». В театре был прекрасный артистический состав из наших, коми, и эвакуированных из Ленинграда актеров. В кинотеатре перед сеансом играл струнный оркестр. Это нам очень нравилось, и мы приходили за час до начала сеанса, чтоб послушать музыку. В этом оркестре подрабатывала, играя на мандолине, моя подруга Надя Зезегова. Был в кинотеатре и буфет с лимонадом и мятными конфетами, иногда – плюшками (плетеными булочками). За билетами стояли очереди.

С 1 октября начиналась учеба. А в ноябре, когда устанавливалась дорога, ученики всех школ по выходным дням возили на своих детских саночках с берега реки сырые, обледенелые рейки (доски) для отопления классов. В школе было холодно. И мы сами мерзли, приходилось сидеть за партами в пальто. И чернила замерзали. Школьных принадлежностей не хватало. На целую четверть давали каждому из нас одну тонкую тетрадку для письма, диктантов, и одну («в клетку») для математики. Нас, старшеклассников, водили в тир, учили заряжать винтовки и стрелять, надевать и снимать противогазы; обучали еще и «азбуке Морзе».

Переписка с фронтовиками. Моя подруга Эмилия Рудакова ходила в городской военкомат, просила отправить ее на фронт, но ей отказали как несовершеннолетней. С действующей армией связали нас письма – переписка с фронтовиками в 1942–1945 годах очень поощрялась. Мне, девятикласснице, тоже дали адрес полевой почты. Довольно долго вела переписку с моряком Иваном Ткаченко. Он писал, что мои письма зачи-

тывали буквально до дыр, передавая друзьям из рук в руки. А я очень живописно описала, в частности, наш школьный маскарадный бал в ночь с 31 декабря 1943 на 1 января 1944 года, на котором я была в наряде светской дамы XIX века. Морякам, читавшим письмо, казалось, что я жила где-то на другой планете. До сих пор я дословно помню строку из письма Ивана: «Неужели есть еще где-то на Земле местечко, где течет нормальная, мирная жизнь?!» Очень сожалею, что письма эти не сохранились.

В конверте я отправила надушенный одеколоном вышитый мною белый носовой платочек. Так моряки долгое время ощупывали и обнюхивали, вдыхали аромат моего платка и сердечно благодарили за сей подарок, будучи просто в восторге от моей выдумки. Мои подруги Эмма Артемьева, Нина Кондакова, Эмилия Рудакова тоже писали письма на фронт. Мы посылали нашим защитникам подарки: шерстяные носки, рукавицы, шарфы и т.д. Связь с «землей», заочная дружба с молодыми девушками подбадривала фронтовиков. Мы им очень сочувствовали.

В пединституте. В 1944 году я поступила в Коми государственный пединститут. Многие преподаватели там были из эвакуированных (из Москвы, Ленинграда, Петрозаводска). Зима была очень морозной. И они, и мы, студенты, сидели на занятиях в верхней одежде. Руки и чернила замерзали от холода, поэтому порой писали карандашами. Бумага была на вес золота. Писали на отрывках газет и обложках старых тетрадей.

Студентов-ребят были единицы. Это либо больные (отчего и не попали на фронт), как Любомир Жеребцов (позднее ставший видным ученым-этнографом) и будущий известнейший художник Энгельс Козлов, либо раненные, вернувшиеся с фронта – Владимир Шергин (впоследствии – министр просвещения Коми АССР) и др. Так что и здесь нам, девочкам пришлось потрудиться. Нас направляли в Нижний Чов на заготовку дров для института. Помню, стояли по колено в снегу и двуручной пилой пилили деревья, а они норовили свалиться на нас. Туда возили на какой-то машине, а обратно возвращались пешком – бензина на два рейса не было. Шли и пели «Широка страна моя родная...»

Под Новый 1945-й год в институте организовали бал-маскарад. Играл духовой оркестр. Студенты всерьез подготовились к балу. Были очень красивые маски. На мне был костюм «Чарли Чаплина», и я имела большой успех. Но пока я смешила публику, из гардероба унесли мое черное плюшевое пальто и шаль. Пришлось подруге сбегать ко мне домой, на улицу Интернациональную, 196 (это квартал между улицами Пушкина и МЮД) и принести старое летнее пальтишко, в котором я и добиралась домой – путь неблизкий. Повезло, что ночь была относи-

тельно теплая для зимы. Запомнился мне этот последний военный Новый год...

Домашний быт. Сыктывкар сороковых годов был удивительно тихим, спокойным, провинциальным городом. Весь деревянный. С печным отоплением. Деревянные столбы электропередач. Деревянные тротуары (мостки), которые зимой горожане перед своими домами должны были чистить от снега (иначе штрафовали). И всюду низенькие заборчики из штакетника. Они перегораживали даже Красную (позднее – Юбилейную, нынешнюю Стефановскую) площадь. Деревьев на улицах было мало, и, может быть, для того, чтобы восполнить недостаток зелени, заборы красили зеленой краской. Пустые улицы. Мало прохожих, особенно мужчин. Не видно машин, разве что раз в день увидишь грузовик-«трехтонку» (почти все автомобили отправлены на фронт). Легковые – только у совнаркомовских работников. Хлеб и молоко развозили на телегах или санях. Говорили тогда, шутили: «Смотрите, смотрите на лошадей! В будущем увидите их только в зоопарке!»

О разбоях и грабежах мы не слыхали. На дверях висели простые навесные замки. Но мы, например, в нашем доме на Интернациональной, 196, обычно запирали дверь, как в деревнях – на щеколду. Это расположенная на внутренней стороне двери железная задвижка с привязанной к ней веревочкой, конец которой просунут через отверстие наружу. Дёрнешь за веревку к себе – щеколда поднимается с расположенного на косяке крюка, и дверь открыта. Отпустишь – щеколда опускается на крюк. Кончик веревочки прятали в щель косяка, но при желании дверь легко мог открыть любой человек. На ночь дверь изнутри запиралась на обычный крючок, а днем, когда мы были дома, ее вообще не запирали. Был правда, в городе один человек, будораживший весь Сыктывкар – «Йёй Володь» (дурак Володя) – молодой парень, не совсем здоровый психически, чудивший на улицах, забиравшийся в женское отделение бани (общественная баня, кстати, в нашем городе была одна-единственная) и т.п. Был он, в сущности, безобидным дурачком, но мы, девушки, его очень боялись.

С квартирами в городе было трудно. После возвращения из Узбекистана мы поселились в Кируле, на улице Заводской, занимали вдвоем (я, мама и отчим) одну комнату в частном доме, через год маме дали комнату прямо в амбулатории (одноэтажный дом на Интернациональной, 129). А когда началась война, многих медсестер забрали на фронт, и в общежитии медиков (Интернациональная, 196) освободилась квартирka из кухни и комнаты, куда мы с мамой переехали зимой 1941–1942 года. Отчим в это время уже был на фронте; вскоре он погиб.

Дома, так же, как в школе и в институте были проблемы с отоплением. Дров не было. Доставали старые рейки, кто как мог. Растапливали, сбрызгивая их керосином. Однажды нам с мамой повезло. Родственник, сидевший в Верхнем Чове, каким-то чудом за 100 рублей привез нам из зоны машину сухих дров!! Все эти дрова мы занесли в квартиру, на кухню, чтобы их не украли. Отопление было печным – в домах стояли «голландские» печи и плиты, а в военное время появились чугунные печки-«буржуйки». Мы тоже поставили в комнате изготовленную на Нювчимском заводе «буржуйку» с длинной, на всю комнату, трубой. Она быстро давала жар. На ней же варили, кипятили воду. Пользовались еще примусом, но для него требовался керосин. У нас, кстати, был не простой примус, а усовершенствованный – керогаз. Жили в одной комнате, потому что для отапливания всех дров не хватало. И все равно в морозы спали в одежде да еще и набрасывали сверху на одеяло все, чем можно было укрыться. Голову укутывали шерстяным платком. От окон, как их не утепляй, дуло.

Окна, кстати, нужно было заклеивать бумажными полосками крест-накрест да еще и занавешивать наглухо, чтобы и луч света не был виден с улицы. Впрочем, свет был не больно-то ярок: освещались комнаты маломощными лампочками, а то и керосиновыми лампами (так называемыми «пяти-», «семи-» или «десятилинейками», в зависимости от ширины фитиля). Чтобы побольше света падало на стол, на стекло лампы вешали металлический или просто бумажный колпак. Бумажные (из тетрадных обложек, например) быстро подгорали, и их надо было менять. Лампу с металлическим колпаком можно было повесить на крюк под потолок. Если не удавалось купить керосин в специальной лавке в Кируле, то приходилось использовать свечи.

Плату за электричество и за жилплощадь с нас собирали приходившие контролеры. За комнату до 1947 года платили 50 рублей в месяц. Об электросчетчиках мы понятия не имели. Контролеры вносили плату «за лампочку» (в зависимости от того, сколько в ней ватт). Были в Сыктывкаре две любопытные профессии – трубочисты и золотари. Трубочисты раз в месяц обходили «свои» кварталы и бесплатно чистили наши печные трубы от скопившейся сажи, чтобы не было возгорания. Золотари с бочкой и ковшом на телеге разъезжали по окраинам города, где больше частных домов, и бойко орали на всю улицу: «Кому чистить нужники?! Кому чистить нужники?!» Туалеты были как в деревенских избах. За чистку выгребных ям мы платили золотарям по 50 копеек. Эти естественные удобрения они отвозили на колхозные поля.

Водопровода, ясное дело, в домах не было. Не было даже водобудок («колонок»), воду таскали из колодцев. Почти у всех частных домов (а в нашем «квадрате» были сплошь частные дома, где жили Кушмановы,

Поповцевы, Майбуровы, Малковы и другие) в огородах стояли «деревенские» бани. Мы пользовались баней наших соседей через дорогу – Мальцевых.

Домашняя утварь была самая примитивная: чугунки, оловянные миски, кружки и ложки (ложки были и деревянные), глиняные плошки для рыбы и такие же горшки, в которых варили кашу, цинковые умывальники, корыта и тазы. Очень модными были медные тазики. В берестяных туесках держали молоко (там оно долго не прокисало), солили грибы и рыбу. Главным предметом утвари был, конечно, самовар. Вода в нем нагревалась горячими углями. Угли нужны были и для паровых утюгов (их клали внутрь утюга). Были, впрочем, и простейшие литые чугунные утюги, весьма тяжелые.

Вся наша мебель (типичная и для многих других сыктывкарских квартир той поры) – стол, четыре стула, две табуретки, две железных койки, деревянный диван, шкаф для посуды и еще два маленьких столика, стоявших между окнами – один для швейной машинки (была у нас «зингеровская»), другой для купленного перед войной патефона. Патефон с пластинками был главным нашим богатством. Иметь его тогда – наверное, все равно что сегодня автомобиль. Любимые голоса: Утесов, Козловский, Козин, Лемешев, Вертинский, Изабелла Юрьева. Любимые вальсы: «Голубой Дунай», «Сказки Венского леса», «Брызги шампанского», фокстроты «Рио-Рита», «Румба»... С этим прекрасными мелодиями связана наша юность.

Никаких ковров ни на полу, ни на стенах, разве что деревенские половики, чтоб было теплее ногам. На окнах – самые простые белые «деревенские» занавесочки. О гардеробах для верхней одежды мы понятия не имели. Для пальто вбивали шести-семисантиметровые гвозди прямо в стены (благо, дома деревянные). Всё барахло держали в объемистых сундуках, окованных железом. У нас их было два. Перед войной мы ездили с ними даже в Среднюю Азию, где моя мама работала врачом в 1937–1940 годах (один из них все еще цел, стоит на даче). Один из сундуков чуть не полностью был заполнен мамиными медицинскими книгами и моими учебниками. А вот художественной литературы у нас дома, как и у большинства моих подруг, не было. Ее брали читать в Центральной библиотеке – единственной в Сыктывкаре библиотеке для взрослых. Располагалась она на улице Советской на верхнем этаже двухэтажного дома. Справа от входа был абонемент, где выдавали книги на дом – учебники и художественную литературу. Слева находился читальный зал, работавший с 10 утра до 10 вечера. Сюда мы, студенты, приходили заниматься в период экзаменов. До сих пор помню всю мебель в этой комнатухе: несколько столиков, стулья, кожаный диван, на

котором я в воскресные дни засиживалась с утра до вечера с романами Дюма и Луи Жаколио, и огромный фикус в углу. А внизу, на первом этаже, располагалась детская библиотека, куда ходили школьники. (Раньше, в середине тридцатых годов (примерно в 1934–1937-м) здесь был кондитерский магазин. При его открытии меня чуть не задавили – давка была страшная. Но мармелад и шоколад, продававшийся в тот день, до сих пор перед моими глазами, и изумительный запах того шоколада помню и сегодня).

Одежда и обувь большим разнообразием тоже не отличались. Зимой все носили черные валенки. Белые фетровые валенки были высшим шиком, и их надо было «доставать» через знакомых или еще каким-нибудь путями. Да и обычные-то валенки не всегда можно было купить. Некоторые дети не могли из-за отсутствия валенок ходить зимой в школу. Осенью мужчины надевали кирзовые сапоги, летом – ботинки с галошами. У девочек любимой обувью были синие или белые парусиновые туфли на резиновой подошве. Белые чистили, т.е. отбеливали зубным порошком или мелом. В селе Шошка, относительно недалеко от Сыктывкара, откуда родом моя мама, многие носили лапти. В годы войны, да и после, мужчины-рабочие носили фуфайки (стеганные полупальто, ватники). Зимой надевали ватные, стеганные брюки. Даже молодые ребята из демобилизованных в институте ходили в таких брюках – носить было больше нечего.

Одежду в принципе можно было сшить из ткани. Помню в Сыктывкаре один-единственный магазин (длинное деревянное здание на углу улиц Орджоникидзе и Интернациональной; на этом месте позднее находилось общежитие преподавателей сельхозтехникума), правая половина которого предназначалась для продажи промтоваров. Но полки там обычно были совершенно пусты (я сама видела это) и лишь иногда заполнялись тюками ситца и саржи (саржа – черный, очень плотный материал – заменяла сукно). Выдавали их (чтобы шить пальто, платье и другую одежду) по талонам: по четыре метра взрослым, по два – детям.

А левая половина того же магазина называлась хлебной лавкой («нянь лавка»), там по карточкам выдавался хлеб: в сутки 400 грамм черного работающим и 300 грамм – детям и прочим «иждивенцам»; других продуктов не было. Нам с мамой этого вполне хватало (помогал «второй хлеб» – картофель), и поэтому я изредка даже позволяла себе «экономить» на хлебе и обменивала свой хлебный талон на красивые «заграничные» или старинные открытки, которые продавали на рынке (он находился на углу Первомайской и Коммунистической улиц) высланные литовцы, латыши, поляки и немцы. Одни мамин талон (на 400 грамм хлеба) я обменяла на прекрасное довоенное издание книги

Дюма «Три мушкетера». Белый хлеб выдавали только военнослужащим, мы его (как и сахар) не видели. За всю войну мне только один раз на пути из Княжпогоста в Сыктывкар удалось поесть досыта белого хлеба и сахарного песка благодаря щедрости моего случайного попутчика моряка Алеши.

Моя мама, как врач и военнообязанная, дополнительно получала в месяц одну банку американской свиной тушенки или полкило конской колбасы, да еще сахарин (тоже американский) и 200 грамм «рыбьего жира». Это была для нас роскошная еда. Очень много одежды и тканей, купленных до войны, мы обменяли на муку, картофель, капусту, иногда – на деревенское масло в Межадоре и Шошке. Из муки варили кашу, когда (частенько) не было круп. Капуста с картошкой и «рыбьим жиром» считалась чуть ли не царской едой. Сушеная репа или брюква заменяла сухофрукты для компота, сушеная морковь – чайную заварку. Молоко покупали у частников по 120 рублей за полтора-двухлитровую кринку. Очень выручали нас дары леса: грибы и ягоды. Черника и брусника спасали от авитаминоза. Никаких фруктов в Сыктывкаре мы не видели. Арбузы и яблоки были экзотикой. Но мы с мамой все же жили относительно неплохо, не голодали (я уже рассказывала, что даже меняла хлебные талоны). Многим приходилось гораздо хуже. Мой будущий муж, Любомир Жеребцов, вспоминал позднее, что его мать стряпала лепешки из картофельной шелухи.

День Победы. В моей памяти навсегда запечатлелся этот незабвенный, лучезарный день. Удивительный день яркий, солнечный. С утра стояла жара. В шесть часов утра, едва заговорило радио у соседей (у нас его не было), они изо всех сил загрели кулаками в стенку и орали при этом во всю глотку: «Война кончилась! Германия сдалась! Победа! Победа!!!» Смотрю – вся наша улица распахнула окна. все высунулись из окон и со слезами от радости выкрикивали эти же слова. Потом все высыпали на улицу и пошли с гармошками в центр города. Удивлялись, и откуда столько народу оказалось вдруг у нас? Вся Интернациональная улица и ее окрестности заполнены людьми, на всех перекрестках густая толпа. Музыка, пляски, смех и слезы радости. Духовой оркестр около Дворца пионеров. Я оказалась на углу улиц Орджоникидзе и Интернациональной. Дальше пройти было уже невозможно. Мы с подругой еле живые пришли ко мне домой в шесть часов вечера и свалились от усталости и от переполнявших нас чувств. Это был день великого торжества. И теперь, спустя 60 лет, мы – наше поколение – все так же глубоко и живо ощущаем все величие этого незабываемого дня, 9 мая, Дня Победы Армии и Народа.

ИЗ ЖИЗНИ СЫКТЫВКАРА В ВОЕННЫЕ ГОДЫ
(материалы газеты «За новый Север», 1941-1945)

1941

1 января

НОВЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ, ШКОЛЫ, ДОМА

К. Ранинин

Наступил 1941 год – год новых побед социализма во всех областях хозяйства и культуры советской страны. В прошедшем году трудящиеся города Сыктывкара добились замечательных успехов в своей работе... Построены и сданы в эксплуатацию несколько школьных зданий, кинотеатр, много жилых домов, замощен ряд улиц и т. д. В 1941 году будут проведены работы по дальнейшему развитию Сыктывкара. В районе затона «Красный водник» намечено построить большую судостроительную верфь. В самом городе закончится строительство мебельной фабрики, шиноремонтного завода, коммунальной прачечной. Больничный городок обогатится зданием детской больницы на 70 коек. Значительно обогатится жилой фонд... Начнется постройка основного городского водопровода, по которому в 1941 году вода из Сысолы (от деревни Чит) будет подаваться по ряду улиц города.

7 февраля

ДОЛГО ЛИ БУДЕТ СТРОИТЬСЯ МЕБЕЛЬНАЯ ФАБРИКА

Сер. Шуйский

В августе 1940 года Наркомлеспром Коми АССР начал строить в городе Сыктывкаре мебельную мастерскую. Это весьма нужное предприятие. При нормальных темпах строительства его вполне можно было закончить к 1 января 1941 года. Однако план строительства к этому времени выполнен на 20-30%...

8 февраля

ВОДОСНАБЖЕНИЕ СЫКТЫВКАРА

Народный Комиссариат Коммунального хозяйства РСФСР отпустил средства на проведение первоочередных работ по строительству нового водопровода в городе Сыктывкаре. В этом году должны быть сооружены: водоприемник, береговой колодец, насосная станция – водопроводная сеть – протяжением в 7 км. Народный Комиссариат Коммунального хозяйства Коми АССР поручил к Первому Мая обеспечить строительство... стройматериалами. Строительство первой очереди

должно быть закончено к 1 ноября текущего года¹. До окончания строительства нового водопровода должно быть закончено расширение существующего водопровода. К 1 апреля будут очищены и углублены грунтовые колодцы. Устанавливается зона санитарной охраны.

3 апреля

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЫКТЫВКАРСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА

На основании постановления ВЦИК от 30.03.1931 ЗА № 17 исполком городского совета депутатов трудящихся вводит в Сыктывкаре... нижеследующие правила санитарного благоустройства:

1. Владельцы и арендаторы строений и земельных участков, расположенных на территории города, обязаны производить регулярно очистку улиц, дворов, площадей, тротуаров от мусора и разных нечистот, содержать их в исправности. При поломках производить текущий ремонт тротуаров, оград, въездов на участки владений и т. д.

2. Очистка улиц производится каждым домовладельцем по всей длине и ширине до половины улицы...

4. Уборка улиц и тротуаров производится утром до 7 часов

5. Категорически воспрещается сваливать мусор, выпускать нечистоты из помойных и выгребных ям в реки, канавы, на улицы, дворы и площади...

6. Запрещается во дворах и надворных помещениях производить убой скота, закапывать в землю трупы животных и всякого рода отбросы и нечистоты.

10. Помойные и выгребные ямы должны регулярно вычищаться от нечистот... Вывоз нечистот должен производиться с 22 часов вечера до 7 часов утра силами городского обоза.

15. Воспрещается складирование строительных материалов на улицах и площадях.

16. Воспрещается оставлять на улицах города лошадей и автомашины без шоферов, кучеров и возчиков.

18. В зимнее время тротуары должны начисто очищаться от снега, льда и посыпаться песком...

19. Не допускается большое скупивание снега вдоль тротуаров. Домовладельцы должны убирать его систематически.

21. Домовладения, имеющие колодцы, обязаны проводить очистку их от загрязнений...

¹Строительство первой очереди закончится в ноябре 1943 года.

23. За невыполнение этих правил взимается штраф до 100 рублей или следует наказание исправительно-трудовыми работами сроком на один месяц.

4 апреля

ГОРОДСКОЕ ДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

В. Евдокимов

...С наступлением весны будет продолжено мощение круглой торцевой шашкой Интернациональной улицы от Коммунистической, вплоть до городской черты, в сторону Тентюковского сельсовета на протяженность 1280 погонных метров. Такие же работы будут проведены по благоустройству улицы имени Кирова в самой непроезжей части – от улицы имени Пушкина, по направлению к местечку Кируль. Затем намечено благоустроить подъезд к Дому Народного Творчества², проложить дренаж на спуск к Парижскому мосту и отремонтировать 2500 погонных метров городских улиц. Кроме того дорожный отдел выполнит земляные работы по благоустройству Парка Культуры и Отдыха в объеме 1500 куб. м...

10 апреля

РЕШЕНИЕ

У СЕССИИ ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

1. Воспрещается порубка и поломка зеленых насаждений в парках, скверах и на улицах города, а так же порубка древесной растительности в прилегающих к городу зеленых зонах «Золотая гора»³ и «Заречье».

4. Совершенно воспрещается выгон скота на территорию города Сыктывкара.

5. Обязать всех владельцев скота, при выгоне на пастбище, сопровождать его до места выгона⁴.

8. При обнаружении порчи зеленых насаждений на улицах, в парках, садах и скверах виновные будут подвержены штрафу до 100 рублей или исправительным работам на 1 месяц.

10 мая

РОСТ ИНТЕРЕСА К МУЗЕЮ

П. Нахлутин

Коми краеведческий музей все больше и больше привлекает к себе интерес со стороны трудящихся. ...В отделе природы большим успехом

²Ул. Первомайская, 52.

³Упоминается еще и «Белая гора» (?) – см. «За новый Север» от 11.01.1942 (ст. «Дети изучают историю и богатства Коми АССР»).

⁴Иначе следовал арест скота и штраф за потраву – 50 рублей с головы.

пользуются чучела птиц и зверей. Здесь устроен живописный макет болота с его обитателями..., смаскетирован уголок тайги, где показана борьба рыси и россомахи из-за добычи. Там же по веткам разбежались белки, куницы, ниже бредет лисица. В углу препаратором т. Радишевским устроен интерьер властелина северных лесов – медведя с тремя медвежатами, им поставлен макет «Выдра с добычей», олень и чучела рыб⁵.

В отделе истории зрители длительное время останавливались у экспонатов открытых трех тем: «Наша родина в далеком прошлом», «Киевское государство», «Новгородская земля»... Железная рубашка – кольчуга и боевые топоры, пики и секира, допетровская пушка, песочные часы и т. д. Посетители музея, главным образом, останавливались в художественном отделе, где имеются картины – подлинники Венецианова, Тропинина, Скотти, Левитана, Клевера и других крупных мастеров...

6 июля

ПОМОЩЬ УЧАЩИХСЯ

В целях оказания практической помощи пригородным колхозам, учащиеся Сыктывкарских школ вышли на прополку овощей и очистку лугов колхозов.⁶ После окончания прополки овощей ребята переключаются на сеноуборку, на заготовку веточного корма и на силосование кормов⁷.

8 июля

НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ

Мих. Максимов

...Первичные коллективы предприятий вынесли решение о необходимости провести в выходной день общегородской воскресник в фонд обороны страны... Он был назначен на 6 июля. ...Коллективы рабочих, служащих, учащихся школ ФЗО с песнями, стройно проходили по городу к пристани, садились на пароходы, катера и баржи и отправлялись к местам работы...

⁵В 1948 г. в музее появятся новые макеты. Они будут сформированы по принципу природных зон: Тайга (2 макета – Лоси; В глухой тайге: рысь, россомаха, куницы, медведь); Тундра (полярный олень, писец, полярная сова, полярные куропатки).

⁶Пригородные колхозы: «Ким» (Вильгорт), «Октябрь» (Кочпон), имени Кирова (Сыктывкар), имени К. Маркса (Тентюково), имени Сталина (Тентюково).

⁷Кроме того, помогали собирать колоски – см. газету «За новый Север» от 27.10.1942 (статья «На конференции учащейся молодежи города»: «...учащиеся городских школ собрали 8. 780 кг зерна...»), собирали: ягоды и грибы, теплую одежду для солдат Красной Армии, работали на сплаве.

...В трюмах барж, на крышах, на палубах пароходов раздавались мощные звуки оркестров, баянов, народных песен... Молодежь развлекалась плясками и танцами. Время в пути прошло незаметно и вскоре на берегах реки появились ярусы обсохшей древесины. Быстро соскочив с подмостков, колонны трудящихся ...направились на отведенные участки. На берегах рек Сысолы и Вычегды в курьях и полоях закипела работа.

...Тысячи кубометров обсохшей древесины были спущены на воду и сплочены в плитки и плоты. Свыше 50 тысяч рабочих часов вложили они в фонд обороны страны... Участники воскресника изъявили желание и в следующее воскресение также дружно и организовано выйти на сплав.⁸

21 сентября

О ПРОВЕДЕНИИ СВЕТОМАСКИРОВКИ ПО ГОР. СЫКТЫВКАРУ

Решение исполнительного комитета г.Сыктывкара от 19.09.

1. Обязать руководителей учреждений и предприятий ... к 27 сентября 1941 года:

- а. сократить до необходимого минимума потребление света
- б. затемнить окна, двери, имеющие стеклянные пролеты, выходящие к крыльцу или на двор, с таким расчетом, чтобы свет из помещения не был виден на улице или во дворе.

2. Обязать всех граждан гор. Сыктывкара в период проведения светомаскировки затемнить квартиры, кухни и места общего пользования.

4. За нарушение правил – штраф от 25 до 500 рублей или уголовная ответственность.

26 сентября

СЫКТЫВКАРСКАЯ МНОГОПРОМЫСЛОВАЯ...⁹

Ник. Инков

Этот небольшой двухэтажный дом может быть назван домом-уникумом. Отсюда рынки всей республики Коми получают товары:

⁸ Кроме регулярных воскресников горожане собирали теплые вещи для бойцов Красной Армии (за 16 месяцев было собрано 546 полушубков, 817 валенок, 2240 рукавиц, 3000 шапок) см. газета «За новый Север» от 27.10.42, принимали участие в движениях: двухсотников (план работы за себя и за ушедшего на фронт), сбора средств на танки и самолеты, ни одного трудящегося без лотерейного билета (правительством был выпущен денежно-вещевая лотерея 1941 г.), выполнение годовых планов к 7.11; собирали: ягоды и грибы, средства в фонд народной обороны, работали на сплаве.

⁹ Артель «Северный кустарь» (ул. Интернациональная 106). Во главе артели стоял коллектив кустарей: Ф.И.Гихерман – трикотажное производство; А.С.Новожилова – покраска ткани и химчистка; Щигельский – изготовление туалетного мыла, Сапожной мази и клея; Френкель и Перкель – живопись.

пуговицы и чемоданы, мыло и сургуч, гуталин и продуктовые сетки, клей и школьные сумки, детские игрушки и трикотажные изделия. Здесь бригада художников рисует картины, часовщики починят вам часы, мастера отремонтируют любой музыкальный инструмент, радиоприемник. Здесь же парикмахерская и фотография.

Каждая мастерская занимает только одну комнату, редко – две, но в этих маленьких помещениях кустари справляются с большими работами. Они удовлетворяют насущные запросы потребителей.

21 октября

МОЩНОЕ ОРУЖИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ АГИТАЦИИ

В. Южнин

В дни великой отечественной войны с кровавым фашизмом возродилась и расширилась традиция «Окон РОСТА»... Начало наглядной агитации положено и в городе Сыктывкаре. Уже выпущено три номера «агитокон». Два первых посвящены всевобучу. Первый номер сделан по эскизу художника М. Безносова. На рисунках изображен старик и мальчик с винтовками, а за ними – фабрики, заводы и шахты. Выше рисунков идет поэтический текст, написанный тов. И. Шишкиным:

Товарищ, не забудь о Всевобуче
Ты родины достойный патриот
Отныне наш народ, великий и могучий,
Советский весь народ, оружие берет

Второй номер называется «Учись военному делу». Он сделан по эскизу художника В. Полякова. На рисунках показано, как правильно пользоваться винтовкой, лопатой, гранатой, пулеметом и т. д. Рисунки сопровождаются стихами тов. Шульца.

Учись владеть штыком. Бояться
Враги в атаке с ним встречаться.
Гранаты научись метать,
Фашистов станешь истреблять
Верный друг в бою «Максим»
Ближе познакомься с ним и т. д.

Выставленные в наиболее оживленных местах города «агитокна» привлекают к себе сотни граждан... Плакаты «агитокон» будут выпускаться и с текстом на коми языке.

1942

10 января

ВЫРАЩИВАНИЕ КАК-САГЫЗА

В. Потолицына

Каучук имеет очень широкое применение. Из него готовят самые разнообразные предметы, необходимые для промышленности и обороны. Наиболее распространенное каучуконосное растение – как-сагыз. Академик Т.Д.Лысенко поставил перед всеми юннатами задачу – в ближайшее время вырастить корень как-сагыза величиной со свеклу или хорошую морковку, то есть достичь его веса в 400-500 граммов.

В нашей республике юннаты выращивают как-сагыз второй год. Если в 1940 году самый большой вес корня был 50 граммов, то в 1941 году удалось вырастить корень в 190 граммов. ...Свою работу юннаты начали с яровизации семян. Положили их в мешочек и погрузили в воду. В воде семена были три часа. После этого их достали, разложили в мешочке тонким слоем и поместили в стеклянную банку между двумя слоями снега, чтобы создать равномерную температуру, и банку закопали в снег. Раз в шестидневку проверяли температуру и встряхивали мешочек с семенами. Температура поддерживалась 2-3 градуса, а к весне, когда снег стаял, перенесли банку в ледник.

Почву подготовили глубокой вспашкой. В качестве удобрения положили навоз и фосфорную муку... После этого еще раз перекопали землю лопатой, грядки прикатали. Перед севом семена проверили на всхожесть. Посев был произведен 4 июня... В каждое гнездо сажали 3-4 семечки... Сверху их покрыли перегноем. На 6-7 день появились всходы. Через две недели всходы проредили. В летний период делали прополку, рыхление, производили поливку. Подкормку производили раз в неделю. Корни выкопали 12 октября...

11 января

ДЕТИ ИЗУЧАЮТ ИСТОРИЮ И БОГАТСТВА КОМИ АССР

...В Коми краеведческом музее организовано три кружка для школьников разного возраста. Для учащихся 5-7 классов организован кружок по изучению флоры Коми АССР (руководитель – научный сотрудник музея А. А. Макарова). Для учащихся 7-9 классов организован исторический кружок (руководитель – научный сотрудник музея П.И.Нахлупин), а для учащихся 9-10 классов создан археологический кружок.

...Основное внимание в этих кружках будет уделено самостоятельной работе учащихся... Так ученица 9 класса 12 школы Таня Сивкова прочитала ребятам очень интересный реферат «Как человек стал великаном», а ученица 9 класса 12 школы Даша Пельмегова готовит

реферат «Ванвиздинская стоянка Коми края». ...С большим нетерпением ребята ждут лета, когда они смогут посетить стоянку первобытных людей на Белой горе близ Сыктывкара...

3 февраля

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ КРОССА В СЫКТЫВКАРЕ

Зимнее утро. У здания Пединститута размечены стартовые линейки, расставлены указатели дистанций и флажками намечены подходы к ним. Всё готово к приему участников кросс и в фойе института: в полном сборе судейская коллегия, на столах пачками лежат полотняные номера и бланки для регистрации.

С улицы доносится песня:

В бой за родину, в бой за Сталина

Боевая честь нам дорога...

Это подходит рота всевобуча. Командир роты тов. Балашов отдает рапорт главному судье тов. Толстикову. Подразделение регистрируется, получает номера и готовится к старту.

9 часов утра... У старта собирается судейская коллегия, секундометристы, командиры взводов, представители общественных организаций и «болельщики».

9 часов 05 минут. Раздается команда

– Отделение равняйся! Смирно!

Шеренга лыжников застывает в ожидании...

– Внимание!

Секундомер показывает 9 часов 06 минут.

– Марш!

Отделение как один человек срывается со старта. Профсоюзно-комсомольский лыжный кросс имени XXIV годовщины Красной Армии в Сыктывкаре начался.

19 февраля

ШКОЛА ПОМОГАЕТ ФРОНТУ¹⁰

А. Веселовский

...Учащиеся принимают горячее участие в работе по организации помощи фронту... Они собирают средства в фонд обороны родины, собирают золу, металлолом, детали сельскохозяйственных машин, помогают семьям красноармейцев, шлют на фронт подарки бойцам и командирам. Ряд школ, многие учащиеся ведут переписку с фронтовиками, рассказывают о своих делах, вызывая восхищение и вдохновение бойцов...

¹⁰ За 1942 год школьниками г. Сыктывкара было выработано 31 189 трудодней.

В школах широко развернулся сбор учебников и учебных пособий и детской одежды для детей освобожденных районов, а так же теплой одежды для бойцов Красной Армии. Учащиеся школы № 2 сдали для отправки фронтовикам 3 одеяла, 5 теплых кальсон, 3 полушубка, 5 пар теплых перчаток, 5 шарфов, 11 теплых рубашек, 10 шапок, 14 пар портянок, 68 носовых платков, 38 пар носок, 39 зубных щеток, 258 коробок спичек, 221 кусок мыла, 76 коробок зубного порошка, 86 пачек папирос, 16 флаконов одеколона, 38 тетрадей, 60 карандашей и т. д.

26 марта

В КОММУНАЛЬНОЙ ПРАЧЕЧНОЙ

АН. УЛИСКОВ

Не так давно коммунальное хозяйство Сыктывкара обогатилось новым предприятием – прачечной. Оборудовано оно по всем требованиям современной техники и сулит большие удобства горожанам и предприятиям. Предприятие замечательное, но, к сожалению, порядка в нем нет. Можно без опаски сказать, что ни один гражданин, сдавший белье в городскую прачечную, не получит его благополучно обратно... Но задержка белья – это еще не единственный недостаток в работе прачечной: белье перепутывают, его портят...

Эти недостатки директор прачечной тов. Мурасова признает... и тут же начинает жаловаться на недостатки в оборудовании и слабую квалификацию кадров. Действительно, расшатались стойки сушильных шкафов, перекосило двери, протекает водяной бак, но это не снимает ответственности перед предприятием по качественному обслуживанию населения.

10 мая

«ДОМНА КАЛИКОВА»

В. Юннин, С. Морозов

6 мая партийно-советскую общественность и всех советских граждан города Сыктывкара порадовало весьма знаменательное явление в области развития национальной коми культуры. Силами студентов Коми студии ГИТИС была поставлена премьера пьесы С.Ермолина и Н.Дьяконова «Домна Каликова»¹¹.

¹¹ Руководителем Коми студии в ГИТИС был П. О. Мысов, Домну играла Г.Сидорова, в других ролях – Н.Турубанов, Л.Томова, И.Суханов, В.Леканов, С.Головин, Ю.Оботурова, М.Вестенчик, Н.Чевский.

14 октября

ГОТОВИТСЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА

В. Викторов

Художники города Сыктывкара готовят ряд новых работ к XXV годовщине Великой октябрьской социалистической революции. Так тов. Строик работает над картиной «Подвиг Николая Оплеснина»¹², а так же над рядом портретов и плакатов. Художник Постников работает над эскизами к картинам «Помощь коми оленеводов фронту» и «Подвиг героя Советского Союза В. Кислякова». Художники Поляков и Безносков работают над темами о великой отечественной войне. Картины о героической работе в тылу, в колхозах, на сплаве готовят ряд художников из кружка самодеятельности.

1943

5 января

ГОТОВИМ ОТЛИЧНОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

Ф. Балашов

Сыктывкарский городской военный учебный пункт за 15 месяцев подготовил сотни физически крепких, выносливых и умелых бойцов – стрелков, пулеметчиков, автоматчиков, минометчиков, истребителей танков, снайперов... Недавно окончило учебу еще одно подразделение снайперов... Часть бойцов уже ушла на фронт, а некоторые работают военруками в школах и в подразделениях Всевобуча младшими и средними командирами. 7 декабря учебный пункт Всевобуча начал подготовку бойцов четвертой очереди...

6 февраля

ФРОНТОВИКАМ ОТ ТРУДЯЩИХСЯ СЫКТЫВКАРА

Приближается XXV-летие нашей доблестной Красной Армии. Трудящиеся города Сыктывкара с большой любовью готовят праздничные подарки для фронтовиков. Коллектив школы ФЗО № 2 приготовил для отправки на фронт 10 банок варенья, 2 кг сливочного масла, 18 кг сушек, 17 кг печенья, 12 кусков мыла, 3 пары теплых рукавиц, 10 воротничков, 4 полотенца, теплую шапку, носки и другие продукты и вещи. Коллектив Дырносского кирпичного завода посылает бойцам 19 пар теплых рукавиц, 12 штук кисетов, 28 воротничков, 11 пар носок, 4 флакона духов, 3 полотенца, 6 кг сушек.

Ученые и научные работники Базы Академии наук собрали для приобретения подарков 2.905 рублей. Сотрудники Уполнаркомзага

¹²После получения Героя СССР Н.Оплеснин приезжал в Сыктывкар (февраль 1942).

приготовили 14,5 кг сушек и 10 кг колбасы. Работники станции по переливанию крови сдали в городскую комиссию для отправки на фронт 8 пар теплых рукавиц.... Учащиеся школы № 16 посылают бойцам 18 кг белых сухарей, 3 пары теплых рукавиц, теплую шапку, суконную гимнастерку, сухие грибы, карандаши и другие вещи и продукты.

Коллектив республиканского военкомата приготовил для отправки на фронт 40 пачек папирос, 1,6 кг сливочного масла, 4 флакона духов, 4 кг сушек, 4 кг колбасы, 4 теплых свитера и т. д. Коллектив хлебокомбината специально приготовил для посылки на фронт 18 кг пряников, 7 кисетов, 2 пары теплых рукавиц, теплую рубашку и т.д.

Коллектив работников больницы сдал для отправки на фронт 14 кг сушек, 8,5 кг печенья, 2,4 кг белых сухарей, 2 пары теплых рукавиц, 21 штуку носовых платков, 60 воротничков, 17 кисетов, 11 флаконов духов, 1 меховой жилет и т.д. Работники городской поликлиники отправляют фронтовикам 2,5 кг сушек, 15 пачек чая, 10 флаконов духов, 9 кусков мыла, 6 пар теплых рукавиц, 1 меховой жилет, 3 полотенца и т.д.

Коллектив Пединститута посылает на фронт 524 открытки, 139 воротничков, 2 пары рукавиц, 4 полотенца, 22 кисета с табаком, 16 носовых платков, 28 карандашей, 20 штук кисточек для бритья и другие вещи. Рабочие и служащие затона сплава собрали и отправили 7 кг сливочного масла, 3 кг конфет, 3 кг печенья и другие продукты и вещи. Коллектив мясокомбината специально приготовил для отправки на фронт 10 кг колбасы. Рабочие овощного участка приготовили и отправляют 19 кг белых сухарей, 8 кг свинины, 4 кг сливочного масла.

17 марта

ПОМОЖЕМ ОСВОБОЖДЕННЫМ РАЙОНАМ¹³

Е. Иевлева

Учащиеся и учителя школ г. Сыктывкара внесли в сталинский фонд помощи освобожденным районам 67.696 рублей. Из них наличными деньгами 19.076 рублей и облигациями Государственных Займов 48.620 рублей. Сбор средств продолжается. Наиболее хорошо эта работа развернута в НСШ № 16. Здесь в среднем каждый учащийся внес по 13 рублей. Неплохо организован сбор средств в СШ № 12, СШ № 2 и в СШ № 6.

¹³Ответ на создание Сталинского фонда братской помощи народам освобожденным от гитлеровской оккупации (создан в феврале 1943).

30 марта

ОКРУЖЕНЫ ЗАБОТОЙ И ВНИМАНИЕМ

А. Омелина

С начала отечественной войны мой муж ушел на фронт бить проклятых фашистов. У меня на руках осталось четверо маленьких ребят и старый отец. Хотя я и имела свой дом и огородный участок земли, но жить без работы было трудно, и я устроилась в Мясокомбинат уборщицей.

Вскоре умер старик – отец и ребенок, но я не осталась одна со своим горем. Я встретила поддержку и участие всего коллектива. Двоих моих ребятшек устроили в детский садик, а третьего в школу. Выделили дополнительный земельный участок, обеспечили семенами, дали лошадь вспахать огород. Эту заботу я встречала повседневно. Недавно мне привезли дрова, приняли в починку три пары детской обуви, а для меня заказали сапоги. Обещали выделить тес и починить крышу. Кроме этого я ежемесячно получаю из собеса пособие в сумме 150 рублей.¹⁴

На заботу и внимание я отвечаю стахановским трудом, всемерной помощью фронту... На танковую колонну «Колхозник Коми АССР» я внесла трехдневный заработок и 150 рублей облигациями военного займа. В сталинский фонд братской помощи народам СССР, освободившимся от гитлеровской оккупации внесла 5-дневный заработок, на поддержку бойцам – двухдневный заработок, в помощь семьям фронтовиков – однодневный заработок...

15 марта

ЛУЧШЕ ОРГАНИЗОВАТЬ ТРУД ШКОЛЬНИКОВ НА ПОЛЯХ.

УЧАЩИЕСЯ НСШ № 4 И НСШ № 16

Успешно закончив учебу в школе, мы вышли на помощь колхозу имени Кирова Тентюковского сельсовета. В колхозе нам отвели определенный участок работы. Согласно плану, школе № 4 поручено обработать 8 гектар картофеля, прополоть 24 гектара яровых, 9 гектар озимых, посадить, вырастить и снять урожай капусты с одного гектара и других культур с полутора гектар. Кроме того дано задание заготовить 7,5 тонн веточного корма для скота, собрать 100 кг крапивы и лебеды, 10 кг шиповника, 10 кг калины. Подобное задание получено и школой № 16...

¹⁴Пособие семьям военнослужащим выдавалось из расчета оставшихся в тылу нетрудоспособных и малолетних членов семьи военнослужащего и колебалось от 100 до 200 руб. ежемесячно. Кроме того семьи военнослужащих освобождались в сельской местности от уплаты сельхозналога, если были дети меньше 8 лет.

1944

9 января

ТИМУРОВЦЫ ЗА РАБОТОЙ

Л. Харина

Наша тимуровская команда организована в ноябре прошлого года и состоит из 36 человек. С первых же дней мы дружно и горячо взялись за дело... Чем мы занимаемся? Принимаем участие в повозке дров, сборе металлолома, помогаем семьям фронтовиков пилим и колем дрова, носим воду, ходим за малышами в детский сад и ясли и играем с ними дома. Все мы горды сознанием того, что и мы, советские школьники, можем приносить помощь матери-родине, фронту.

15 января

РАЗУМНО РАСХОДОВАТЬ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИЮ,
ЭКОНОМИТЬ ТОПЛИВО¹⁵

А. Иванов

В городе Сыктывкаре за два с половиной года отечественной войны проделана большая работа по строительству новых промышленных предприятий и расширению производственных мощностей действующих предприятий. За это время построен и пущен в эксплуатацию кожевнно-обувной комбинат, вступил в строй шиноремонтный и пивоваренный заводы, создан горпищепромкомбинат...

25 мая

НА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОВЕРОЧНЫХ ЭКЗАМЕНАХ.
(В ПЕРВОЙ СРЕДНЕЙ ЖЕНСКОЙ ШКОЛЕ г. СЫКТЫВКАРА)

М. Черноусова

По праздничному выглядит школа. Чистые, светлые классы, убранные цветами, плакаты, лозунги, призывающие успешно провести проверочные испытания – все подчеркивает торжественность обстановки...

...Звонок. В девятом классе наступила тишина. С нетерпением ждут учащиеся начала письменных экзаменов по алгебре. В класс вошел старый заслуженный педагог Степан Матвеевич Каленик. Учитель предложил три вопроса для контрольных работ, охватывающие содержание пройденного программного материала. Надо решить: задачу на сложные проценты, прогрессии и логарифмические уравнения, два примера – на действия с дробями и на систему показательных уравнений с

¹⁵Отклик на социалистическое соревнование по экономии электроэнергии и топлива.

двумя неизвестными. Учитель громко и внятно зачитал вопросы, затем записал их на доске. Склонившись над тетрадями, ученицы занялись решением контрольных задач... Испытание рассчитано на два часа, но не проходит половины срока, как ученики один за другим начинают сдавать контрольные работы...

16 июля

БАЗА АКАДЕМИИ НАУК В КОМИ АССР¹⁶

И. Оплеснин

...Придавая огромное значение дальнейшему освоению природных богатств Севера, по решению Совета Народных Комиссаров Союза ССР Президиумом Академии Наук с 1 июля сего года в гор. Сыктывкаре создана постоянная База Академии Наук СССР в Коми АССР с отделениями – геологии, биологии и сектором гидрологии – гидробиологии¹⁷, с последующим открытием отделения языка, письменности и истории народа коми¹⁸, лесного сектора и экономической группы.

Проходящая в декабре 1942 года первая геологическая конференция в Коми АССР определила основные направления геологических исследований по выявлению запасов угля, нефти, железной руды, полиметаллов и подготовке этих месторождений к промышленному освоению...

Не менее важные задачи стоят и в области сельского хозяйства. Здесь на первый план выдвигаются вопросы изучения почв, научного обоснования создания совершенных приемов агротехники... в условиях Севера; изучение и создание нового семенного материала, продвижение картофеля и других овощей на Север, выращивание плодово-ягодных культур на Севере, изучение биологии сорняков и разработка приемов борьбы с ними, разработка кормовой базы.

Для осуществления тематического плана научно-исследовательских работ в области сельского хозяйства предполагается создание в этом году крупного экспериментального участка, прилегающего к району Сыктывкара. По сектору гидрологии и гидробиологии намечены такие работы: рыбные ресурсы Коми АССР и пути наиболее рационального использования их, поверхностные воды Коми АССР и их характеристика.

С организацией новых отделений... круг научно-исследовательских работ Базы значительно расширится. Количество научных работников

¹⁶ 20 мая 1945 года сотрудники Базы провели субботник по посадке вокруг Базы деревьев (около 100 саженцев берез и тополей).

¹⁷ Руководителем назначен кандидат технических наук В. А. Толмачев.

¹⁸ Отдел (с 1945 г. – сектор) образован в 1944 г., заведующая – А.И.Подорова.

Базы Академии Наук в Коми АССР имеет в своем составе одного лауреата Сталинской премии, двух докторов геологических наук и тринадцать кандидатов наук разных специальностей. При Базе Академии Наук в Коми АССР имеются и работают лаборатории: аналитическая, почвенная, химии, древесины, гидрохимии, биохимии и физиологии растений...

1945

10 января

БОЙ В ЛЕСУ

А. Усов

Осторожно пригибаясь к земле, разведчики бесшумно продвигаются кустарником вперед по ложбине. Они внимательно исследуют каждый куст... Разведчик – это глаза и уши армии. Он должен видеть все, оставаясь невидимым сам.

Ведущий группы подает сигнал. Все замирают на месте. Впереди открытая местность. Кто знает, может быть на опушке того перелеска, что напротив, затаился «противник» и наблюдает за ними... Разведчики начинают перебежку. Пока один проходит по открытому месту, остальные настороженно следят за ним, готовые в любую минуту прикрыть его своим огнем. Однако все обошлось благополучно. «Противника» в перелеске не оказалось, он был обнаружен гораздо дальше и тогда в небо взлетели сигнальные ракеты. Пока подходили основные силы, разведчики завязали перестрелку, вызывая огонь на себя, чтобы уточнить расположение огневых средств обороны. Вскоре перестрелка шла уже по всей линии фронта.

Как ни старались атакующие подойти скрытно, им это не удалось. Боевое охранение обороняющихся, выдвинутое далеко вперед, обнаружило продвижение северных и немедленно доложило об этом командованию.

Бой принимал затяжной характер. На помощь пехоте пришла авиация. Она начала «бомбить» с воздуха. Но к тому времени окопы южных были уже пусты. По команде: «Воздух!» бойцы передвинулись вперед и не понесли почти никаких потерь. Когда цепь атакующих появилась на лесной опушке их встретил губительный залповый огонь. Атака была отбита...

Это мы рассказали о военной игре, которая проходила в окрестностях Сыктывкара. В ней приняли участие старшеклассники средних школ города. Они показали выносливость, выдержку, умение ориентироваться на местности, ходить на лыжах и хорошо маскироваться...

Вечером для участников военной игры в Сыктывкарском Доме Пионеров был показан кинофильм «Котовский».

КИНОФЕСТИВАЛЬ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ ЛЕСОЗАВОДА

В клубе Сыктывкарского Лесозавода по инициативе партийной организации 4 января картиной «Я черноморец» начался кинофестиваль для молодежи. На просмотр кинокартин, кроме заводской молодежи, приглашены учащиеся старших классов средней школы. 6 января демонстрировался кинофильм «Небо Москвы». Кроме него будут показаны кинокартины «В 6 часов вечера после войны» и «Битва на Юге».

17 февраля

ПЕРЕД СМОТРОМ

С. Часовой

Коллектив Государственного Коми Республиканского Драматического национального театра готовится к предстоящему смотру национальных театров РСФСР, который пройдет в Сыктывкаре. Этот смотр является для нашего театра экзаменом роста и достижений в области развития социалистического по содержанию и национального по форме искусства, проверкой творческого пути, пройденного за десять лет своей работы...

Коми республиканский театр выходит на смотр с тремя пьесами. Среди них пьеса С.Ермолина и Н.Дьяконова «Домна Каликова»¹⁹... К пьесе написана специальная музыка, поддерживающая национальный колорит. Для участия в пьесе приглашен хор концертно-эстрадного бюро и два курса театральной студии. Второй пьесой на смотре театр покажет новую работу С.Ермолина и Н.Дьяконова «В дни войны»²⁰ – комедию в 4-х действиях... И третья пьеса, которая готовится – это «Слуга двух господ» К.Гольдони. Ею дается показ постановки переведенной на коми язык классической пьесы.

В смотре так же примут участие²¹ Устькуломский и Объячевский колхозно-совхозные театры. Устькуломский театр готовит к смотру пьесу «Мужество» С.Ермолина и Н.Дьяконова и «Женитьбу» Гоголя. Объячевский театр готовит пьесу «В степях Украины» Корнейчука, переведенную на коми язык.

¹⁹ Постановка Н.М.Дьяконова, художественное оформление А.А.Полозовой.

²⁰ Постановка Н.М.Дьяконова и П.О.Мысова.

²¹ Участвовали так же русский республиканский драматический театр («Месяц в деревне» Тургенева) и Интинский театр («Васса Железнова» Горького).

11 марта

КОНСКИЕ БЕГА²² И ОЛЕНЬИ ГОНКИ

9 марта после республиканского совещания передовиков сельского хозяйства²³ в городе Сыктывкаре были устроены конские беговые и оленьи гоночные соревнования. В конских беговых приняли участие рысаки Госконюшни Наркомзема Коми АССР, совхоза НКВД и колхозов Сторожевского и Устьвымского районов.²⁴ В оленьих гоночных соревнованиях участвовали олени колхозов Устьцилемского, Кожвинского и Ижемского районов.²⁵

9 мая

В ЭТУ ИСТОРИЧЕСКУЮ НОЧЬ...

И. Михайлов

От улицы к улице, от дома к дому, из уст в уста неслась эта радостная весть:

– Победа! Гитлеровская Германия безоговорочно капитулировала! Великая отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков победоносно завершена!

Радость победы подняла всех. На улицы Сыктывкара вышли люди, они поздравляли друг друга, обнимались, целовались.

– С победой!

– С Праздником Победы!

И всюду можно было слышать, с какой любовью, восхищением и гордостью народ произносил имя великого Сталина.

У горкино театра среди улицы собралась группа людей. Улыбающиеся лица, радостный говор. Около Обкома комсомола молодежь украшает здание флагами. Слышится звонкий смех. И так всюду. Ночной тишины как не бывало. Улицы украсились полыхающими алыми полотнищами...

В это утро на многих предприятиях Сыктывкара, в общежитиях и учреждениях состоялись многолюдные митинги.

²² Подобные бега будут устраиваться позднее на стадионе. В бегах будут участвовать две группы лошадей: пригородных колхозов и городских предприятий и учреждений. – См. газета «За новый Север» от 23.03.1945 (объявление о бегах).

²³ Проходило в здании Коми республиканского театра. Там же была устроена выставка достижений сельского хозяйства Коми АССР.

²⁴ В скачках победили вороной жеребец «Май» русско-американской породы, вороной жеребец «Дружный» русско-рысистой породы, светло-серый жеребец «Зоркий» русско-американской породы, кобыла «Пальма». Все перечисленные лошади были из Госконюшни Наркомзема.

²⁵ Гонка по кругу трех оленьих упряжек.

15 июня

НИ КУЛЬТУРЫ, НИ ОТДЫХА...

Итак, открытие парка в воскресенье 10 июня не состоялось... В этот день только еще развернулись строительные работы. Еще год-два назад к услугам посетителей была прекрасно оборудована комната смеха, с дорого стоящими зеркалами, спортивная площадка, летний театр, комната отдыха, стрелковый тир, детская площадка, летняя эстрада и т.п.

С чем же нынче парк подходит к своему открытию? Комната смеха наглухо заколочена досками... Из семи зеркал, которыми раньше она была обставлена, теперь осталось, по одним утверждениям два, по другим четыре. А может и меньше. А вот комната отдыха, куда раньше могли зайти сыктывкарцы поиграть в шахматы, шашки, на бильярде, почитать газеты, журналы. Сейчас она без стекол. Двери заколочены досками, с бильярдных столов аккуратно срезано сукно... На открытой эстраде стояло пианино – ребятишки растащили его на части.

В парке было немало нарисованных маслом картин, удачных скульптурных групп. Где же все это. Картины разорваны на части, фигуры обезображены. Раньше в парке были цветы. Теперь... вместо цветов на клумбах занялись посадкой табака и картофеля. ...Лестница, по которой надо спускаться к берегу, наполовину разломана. Берег весь захламлен и разрушается.²⁶

14 июля

ЗАВТРА – ОТКРЫТИЕ СТАДИОНА «ДИНАМО» В СЫКТЫВКАРЕ

Еще недавно стадион «Динамо» представлял из себя заброшенный угол... с кучами мусора, грязи, ямами. За сравнительно короткий срок здесь проведены большие работы. Сделано 960 погонных метров нового забора, устроена дорога в 250 погонных метров, устроена хорошая беговая дорожка в 400 метров, выкопано канав и кюветов – 800 погонных метров, приведено в порядок футбольное поле.

²⁶ Зато в парке был установлен портрет Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза Маршала СССР И.В.Сталина и к портрету водили детей из детских садов (см. газета «За новый Север» от 5.05.1945. фотография «Воспитанники детского сада № 7 перед портретом И.В.Сталина»). Кроме того, в выставочном павильоне парка (на ул. Орджоникидзе) состоялась выставка художников Коми АССР: Л.Н.Жилин: этюды новостроек Княжпогоста и Воркуты, В.Г.Постников: цветная графика серия «Сыктывкар», В.В.Поляков: графика серии «Воркута», М.П.Безносков: книжные заставки (все Сыктывкар); А.М.Комаров, В.И.Прокошев, А.Е.Зост (все из Абезя); К.К.Пантелеев, А.С.Кузнецов (все из Воркуты) см. газета «За новый Север» от 8.07.1945 (ст. Мясоєдова Н. «Выставка художников Коми республики»).

Произведены планировка площадки, озеленение, капитальный ремонт трибуны.. Посажено 160 деревьев, вспахано 1,5 гектара поля, которое засеяно травой. В воскресенье 15 июля в 5 часов 30 минут вечера, состоится открытие стадиона. Это будет физкультурный праздник спортивного общества «Динамо». В его программе:

1. легкоатлетические соревнования: бег на 1000, 500, 100 метров, большая и малая шведская эстафеты, метание гранат и толкание ядра
2. футбольный матч между городской командой «Динамо» и республиканской командой «Трудовые резервы».

27 июля

ПРОЕКТ РЕКОНСТРУКЦИИ КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ гор. СЫКТЫВКАРА²⁷

В августе начнутся работы по реконструкции и оформлению Красной площади города Сыктывкара по проекту архитектора М.И.Фрог.

Проект предусматривает сокращение... размеров площади путем ее членения на две части по оси улицы Ленина и устройством по периметру площади сорокаметровой улицы с тротуарами, проезжей дорогой, зеленой прогулочной аллеей и велодорожкой.

Верхняя (восточная) половина площади решена в виде бульвара, разбитого на холмистом рельефе. Нижняя (западная) половина площади предназначена для массовых демонстраций, игр, празднеств... В центре устанавливается «Колонна Победы» высотой 30 м, завершенная созвездием знамен. Эта колонна будет видна со всех дорог, ведущих к городу. Бюсты Героев Советского Союза, выходцев из коми народа, установленные на постаменты вдоль холма бульвара, будут обращены к «Колонне Победы», к великолепным скульптурам В.И.Ленина и И.В.Сталина.

Контуры торжественной половины площади по бокам будут обрамлены высокой зеленью, на которую в дни торжеств будут вывешиваться портреты выдающихся людей Коми АССР. Перед правительственной и гостевой трибунами по плавной кривой разбивается высокая партерная зелень, обрамляющая подходы к скульптурам В.И. Ленина и И.В.Сталина. У входа на площадь с обеих сторон улицы Ленина будут стоять пилоны с надписями из произведений товарища Сталина.

С восточной стороны улицы Коммунистической вход на площадь украшают два обращенных друг к другу монумента, разрешенных в виде знамен. С западной стороны улицы Коммунистической проходы на

²⁷ За данный проект архитектор получил благодарность Правительства Коми АССР и 10.000 рублей премии.

площадь организованы по бокам правительственной трибуны. Сообщение между нижней и верхней частями площади происходит при помощи пандусообразных дорожек, расположенных по обе стороны остающейся «Доски Почета». По откосу холма... из живых цветов выкладываются слова «Слава героям», между ними в центре – римскими цифрами «XXV» – юбилейная дата.

Бульвар оформляется высокой партерной зеленью, дорожками, клумбами из цветов, бассейном и скамьями. Освещение площади предполагается осуществить прожекторами и электрическими фонарями. Могильный обелиск участников гражданской войны будет включен в композицию аллеи из высоких деревьев, окружающей Красную площадь²⁸.

1 августа

ВСТРЕЧА ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Еще с вечера по городу разнеслась весть, что утром прибывает пароход с демобилизованными воинами Красной армии. А утром, еще за два часа до его прихода, к пристани уже двигались толпы трудящихся Сыктывкара. Женщины, девушки, детвора, празднично одетые, шли с букетами цветов. Кто-то негодовал на дождливую погоду.

...Пристань украшена лозунгами, приветствующими славных воинов-победителей... А когда вдали показалась труба парохода в толпе пронеслось:

– Едут! Едут!

Напрасно дежурные пытались удержать людей, пробирающихся к дебаркатеру, чтобы скорее встретиться с родными, знакомыми, близкими. Все слилось воедино: песни, смех, музыка духового оркестра.

...Пароход подходит. Его палуба словно зеленью покрыта. Туда вышли бойцы. Они машут руками, приветствуют. Многие уже узнали своих...

Вот началась высадка. Незабываемые минуты. Победителей забрасывают цветами, обнимают, целуют, берут под руки и идут с ними вместе. Все они загорелые, здоровые, веселые, сильные.

7 октября

СЫКТЫВКАРУ – 165 ЛЕТ

М. Иннокентиев

...В новый пятилетний план включены крупные капиталовложения для реконструкции города. Намечена постройка новых заводов: стекольного, спирто-водочного, мебельной фабрики и т.д.

²⁸ Макет реконструкции передан в Коми Краеведческий музей и выставлен в одном из залов.

Будет сооружен «Дворец Советов» и десятки других культурных и хозяйственных объектов. В бетон оденутся берега Сисола. Асфальтом покроются главные улицы. Железная дорога соединит Сыктывкар с магистралью Котла – Воркута.

21 ноября

«РАСКИНУЛОСЬ МОРЕ ШИРОКО»²⁹

А. Усов

...Запросы советского зрителя с каждым днем возрастают. Наряду с классической пьесой, драмой сыктывкарский зритель хочет видеть музыкальную комедию... Вот почему трудно достать билеты на постановку «Раскинулось море широко».

...Но музыкальную комедию в Сыктывкаре не каждый день увидишь. Поэтому вполне естественно встает вопрос о создании в Сыктывкаре – театра музыкальной комедии.

Конечно создание нового театра сопряжено с большими трудностями: во-первых, нужны артисты, во-вторых, нужны средства. Преодолимы ли эти трудности? Нам кажется, да. Создание театра музыкальной комедии будет происходить на базе театра драмы, но не в ущерб его деятельности. Известную часть артистов можно выделить для игры в оперетте. Кроме того, можно привлечь существующие концертно-эстрадное бюро и Коми национальный ансамбль песни и пляски. Остается пригласить 4-5 артистов ведущих ролей.

Публикация Б.Р.Колегова

²⁹ Рецензия на музыкальную комедию русского республиканского театра по пьесе Вишневского, Азарова, Крона.

**ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА.
БИБЛИОГРАФИЯ. ИНФОРМАЦИЯ**

Участие жителей Коми края в войнах и вооружённых конфликтах (XI – начало XX века). Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Вып.1. – Сыктывкар: РИО ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН, 2004. – 140 с. 300 экз.

Вышедший в начале 2004 г. «пилотный» сборник трудов Коми отделения Академии военно-исторических наук является изданием, необходимость появления которого остро ощущалась уже давно. Несмотря на его скорее просветительно-краеведческую, нежели научно-исследовательскую направленность, именно данный сборник может послужить импульсом к углублённому изучению военной истории как в Республике Коми, так и на сопредельных территориях. Поэтому остается выразить глубокую благодарность руководству Коми отделения АВИН, обеспечившему выход в свет этого крайне важного и нужного издания.

Не предполагая анализировать подробно сборник в целом, все же отмечу его весьма эклектичный характер, что, впрочем, почти неизбежно при открытии серии тематических периодических изданий и не может быть поставлено в вину редакционному коллективу. Непосредственно же предметом данной рецензии станут опубликованные в сборнике статьи, посвященные истории русско-японской войны 1904-1905 гг. Как специалист в области истории именно этой войны, с сожалением вынужден отметить, что данные работы имеют ряд недостатков как фактографического, так и методологического свойства.

Статья Н.И.Суркова «Участие коми воинов в русско-японской войне 1904–1905 годов» является первым опытом (если не считать дипломную работу студента исторического факультета СыктГУ Ф.В.Бачуринского, 1998 г.) обобщения информации об участниках русско-японской войны – уроженцах Коми края. Безусловно разделяю мнение автора о том, что они участвовали во всех серьезных сражениях войны, были достойными воинами, а их имена не должны предаваться забвению. Однако должен обратить внимание на ряд недоразумений, в основной своей массе сосредоточенных на с. 49 рецензируемого труда.

Начинаются они с досадных опечаток, в результате которых появились лингвистическое новообразование «эскадронный миноносец» (вместо «эскадренный»). Вместо термина «комендор» употребляется «командор» (уточняя: командор – устаревшее звание старшего офицерского состава ВМФ; а комендор – матрос, обслуживающий артиллерийское орудие). Приведены ошибочные цифры погибших на крейсере «Варяг» и броненосце «Петропавловск». В число выходцев из Коми края

включен Д.А.Шарапов – уроженец деревни Селиваново Бобровско-Захаровской волости Никольского уезда (ныне – территория Кич-Городецкого района Вологодской области). Указано, что Д.М.Белых погиб в 1904 г., хотя в соседней статье В.Ф.Паршукова подробно рассказана его биография и указан год смерти – 1931-й. Сходная ситуация наблюдается и далее. На с.50 упомянут Георгиевский крест 30-й степени (всего степеней – четыре). На с.51 эскадренный броненосец «Орёл» именуется то крейсером, то броненосцем. На с.52 искаженно представлена гибель крейсера «Светлана». На с.54 вместо города Мукден упоминается некий «Мунден». Вызывает сомнение целесообразность использования в качестве исторического источника литературных произведений – романов «Цусима» А.С.Новикова-Прибоя и «Варяг» А.С.Сергеева (с.57).

Как показывают списки литературы и источников, ни Н.И.Суркову, ни В.Ф.Паршукову не известны фундаментальные работы по истории русско-японской войны, имеющиеся, кстати говоря, в Национальной библиотеке Республики Коми. Знакомство с ними позволило бы избежать многих неточностей. Например, В.Ф.Паршуков в своей статье «Матросы из песни» описывает обстоятельства легендарного боя «Варяга» по изобилующей разного рода ошибками книге журналиста И.И.Пономарева «Герои «Варяга»; вместо того, чтобы обратиться за информацией к капитальному труду Р.М.Мельникова «Крейсер «Варяг». В результате реальная картина боя значительно искажается. Не обходится без терминологических недоразумений и в этой статье: пытаюсь объяснить читателю термин «шканцы», автор дает определение шкафута (с.60).

Безусловно, авторы статей проделали огромный объем весьма кропотливой работы по сбору информации в Национальном архиве Республики Коми. Однако недостаток общих знаний в области военной истории крайне негативно сказался на качестве их исследований: ценные факты подверглись неверной интерпретации. И если авторы рассматриваемых публикаций совершенно справедливо призывают к уважению памяти героев, то в воспитании этого уважения следует начинать с самих себя. Ведь уважение к памяти предков – это *правдивый* рассказ как об их подвигах, так и об истории в целом.

В отличие от двух предыдущих, не вызывает никаких нареканий статья В.И.Чупрова «Антивоенные выступления и антиправительственная пропаганда в Коми крае в годы русско-японской войны». Единственный ее «недостаток» – крайне малый объем, что позволяет рассматривать данную работу как своего рода вводную часть, «пропедевтику» к более серьезному исследованию, быть может, даже выходящему за террито-

риальные рамки Коми края. В целом же статья написана на высоком профессиональном уровне, всегда характерном для работ В.И.Чупрова.

В заключение считаю своим долгом отметить, что редакционной коллегии сборника следует осторожнее подходить к публикации материалов энтузиастов-краеведов, являющихся дилетантами в вопросах военной истории. Надлежит также обратить внимание на техническую правку рукописей, чтобы избежать орфографических и пунктуационных ошибок, встречающихся в текстах. Тем не менее все высказанные выше замечания не способны исказить в целом благоприятного впечатления о «первой ласточке» Коми региональной военной историографии.

*С.А.Гладких,
к.и.н., член-корреспондент АВИН*

О.Е.Бондаренко, Г.А.Князева, А.Н.Турубанов. «Лесной комплекс Республики Коми в XX веке». Сыктывкар, 2004. 183 с. Тираж 200 экз.

Изучение опыта развития народного хозяйства нашей страны и его отдельных отраслей имеет большое научное и практическое значение и является одной из важнейших задач российской исторической науки. Республика Коми – один из крупнейших поставщиков лесной продукции на внутренний и международный рынок. Поэтому обращение к теме «Лесной комплекс Республики Коми в XX веке», еще не получившей достаточного отражения в отечественной исторической литературе, вполне обосновано и актуально.

Для написания работы авторы использовали широкий круг источников: документы из фондов Государственного архива Российской Федерации, Национального архива Республики коми, Коми республиканского государственного архива общественно-политических движений и формирований, а также архивохранилищ Санкт-Петербурга, Архангельска, Вологды; материалы периодических изданий; имеющуюся по избранной теме историческую и экономическую литературу.

На основе изучения этого комплекса архивных и литературных данных авторы впервые в российской историографии представили достаточно полную картину развития главной отрасли в Коми крае за большой период – двадцатое столетие. В частности, в книге нашли отражение такие важные аспекты темы, как развитие материально-технической базы лесного комплекса республики, количественные и качественные изменения в составе самого большого отряда тружеников Коми края,

условия их работы и материального уровня жизни, особенности развития отрасли в специфических условиях Севера.

Особенно хотелось бы отметить, что в монографии в специальной главе освещено состояние и развитие лесозаготовок и лесопереработки в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (автор – д.и.н., проф. А.Н.Турубанов). Автор указывает, что в военные годы на предприятиях лесной промышленности Коми АССР были размещены заказы многих министерств оборонной промышленности страны, в частности, на заготовку древесины и лесоматериалов для изготовления ствольной накладки, боеукупорки, санитарной дранки, лыж и других изделий оборонного значения. Отмечается, что перестройка лесной промышленности республики на военный лад потребовала значительных материальных, финансовых и людских ресурсов. В главе проанализированы неоднозначные процессы, происходившие в производственно-технической базе лесного комплекса, обстоятельно освещена кадровая проблема и пути ее решения, показано ухудшение материального положения работников лесной отрасли. Как представляется, данная глава – существенный вклад в изучение истории Коми периода Великой Отечественной войны. Хотелось бы, конечно, чтобы подобным же образом в монографии специально была бы освещена история развития лесного комплекса Коми края во время Первой мировой и гражданской войны, тем более что в составе авторского коллектива – член-корреспондент Академии военно-исторических наук, к.и.н., доцент О.Е.Бондаренко, перу которой принадлежат весьма интересные публикации, посвященные как лесной промышленности, так и некоторым сюжетам коми истории периода Первой мировой войны.

Как самокритично отмечено во введении книги, значительный пласт документов выявлен в ведомственных архивах в необработанном виде, что затрудняло выполнение поставленных авторским коллективом задач, и «не могло не отразиться на степени освещенности некоторых вопросов». Тем не менее, на наш взгляд, в целом авторам удалось реализовать основной замысел работы и раскрыть сложные процессы развития лесного комплекса Республики Коми в двадцатом веке, что является значительным вкладом в отечественную историографию.

*В.Г.Макуров,
заведующий сектором истории
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН, к.и.н.,
член-корреспондент Академии военно-исторических наук*

Е.Н.Боле
ЭТО НУЖНО НЕ МЕРТВЫМ. ЭТО НУЖНО ЖИВЫМ.
(О ПОИСКОВОЙ РАБОТЕ КОМИ РЕСПУБЛИКАНСКОГО
ПОИСКОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА»)

9 мая 1945 года – день, который разделил войну и мир. И, казалось бы, в самой кровопролитной войне в истории человечества поставлена точка. Поставлена... Но не для всех. До сих пор ждут вестей родные тех, кто пропал без вести. Ждут и надеются, что рано или поздно прояснится фронтовая судьба родных, найдется могила, где пожилым можно будет выплакать накопившееся за 60 лет горе, а молодым, преклонив колени в дань уважения и благодарности, почтить их память. Это является одним из определяющих факторов проведения поисковой работы. Благодаря поисковым отрядам, занимающихся поиском останков не захороненных солдат, погибших в годы Великой Отечественной войны, по всей России установлены сотни имен погибших защитников Отечества. Захоронены тысячи воинов. Во многих семьях узнали и узнают, где захоронены их родные.

С 2003 г. планомерная поисковая работа проводится и в Республике Коми. Еще в конце 1980-х под эгидой ВЛКСМ тогда еще в Коми АССР были организованы поисковые отряды, которые выезжали в бывшие фронтовые районы. Однако изменения в политической и социально-экономической жизни в начале 1990-х гг. привели к тому, что многие отряды прекратили свою работу. О том, что когда-то в далекие 80-е молодые люди из Коми принимали участие в поисковых экспедициях, современные поисковики республики знают только понаслышке или из поисковой литературы. Преемственности, обмена опытом со своими предшественниками у нынешних поисковиков не сложилось. После перерыва, затянувшегося более чем на 10 лет, днем рождения (возрождения) поискового движения в Коми принято считать февраль 2003 г., когда был организован поисковый отряд.

В первый состав отряда, названного «Северной звездой», вошли студенты Коми филиала Кировской государственной медакадемии. На базе этого учебного заведения поисковый отряд был организован не случайно, хотя все начиналось с малого. С открытием в филиале военной кафедры преподаватели решили познакомить своих студентов с организацией учебного процесса по военным предметам в самой академии. Затронув тему гражданско-патриотического воспитания, они узнали, что в академии существует поисковый отряд «Фронт», в составе которого студенты регулярно выезжают в экспедиции по местам боев, активно

работают и в течение учебного года. На общественных началах ими построена собственная стационарная музейная экспозиция.

«Что такое поиск?», «Каким образом удастся совмещать работу с учебной?» на эти и многие другие вопросы командир отряда «Фронт» Алексей Кутергин отвечал уже в Сыктывкаре. Он выступал на научно-практической конференции «Парашюты Абвера над Коми Пармой», проходившей в декабре 2002 г., а также перед студенческой аудиторией в Коми филиале КГМА, показывал привезенные с собой фотографии. Именно на тех встречах возник интерес к поисковому делу, а многие участники конференции и студенты откликнулись на предложение Президента Ассоциации следопытов Коми С.В.Таскаева и старшего преподавателя Коми филиала КГМА А.Ю.Логинова создать в Коми свой поисковый отряд. Инициативу поддержал Комитет по делам молодежи Республики Коми. Началась работа по подготовке отряда к выезду на «Всероссийскую Вахту Памяти – 2003 г.».

Постепенно интерес к поисковой работе увеличился, в различных учебных заведениях республики созданы и работают пять поисковых отрядов. В январе 2004 года появилась одноименная первому поисковому отряду общественная молодежная организация «Коми республиканское поисковое объединение «Северная звезда», объединяющая и координирующая деятельность всех отрядов.

Организация ставит в своей работе цели: увековечение памяти павших защитников Отечества, патриотическое воспитание молодежи. На практике они реализуются в различных формах. Ведущим направлением деятельности выступает поисковая работа. Прежде всего, она включает поиск и захоронение останков погибших защитников Отечества времен Великой Отечественной войны и, как следствие, восстановление имен без вести пропавших бойцов, поиск их родственников; осуществление исследовательской работы по запросам от населения по уточнению, либо установлению мест гибели родных. В поисковой работе осуществляется сотрудничество с рабочей группой редколлегии Книги памяти Республики Коми.

Не менее важными направлениями деятельности Объединения являются информационно-методическая, музейная и культурно-массовая. К ним относятся организация и проведение тематических семинаров, участие в научно-практических конференциях, издание собственной газеты – вестника «Северная звезда», взаимодействие со СМИ по созданию передач и публикаций патриотической тематики. По возвращении из поисковых экспедиций отряды оказывают безвозмездную помощь муниципальным и школьным музеям в комплектовании их фондов экспонатами периода Великой Отечественной войны. Следует отметить, что

поиск и приобретение предметов военной поры в тыловой республике является проблематичным, а их экспонирование особо ценным. В Национальном музее РК организована и постоянно действует выставка, рассказывающая о «Северной звезде». На базе «Центра патриотического воспитания детей и молодежи г.Сыктывкара» формируется фонд военно-исторической литературы и методических пособий по поисковой работе, проводятся мероприятия гражданско-патриотической направленности.

За весну-лето 2003–2004 гг. отрядами республики производились поисковые работы на территории Новгородской, Ленинградской и Мурманской областей. За это время поисковиками «Северной звезды» были обнаружены, подняты и торжественно захоронены с отдаванием гражданских и воинских почестей останки 136 воинов Красной Армии. Найденные в ходе эксгумационных работ восемь медальонов, с сохранившимися в них вкладышами, позволили вернуть истории имена погибших бойцов, призванных на фронт из Московской, Самарской, Тульской, и Омской областей. В настоящее время ведется поиск их родственников.

КРПО «Северная Звезда» сотрудничает с поисковыми объединениями России. Установление судеб без вести пропавших и пытающихся найти их родственников – для всех дело общее, единое. Отзывчивость поискового братства помогает в формировании базы данных по воинам, призванным из Коми, имена которых были установлены при проведении поисковых работ по найденным рядом с останками медальонам, наградам или именным вещам. Существующая на сегодняшний день база данных включает пока 28 имен. Однако, полученные сведения, в сравнении со списками Книги памяти Республики Коми показали, что шестеро человек из двадцати восьми до недавнего времени числились без вести пропавшими, а имена девяти участников войны, установленных по медальонам военнослужащего, вовсе не увековечены в мартирологе. В ряде случаев имеющиеся материалы подтверждают места гибели и захоронения уроженцев республики. По результатам исследования, рабочая группа редколлегии Книги памяти проводит дальнейшее уточнение с последующим внесением дополнительных, а также точных данных в электронную версию мартиролога.

Поисковая работа по установлению данных о местах захоронений погибших воинов проводится не только во время полевых экспедиций на «Вахтах памяти». В перерывах между ними поисковики изучают материалы военных архивов. Каждая война оставляет много «белых пятен» в истории. Современников и очевидцев войны становится все меньше, в ряде случаев снять пелену неизвестности позволяют только сохранившиеся документы. Сегодня, с получением доступа исследователей к ранее засекреченным материалам различных военных архивов, в том

числе зарубежных, возможно восстановить фронтовую судьбу многих людей, призванных на фронт. Как известно, одной из «закрытых» страниц в истории войны оставалась тема военнопленных. Защита Отечества, своей земли – дело святое, выполнить свой гражданский долг – дело чести. Однако в силу различных обстоятельств на театрах военных действий тысячи воинов незадолго после призыва на фронт попадали в плен. Судьба военнопленных в Германии – расстрелянных, повешенных, умерших от голода, болезней и лишений, отравленных в газовых камерах, замученных во время «медицинских» опытов, а уцелевших – вынужденных работать на фашистов, трагична. Нечеловеческая мера и тяжесть вражеского плена выпала на долю солдата Григория Елфимова, уроженца д.Сейты Коми АССР.

Выяснить подробные сведения по его судьбе удалось благодаря объединению усилий поисковиков Москвы, Казани, Сыктывкара. Дело в том, что как только в Коми появилось свое поисковое объединение, и о нем узнали за пределами республики, так сразу к ребятам начала поступать информация из других, подобных же объединений. В почте «Северной звезды» одновременно оказались два письма. В них сообщалось о голландском журналисте и его жене, которые ищут родственников русских военнопленных. И среди тех, кого они ищут, есть солдат, призывавшийся из Коми – Георгий Елфимов.

17 апреля 2004 г. в газете «Дым Отечества» (историко-краеведческом приложении газеты «Республика») была опубликована заметка «Не пропавшие без вести». Обращение со страниц газеты для поисковиков было едва ли не единственным способом отыскать во всем Сыктывкаре его родственников. Заметку увидела племянница Г.Елфимова Тамара Константиновна Макова. Встреча ребят с родственниками состоялась вскоре. «Моя бабушка, мама дяди Егора (так звали в семье Георгия Васильевича), прожила до 96 лет. Она до последнего своего дня задавалась вопросом, где же похоронен ее сын», – общаясь с поисковиками, неоднократно повторяла Тамара Константиновна Макова. В семье Г.В. Елфимова было 11 детей, из них 6 мальчиков. Трое были участниками войны, погибли. Места захоронений двух братьев были известны семье. На вопросы матери Натальи Александровны Елфимовой о судьбе сына Егора военкомат давал один ответ: «Пропал без вести в 1941-м». При этом никаких пояснений – ни примерного места, ни обстоятельств гибели. И только спустя почти 60 лет родные узнали о том, что все военные годы Георгий Васильевич был жив. Сейчас из его самых близких родственников жива младшая сестра Мария Васильевна, ей 84 года. Новости для нее в какой-то степени радостные и печальные одновременно. Близкие Марии Васильевны, пожилой и уже больной жен-

щины рассказывали о них не сразу, готовили ее к неожиданно пришедшим вестям исподволь, не торопясь. Ее брат не пропал без вести, есть могила. Но это только с одной стороны. С другой стороны, он всю войну, от начала и до самого ее конца, был в плену у немцев.

До Великой Отечественной войны Егор Елфимов (1913 года рождения, уроженец д. Сейты Озельского с/с Сыктывдинского р-на) работал пожарником в Затоне сплава. Был призван на фронт уже в июне 1941 г. Направлен в 532 стрелковый полк г.Грязовец Вологодской области. Служил в 657 отдельном полку. Сведения по дальнейшей фронтовой судьбе весьма ограничены, и, как выяснилось, не полны. В «Книге призыва Сыктывкарского горвоенкомата» отмечено, что Георгий Васильевич через месяц после призыва в июле 1941 г. попал в плен. Имя Г.В.Елфимова увековечено в «Книге памяти Республики Коми» несколько в другой редакции, где отмечено, что он умер в немецком плену уже в 26 июля 1941-го. Но об этих данных родные не знали. Возможно, отчасти оттого, что издание мартиролога началось в 1990-х гг., когда спустя долгие послевоенные годы никто уже и не надеялся узнать что-либо нового. Также многие годы после войны о наших военнопленных ни в исторических исследованиях, ни в публицистике, ни даже в произведениях искусства практически ничего не говорилось, словно в истории войны и не было этой трагической страницы.

Всю войну Г.В.Елфимов находился в немецких концлагерях. Так и не узнав о Победе, умер 8 мая 1945 г. в госпитале Люденшайд (Германия) после освобождения из плена, куда он был направлен в связи с тяжелым состоянием здоровья. Вместе с другими советскими военнопленными, освобожденными войсками США и умершими в основном от туберкулеза или от истощения, 14 мая 1945-го он был захоронен на кладбище Маргратен (Нидерланды). Могила была обозначена деревянным крестом, в «Свидетельстве о захоронении» в графе «В случае необходимости писать по следующему адресу» записано – «Неизвестно». В то время умерших солдат американцы хоронили на своем кладбище и по своим правилам. А правило у них было одно и очень строгое – никого из союзников не хоронить на территории врага. В 1947 г. американцы приводили в порядок захоронения своих соотечественников и насчет Военного кладбища в Маргратене приняли решение о перезахоронении всех неамериканцев на другие кладбища, где их соотечественники уже захоронены ранее. Так более 600 советских солдат с кладбища в Маргратене оказались перезахороненными в г.Амерсфоорте – на самом крупном захоронении советских солдат в Нидерландах.

О точной дате смерти и месте захоронения останков Г.В.Елфимова на Советском поле Славы (другой перевод Русское мемориальное

кладбище) в Амерсфоорте стало известно благодаря целеустремленной работе голландского журналиста Ремко Рейдинга и его жены Ирины. Их исследование началось как журналистское расследование по выполнению поручения редактора газеты «Амерсфоортсе Курант» попробовать найти родственников 865 советских воинов, захороненных в их городе. Задача стояла не легкая – проложить мост между забытыми русскими солдатами, захороненными в Амерсфоорте и их ничего не знающими родными и близкими. Ремко Рейдинг сделал запросы в архивы Голландии, Германии, Америки, России. Узнал массу неожиданного. И то, что начиналось как журналистское расследование, превратилось в моральный долг. «Если этого не сделаю я, то этого не сделает никто. И если это не произойдет сейчас, то потом будет уже слишком поздно», – сказал Ремко в одном из интервью.

Поиск родственников по известному списку советских военнопленных ведется по всей России, в помощь Ремко и Ирине подключились поисковики на местах. С момента начала работы Ремко и Ирине Рейдинг удалось найти около 60-ти семей родственников солдат, одну из них в Сыктывкаре. И это только в течение одного года, так как вплоть до ноября 2003 г. Ремко Рейдинг не мог найти никакой дополнительной информации как по Г.Елфимову, так и многим другим, у кого в «Свидетельствах о захоронении» в графе «домашний адрес» значилось «неизвестно». Пока не появилась возможность доступа к информации Архива ВАСТ в Берлине. Там и удалось, наконец, выйти на госпитальные карточки на больных солдат, находившихся в госпитале в д.Люденшайд бывших военнопленных, среди которых была и карточка Георгия Елфимова. Выписка из карточки содержала следующую дополнительную информацию: отец Василий: «Сектревкар» («Sectrewkar») и точная дата рождения. Эта информация дала возможность начать поиск родственников, который успешно завершился.

После оглашения этой истории в СМИ, в «Северную звезду» стали поступать письма и звонки от жителей республики. Примечательно, что обращаются не только пожилые люди, представители фронтового поколения, но и внуки погибших в период Великой Отечественной войны. Большинство просьб связаны с поиском информации по родственникам, без вести пропавшим на фронтах войны. Запросы от населения поступают самые разнообразные. Многие вопросы связаны с уточнением мест захоронений. Например, в имеющейся на руках у родственников указан только район гибели близкого им человека, а место захоронения отмечено как «Лес. Отметка 51,1». Родные просят, по возможности, выяснить – где эта отметка? Как туда проехать и поклониться, возложить цветы и привезти землю с этого места. Если место захоронения погиб-

шего известно, родных интересует, увековечено ли имя на табличках воинских мемориалов. Есть запросы, связанные и с судьбой бывших военнопленных. Как правило, внимание в таких запросах акцентируется на вопросе, а при каких условиях их родные попали в плен.

Таким образом, поисковая, исследовательская работа в современном обществе востребована. Поисковики уверены, что будут продолжать начатое дело до тех пор, пока есть люди, не теряющие надежды получить весточку с минувшей, уходящей из года в год в глубь истории, войны.

СОСТАВ КОМИ ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ АКАДЕМИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, заместитель директора по научным вопросам Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Попов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Сметанин Александр Франсович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель председателя Президиума Коми научного центра УрО РАН, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Фаузер Виктор Вильгельмович – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом социальных проблем Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, профессор Сыктывкарского государственного университета

Чупров Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, профессор Сыктывкарского лесного института

ЧЛЕНЫ-КОРРЕСПОНДЕНТЫ АКАДЕМИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Бондаренко Ольга Евтихеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-политических наук Сыктывкарского филиала Нижегородского коммерческого института

Васкул Игорь Орестович – кандидат исторических наук, ученый секретарь Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Гладких Сергей Александрович – кандидат исторических наук, зав. кафедрой экономики и управления Котласского филиала Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций

Милохин Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, советник по науке Главы Республики Коми

Напалков Анатолий Дмитриевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Несанелис Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, заместитель генерального директора по связям с общественностью ОАО «Архангельскгеолдобыча».

Сурков Николай Иванович – кандидат исторических наук, доцент Коми государственного педагогического института

Таскаев Анатолий Иванович – кандидат биологических наук, директор Института биологии Коми НЦ УрО РАН

Таскаев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

ПРЕЗИДИУМ КОМИ ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Сметанин Александр Франсович – академик АВИН, председатель Коми отделения Академии военно-исторических наук

Жеребцов Игорь Любомирович – академик АВИН, ученый секретарь Коми отделения Академии военно-исторических наук

Члены Президиума:

Напалков Анатолий Дмитриевич – член-корреспондент АВИН

Попов Александр Александрович – академик АВИН

Таскаев Анатолий Иванович – член-корреспондент АВИН

Чупров Владимир Иванович – академик АВИН

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
СТАТЬИ	4
Митюшева Н.А. Строптивый легион	4
Милохин Д.В. Трудовые ресурсы сельхозартелей Коми АССР в годы Великой Отечественной войны	8
Игнатова Н.М. Вклад спецпереселенцев-«бывших кулаков» в победу в Великой Отечественной войне (на материалах Коми и Архангельской областей)	19
Рогачев М.Б. Исправительно-трудовые лагеря Коми АССР в 1941–1945 гг.	26
Гагиева А.К. Кооперативное образование Коми АССР в годы Великой Отечественной войны	44
Малкова Т.А. Деятельность научных учреждений Коми АССР и научные исследования в лагерях в годы Великой Отечественной войны	52
Козлова Д.Т. Музыкальное искусство Коми АССР в годы Великой Отечественной войны	66
СООБЩЕНИЯ	75
Рочев Р.А. Паспортная служба Коми АССР в годы Великой Отечественной войны	75
Житков В.Ю. Числился погибшим	84
«КРАЕВЕДЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ: ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ»	84
Иванов Ф.Н. Денежные расходы на «отдачу» рекрутов в Вологодской губернии в 1845–1873 гг. (по данным губернаторских отчетов)	84
Моисеева И.Ю. Время «до» и время «после»: к проблеме восприятия начала Великой Отечественной войны населением России (по материалам воспоминаний жителей Республики Коми)	88
Боле Е.Н. Проблемы мобилизации на фронт лагконтингента системы ГУЛАГа в 1941–1945 гг. (на примере Коми АССР)	97
Башлыков А.А. Комплекс вооружения древнерусского воина IX–XV вв.	105
Сурков Н.И. Защитник Севастополя	107
Калинин Н.С. Первый побег на немецком самолете	110

«ПАМЯТЬ ЗАБЫТОЙ ВОЙНЫ». ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: РОССИЯ И КОМИ КРАЙ	115
Таскаев М.В. Социально-политические процессы в Коми крае в годы Первой мировой войны	115
Сурков Н.И. Судьбы солдат – участников Первой мировой войны (по материалам Национального архива Республики Коми)	121
Бондаренко О.Е. «Письмо пишу на Родину»	125
Моисеева И.Ю. «Память забытой войны»	130
ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ	133
Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Коми край в годы Первой мировой войны: Хроника событий. Июль 1914 – ноябрь 1918 г.	133
Юркин А.В. Фронтовой дневник	158
Жеребцова С.В. Своими глазами (зарисовки из жизни сыктывкарцев в военные годы)	171
Из жизни Сыктывкара в военные годы (материалы газеты «За новый Север», 1941–1945). Публикация <i>Б.Р.Колегова</i>	180
ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. ИНФОРМАЦИЯ	201
Боле Е.Н. Это нужно не мертвым. Это нужно живым. (О поисковой работе Коми республиканского поискового объединения «Северная Звезда»)	205
СОСТАВ КОМИ ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК	212

**УЧАСТИЕ ЖИТЕЛЕЙ КОМИ В ВОЙНАХ
И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ XX ВЕКА**

Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук.
Выпуск 2

Научное издание

Рекомендовано к изданию
Президиумом Коми отделения
Академии военно-исторических наук

Редактор Н.К.Забоева
Оригинал-макет — Н.К.Забоева

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН
167982 г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
Компьютерный набор. Уч.-изд.л. 13,5 п.л. Тираж 300 экз. Заказ № 13.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «Полиграф-сервис»
ЧП Сысуев А.Н. Лицензия ПЛД 19-40
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36